

**Академия военно-исторических наук
(Верхне-Волжское отделение)
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского**

**Вестник
Верхне-Волжского
отделения Академии
военно-исторических
наук**

IV

**Ярославль
2005**

УДК 902
ББК 63.3 (0) 62.
В 387

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

В.Т. Юнгблуд, доктор исторических наук, профессор
В.В. Швецов, доктор исторических наук, доцент

Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
В 387 военно-исторических наук: материалы научной конфе-
ренции. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского,
2005. - 168 с.

В четвертом выпуске «Вестника» представлены материалы научной конференции, организованной Верхне-Волжским отделением Академии военно-исторических наук в преддверии 60-летия Великой Победы и проведенной 5 мая 2005 года на базе Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

Редакционная коллегия:

В.Т. Анисков – заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор, председатель Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук (главный редактор);

М.В. Новиков – доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военно-исторических наук (ответственный редактор);

С.Н. Картавый – кандидат исторических наук, доцент, действительный член АВИН, ученый секретарь Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук.

ISBN 5-87555-383-9

© Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, 2005.
© Авторы материалов, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

С.Г. Осьмачко Великая Отечественная война (1941-1945 гг.): исторический опыт и современность.....	5
М.В. Новиков Происхождение Второй мировой войны.....	13
М.А. Терентьев Диалектика непосредственно общественных и рыночных отношений в процессе Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.).....	27
Е.Ю. Волкова Истоки женской самоотверженности в годы Великой Отечественной войны.....	47
В.Т. Анисков Колхозное население военных лет	60
В.В. Жарков Проблемы строительства политорганов в 30-е годы XX века и их влияние на начальный период Великой Отечественной войны.....	73
В.Н. Гурьянчик Советский Союз и Германия: подготовка и осуществление пропагандистских операций.....	80
С.Н. Картавый Подготовка командных кадров для польских формирований в военно-учебных заведениях, дислоцировавшихся в годы Великой Отечественной войны на территории Ярославской области.....	88
А.А. Киселев Основные направления развития тактики общевойскового боя Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны.....	94

В.Л. Маслехин Достойный вклад в Победу. Патриоты села Верхней Волги фронту.....	105
С.В. Куксенко Деятельность полевых учреждений Госбанка на освобождённых территориях в 1944 - 1948 гг.....	113
Г.А. Чудакова Предмостный оборонительный рубеж на ст. Волга Некоузского района.....	116
В.С. Попова Деятельность Ярославского автомеханического техникума в годы Великой Отечественной войны и формирование резервов для фронта (по материалам Музея истории техникума).....	122
Л.П. Ковалева История далекая и близкая. Безымянный самолет.....	134
М. Попельш История и деятельность Ярославского отряда «Группа «Поиск» во Всероссийской экспедиции «Долина».....	138
С.Н. Картавый, М.А. Рутковский Вехи нашей истории.....	144
Приложение	148
Список изданных работ В. Т. Анискова и рецензии на его труды 2000–2005 гг.	

С.Г. Осьмачко
Великая Отечественная война
(1941-1945 гг.): исторический опыт
и современность

Приближение одной из самых славных дат отечественной истории - 60-летия Великой Победы советского народа над фашизмом, - ставит множество научно-теоретических и организационно-практических проблем. Предстоящая круговерть конференций, встреч, чествований, парадов, открытий памятников, презентаций и т. п. подозрительно напоминает излюбленный тип социально заданного срабатывания нашей бюрократии - кампанейщину. Вспомним, к примеру, широко демонстрировавшиеся недавние торжества по случаю юбилея великого А.С. Пушкина, однозначно выродившиеся в кампанию «по случаю». Тогда многие культурологи, пушкинисты и пр. протестовали против обилия мероприятий, пропушкинского шума и треска («Пушкин - наше всё!»), настаивали на принципиальной серьезности культурно-поэтического феномена, в свою очередь предполагающей необходимость неспешной, но действенной культурной политики в целях совершенствования именно русской и именно культурологической социализации мало и плохо читающей массы отечественного населения.

Как бы не замаршировать Победу, не похоронить её подлинного значения в водовороте трескучей пропагандистской кампании. При этом, превращение 9 мая 1945 г. в символ, идею народной консолидации в обстановке переходного периода, социальной трансформации не вызывает никаких возражений; но использование патриотического потенциала Победы в интересах косметического ремонта ветшающего здания

современной российской политической системы вредно и опасно для гражданского становления общества.

Прежде всего зададимся не таким уж и простым вопросом: кому сегодня интересна Великая Отечественная война 1941-1945 гг. как историческое событие? Печально, но факт: значительные массы современного российского населения в большей степени заняты решением проблем выживания, нежели осмыслением «итогов и уроков» войны 60-летней давности.

Конечно, события Великой Отечественной войны привлекают внимание профессиональных историков, занятых постижением объективной истины. Также ветераны войны с огромным вниманием наблюдают за борьбой мнений историков, публицистов, политиков относительно славных и ужасных страниц нашего шестидесятилетнего прошлого.

Представители обеих названных социальных групп вовсе не едины в своих оценках причин, хода, исхода, последствий войны и роли советского участия в мировых процессах 30–50-х годов XX века.

Научная и профессиональная историческая полемика ведется в основном корректно и доказательно. Несмотря на существенный разброс мнений и историко-теоретических объяснений, современно мыслящие исследователи, выясняя правду о разных сторонах войны, сообща решают проблему огромной важности - очищают историческое сознание нации от примесей (порой достаточно вредных). Замечательно, что современные исследования часто носят междисциплинарный характер; их научный уровень повышают данные историков других стран, демографов, социологов и пр. Настораживает позиция «свадебных генералов от военно-исторической науки», которым свойственны устаревшая односторонность подходов, стремление «не поступиться принципами»,

защитить предложенные властью и зазубренные насмерть схемы объяснения военного прошлого, «дать бой» различным «фальсификаторам и перерожденцам», увековечить имя И. В. Сталина как главного творца победы, который, кстати, и без того увековечен.

Ветераны Великой Отечественной войны заслуженно гордятся своим замечательным прошлым образца 1941-1945 гг. Но победители в войне проиграли послевоенный мир. Они сами стали жертвами послевоенной политической системы, которая, в свою очередь, проиграла «холодную войну» мировой системе капитализма (в терминах соответствующего времени). Поэтому праздник 60-летия Победы «со слезами на глазах» не только из-за громадных и невосполнимых потерь советского народа, но и из-за неумения (неспособности?) власти с пользой для страны распорядиться плодами победоносного завершения войны с фашизмом.

К сожалению, пройдет не так много лет, и уже некому будет рассказывать молодёжи о прошедших битвах. Современная свобода слова многое позволяет в этом отношении. Жалко, что главные фигуранты (хотя бы от командарма и выше) уже ничем не смогут дополнить свои воспоминания, готовившиеся в 50-80-х годах XX века, когда историческая правда была «одна на всех». Остающиеся в живых ветераны Великой Отечественной войны оценивают её по-разному. Явно активничает группа «неутомимых пропагандистов» опыта борьбы с фашистами, постоянных участников разных пионерско-комсомольских мероприятий. Станный сплав окопного и стратегического уровней мышления играет с его субъектами шутку дурного свойства: не зная и не понимая каких-то истин о войне, эти (чаще всего честные, порядочные) люди принимают в штыки любые, даже робкие попытки историков как-то ревизовать военно-

исторические реалии. Исторический образ Великой Отечественной войны, сложившийся в необыденном сознании, с научной точки зрения, достаточно правдоподобен, статичен, строго иерархизирован и табуирован. Это нечто масштабно-стереотипное, пафосно-глянцевое, похожее на киноэпопею «Освобождение». В официальном стиле представлен, например, мудрый и неторопливый Сталин, попыхвающий трубкой, и после небольшого раздумья легко решающий наболевшие вопросы; и уже не очень верится, что это был не профессиональный в военном отношении лидер, лично допускаявший ошибки в военной политике, а подчас и игнорировавший профессионалов армейского дела.

Немало копий сломано и вокруг проблемы массового героизма советского народа (конечно, организованного ВКП(б), являвшегося продолжением тесного единства советской власти и трудящихся). Оговоримся сразу: героизм нашего народа в той страшной войне несомненно присутствует и как факт, и как явление. Святость подвига Солдата и Труженика очернить или переоценить невозможно. Но нельзя не видеть, что героизм часто имел вынужденный, побужденно-организованный, жертвенный характер. Нельзя использовать героизм для умалчивания трещин в фундаменте обороноспособности страны (давно сказано, что на войне подвиг одного часто обусловлен преступлением другого).

Боязнь правды заставляла официально мыслящих функционеров исторической (особенно военно-исторической) науки жёстко выступать против характеристик «безвыходного героизма». С высоких трибун зазвучали нотации в адрес всяких там «штрафбатов», призывы дать бой «антипатриотическим» силам. Хотя их оппоненты имели и более высокие трибуны.

Наверное, мы плохо знаем историю Великой Отечественной войны, что предполагает острую необходимость развития в этом направлении исторического сознания нашего народа, особенно молодёжи. При этом нужно обязательно учитывать и некоторые несомненные достижения советской историографии, и современную историческую информацию.

Решение последней проблемы принципиально затрудняется закрытостью архивных источников. Недоступность множества фондов РГВА, ЦАМО, РГАСПИ, АВП МИД РФ и др. не позволяет ответить на исторический вызов 60-летнего юбилея, прояснить спорные вопросы относительно цены Победы, соотношения позитивного и негативного в военной политике СССР 1939-1945 гг., характера и роли освободительной миссии Советских Вооруженных Сил в Восточной Европе и т. д.

Советский народ принес на алтарь Победы страшные жертвы. Сегодня общество волнуют вопросом: все ли они были необходимы и оправданы? Известно, например, что за время войны только военными трибуналами было осуждено 994 тысячи советских военнослужащих, из них свыше 157 тысяч человек приговорены к расстрелу [Аргументы и факты. 2005. № 8. С. 3]. Как современному читателю следует относиться к тому факту, что около 15 дивизий мы зарыли в землю собственными руками (если верить этой публикации)?

Старая закрытость исторических источников предполагает живучесть старых догм, схем объяснения военной реальности. Но тот, кто доказывает, что без повальной стрельбы по своим нельзя было победить

чужих, вольно-невольно солидаризируется с палачами своего народа*.

История Великой Отечественной войны изобилует болевыми точками, проблемами, объяснение, истолкование которых имеет сегодня обязательный и принципиальный характер. Обратимся к некоторым из них.

1. Война и объединила, и разъединила наше население (не равнозначно, конечно, - ред.) Тема объединения (с пробелами, с ее коммунистической сутью и пр.) в какой-то мере изучена, но в истории войны было и нечто такое, что разъединяло наше население, среди которого были группы и слои, желавшие поражения СССР.

То, что разъединяло советских граждан в 1941-1945 гг., продолжает и сегодня в определенной мере разъединять российских граждан. И эта тема (разъединения) очень важна и поучительна, так как позволяет всем нам лучше понять, каким образом следует достигнуть объединения (как тут не вспомнить В.И. Ленина: прежде, чем объединиться, нам нужно окончательно размежеваться, суть – определиться).

Значительное количество наших граждан сотрудничало с фашистскими оккупантами. По данным директора Института всемирной истории РАН академика А.О. Чубарьяна, в военных германских формированиях было от 900 тысяч до 1 миллиона советских граждан [Российская газета. 2005. 18 февраля. С. 12]**. К проблеме коллаборационизма обращались С.И. Дробзяков, С.В. Кудряшов, Н.М. Раманичев, Е.Ф. Кринько и др.

* Редакция не разделяет столь крайне «уравновешенную» автором оценку.

** Оказаться в германских формированиях – не равнозначно сотрудничеству (Ред.).

По их мнению, общее число советских граждан, служивших в вермахте, войсках СС и полиции определяется в 1-1,5 миллиона человек [Вопросы истории. 2004. № 11. С. 158]. Данный показатель вполне сравним с количественной (но не более – ред.) характеристикой партизанского движения - всего около 1 миллиона человек в годы войны [Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 530].

Таким образом, Великая Отечественная война представляет собой многослойное явление. Говоря условно, разные части общества, государства - административно-командная коммунистическая система, тыл, фронт, разведка, этносы, демографические группы, предатели и пр. - вели свою войну, часто имеющую принципиальное отличие от прочих. Думается (редакция уверена), что фронт и тыл (народ, его позитивная часть) и выиграла эту («свою») войну, а остальные – проиграли (более того, народ одолел жестокого врага часто вопреки практике действующего руководства). Разведке просто не дали вести войну так как следует и пр.

Потребность единого методологического подхода к оценке, анализу, осмыслению «многослойной войны» сегодня велика, как никогда.

2. Требуется переосмыслить проблему героизма. Чудеса героизма, которые проявил советский народ в Великой Отечественной войне, демонстрируют потомкам невиданный взлёт народного духа, патриотизма, самоотверженности и жертвенности. Стойкость населения, воинов действующей армии, особенно лучшего советского поколения, родившегося в первой половине 1920-х годов (некоторые и это ставят под сомнение – ред.), буквально спасли наш народ, СССР, советскую власть, его высшее руководство. Позже тема героизма была как-то гипертрофирована, «назначена» сверху, что внесло в

священные страницы народного подвига некоторые элементы фальши.

Сегодня необходимо изучить этническую характеристику общей проблемы стойкости российского народа и его героизма как частной проблемы.

3. Следует определиться в отношении уроков Великой Отечественной войны. Думается, что военно-практическая значимость опыта, полученного армией и флотом в 1941-1945 гг., сегодня невелика. Современная война содержательно, организационно, технически (принципиально) отличается от прежней практики массового военного участия. Для современных россиян много важнее другое: непреходящая ценность патриотического единения, взлет национального и религиозного сознания, консолидация взаимоадекватных социальных сил на отпор врагу и т. д. Патриотическое воспитание общества в этом направлении позволяет добиться укрепления государства Российского в большей степени, нежели псевдопатриотическое политиканство в духе «наши»-«не наши».

4. Созрела принципиальная историографическая необходимость:

а) отказаться от подмены анализа качественных характеристик Великой Отечественной войны количественными, цифровыми показателями;

б) не смешивать историю Отечества и военную историю (последняя часто заполняет аналитические пустоты исторических текстов другого профиля, создавая видимость научного подхода);

в) шире изучать повседневность войны;

г) дать оценку роли пространственно-географического, климатического и демографического факторов нашей Победы и мн. др.

Современный анализ опыта Великой Отечественной войны может помочь консолидации общества, усилить патриотическое воспитание россиян, подвигнуть их к осмыслению объективного опыта всех войн (прошлых, настоящих), избежать ненужных жертв. Наконец, это поможет возрождению престижа Солдата и Труженика – вечных символов России.

М.В. Новиков

Происхождение Второй мировой войны

Вторая мировая война, начавшись 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу, продолжалась ровно шесть лет и завершилась 2 сентября 1945 года капитуляцией Японии. Ее составными частями стали война Советского Союза против Германии и ее европейских союзников, получившая название Великая Отечественная, а так же участие СССР в разгроме Японии в августе 1945 года.

Вопрос о происхождении Второй мировой войны является одним из самых главных в истории XX века, он тесно связан с другим – вопросом об ответственности за войну. Примечательно, что бывшие непримиримые противоречия профессиональных историков разных стран по данной проблеме в настоящее время уходят в прошлое, уступая место взвешенному подходу, основанному на анализе широкого круга источников и комплексном изучении проблемы. Что касается учебной литературы, особенно школьной, в странах, ставших вольными или невольными участниками Второй мировой войны, то здесь по прежнему живучи мифы прошлых лет. В качестве примера можно привести выдержки из учебников по истории Прибалтийских стран.

Так, в учебнике «История Латвии» (2002 год) вопросы происхождения и ответственности за Вторую мировую войну решаются следующим образом: «Заключив договор о ненападении, обе стороны тайно договорились, что Германия не будет препятствовать Советскому Союзу в оккупации государств Прибалтики и других бывших территорий царской России в Европе, а Германия захватит Польшу. Заключив такой договор, Гитлер 1 сентября 1939 года напал на Польшу. Так началась Вторая мировая война, которую развязали два диктатора – Гитлер и Сталин».

В эстонских учебниках истории сталинский Советский Союз рассматривается как равный с гитлеровской Германией, если не больший виновник Второй мировой войны.

В учебнике «История Балтийских стран», изданном в рамках проекта Совета Европы, глава «Оккупация Балтийских стран Советским Союзом» начинается следующей фразой: «После того, как в марте 1939 года Германия оккупировала Чехословакию, Англия и Франция отказались от политических уступок и попытались заключить антигерманский договор с Советским Союзом. На трехсторонних переговорах в Москве СССР потребовал, чтобы ему предоставили возможность гарантировать безопасность Балтийских стран, надеясь тем самым втянуть эти государства в сферу своего влияния. Хотя страны Запада склонялись к удовлетворению этого требования, СССР обратился за поддержкой к Германии».

Аналогичные трактовки содержатся в польских учебниках по истории, а так же в учебниках по истории других бывших «братских» европейских стран, входивших в социалистическое содружество. Они разделяются большинством населения этих государств, исключая небольшую группу профессиональных историков, политологов и других специалистов.

Может показаться парадоксальным, но в отечественных учебниках по истории данная проблема трактуется так же по-разному. Отжившие мифы и стереотипы переходят из издания в издание и, похоже, что их авторам некогда ознакомиться с новейшими достижениями отечественной и зарубежной исторической науки.

Можно ли считать подобные утверждения абсолютно не верными? Нет, нельзя, потому, что в них содержится доля правды, но не вся правда. И Гитлер и Сталин несут свою долю ответственности (разумеется не равную) за развязывание Второй мировой войны. Однако мировые войны не возникают по прихоти или по желанию отдельных личностей, пусть даже такого масштаба, как Гитлер и Сталин. Мировые войны восходят к глубинным геополитическим основаниям и серьезным государственным интересам. Общеизвестно, что решающую роль в развязывании Второй мировой войны сыграла Германия, опираясь на своих союзников и, прежде всего, Италию. К ее началу подавляющее большинство немецкого народа было убеждено в необходимости завоевания и подчинения соседних государств. Вряд ли Гитлеру и его партии удалось бы за шесть лет нахождения у власти решить задачу подготовки общественного мнения Германии к завоевательным войнам, если бы их завоевательные планы не нашли подготовленного общественного сознания, возвращенного на идеях германоцентризма в предыдущие десятилетия. Часть немецкого народа, в том числе многие профессиональные военные, не разделяли нацистских убеждений, однако идея великой Германии, занимающей доминирующее положение в мире, подобно США в наши дни, была им близка и понятна.

Свой вклад в развязывание Второй мировой войны на европейском театре внесли и другие государства –

прежде всего, мировые державы того периода Англия и Франция, а также претендент на статус мировой державы – Советский Союз. Трудно точно определить степень их ответственности за начало Второй мировой войны и сказать, кто больше виновен – Англия и, шедшая в фарватере ее внешней политики, Франция или Советский Союз, предпочтительнее, на наш взгляд, говорить об их равной ответственности.

Государственные внешнеполитические интересы Англии и Франции того периода заключались в том, чтобы сохранить статус кво, сохранить свое лидирующее положение в мире, сохранить статус великих держав, сохранить свои обширные колониальные владения, причем без прямого участия в каких-либо войнах, поскольку после кровавой Первой мировой войны общественное мнение этих стран было решительно против войн как инструмента разрешения международных противоречий. Именно последнее обстоятельство и породило политику «умиротворения» фашистской агрессии в Европе, политику попустительства захватническим планом Гитлера, кульминацией которой стало соглашение, принятое 29-30 сентября 1938 года в Мюнхене руководителями Англии, Франции, Германии, Италии о передаче суверенной независимой Чехословакией Германии части своей территории, заселенной преимущественно немцами, в течение 10 дней. Поскольку Гитлер угрожал решить проблему отторжения части территории Чехословакии военным путем, то лидеры Англии и Франции представили мюнхенскую сделку как свой неценимый вклад в укрепление мира в Европе. Они наивно полагали, что сдав Гитлеру Чехословакию, они полностью удовлетворят его аппетиты, сохранят свои государственные позиции и предотвратят войну в Европе.

Как показало дальнейшее развитие событий, германскую агрессию можно было остановить только одним способом – отстранением Гитлера и нацистской партии от государственной власти в Германии. Поскольку внутренняя оппозиция в Германии была физически уничтожена нацистами, смена режима могла быть осуществлена только в ходе внешнего военного воздействия или реальной угрозы такового. Такая возможность возникла в ходе чехословацкого кризиса в сентябре – октябре 1938 года. В этот момент Германия еще не была готова к большой войне, к тому же существовал международный механизм оказания международной помощи Чехословакии в виде франко-чехословацкого и советско-французского договоров о взаимной помощи. Это был реальный шанс остановить Гитлера, однако он был упущен по вине Англии и Франции. Тем самым эти два государства внесли свой посильный вклад в развязывание Второй мировой войны.

Нечто подобное произошло и с Советским Союзом. 23 августа 1939 года, 65 лет назад, в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении. В самом факте подписания пакта ничего необычного не было, так как подобные документы с Германией подписали и Англия (30 сентября 1938 года), и Франция (6 декабря 1938 года). Существенным отличием стало наличие секретных договоренностей о разграничении сфер влияния в Восточной Европе между Германией и Советским Союзом.

И Сталин, и Гитлер высоко оценивали значение достигнутых соглашений, каждый считал себя победителем своеобразной дипломатической дуэли, продолжавшейся с осени 1938 года по август 1939 года. «Кажется, нам удалось провести их», - сдержанно сказал Сталин, а Гитлер в своей обычной манере истерично кричал: «Теперь весь мир у меня в кармане!». И

действительно, дальнейшее развитие событий (до 22 июня 1941 г.) только подтверждало правоту обоих. В соответствии с обтекаемыми формулировками секретного дополнительного протокола, используя где дипломатию, а где военную силу, СССР и Германия разделили между собой континентальную Европу, в короткий исторический срок вернули себе статус мировых держав. Параллельно обе страны готовились к неминуемой схватке друг с другом, планируя наступательную войну в удобный для себя момент.

Как же случилось, что непримиримые идеологические противники на время стали партнерами в мировой политике?

Мюнхенское соглашение стало рубежным событием и для Гитлера, и для Сталина. Мюнхен настолько усилил позиции Германии, что Гитлер ставит ближайшей целью для своей страны достижение гегемонии в Европе. Тот же Мюнхен в очередной раз продемонстрировал Сталину истинную цену договоренностям с западными демократиями, в данном случае с Францией, поставил под сомнение реализацию идеи коллективной безопасности. Новая ситуация, в которой оказались Германия и СССР, требовала поиска новых партнеров. Доподлинно известно, что исходя из поставленной цели подчинения себе первоначально Западной Европы, германское руководство с осени 1938 года стало осторожно решать проблему нормализации отношений с СССР. В декабре 1938 года Германия оперативно продлила торговый договор с СССР на 1939 год, предложила продолжить переговоры о кредите в 200 млн. в январе 1939 г. Гитлер впервые на дипломатическом приеме подошел к советскому полпреду для короткого разговора, что стало сенсацией в дипломатических кругах.

Главной темой советско-германских контактов и переговоров в последующие месяцы оставалось развитие двухсторонних экономических отношений. Процесс этот шел вяло и неровно, на него несомненно влияло активное участие обеих стран в различных политических и дипломатических комбинациях.

К середине августа 1939 г. англо-франко-советские переговоры в Москве зашли в тупик и повинны в этом были обе договаривающиеся стороны – и англо-французская, и советская. Англия и Франция стремились решать европейские проблемы в том числе и проблему Германии политическими и дипломатическими методами, они были решительно против войны, поэтому они не хотели реального военно-политического союза с СССР, который означал бы раскол Европы и неизбежную войну. Кроме того, подписание равноправного договора с СССР означало бы его признание в качестве великой державы, что не входило в планы британских и французских политиков. Переговорный процесс с СССР был нужен Англии и Франции лишь для оказания давления на Гитлера с целью сделать его более уступчивым. Что касается руководства СССР, то оно вело переговоры с апреля по август 1939 года параллельно как с германской, так и с англо-французской сторонами. Не зная истинных целей своих партнеров и не доверяя им, советское руководство с равной степенью серьезности стремилось добиться успеха и в первом, и во втором случаях, рассчитывая извлечь из кризисной ситуации в Европе максимальную выгоду для страны. В этом плане переговоры с Англией и Францией оказались бесплодными и тогда выбор был сделан в пользу Германии.

Решающим днем на пути подписания советско-германского пакта стало 14 августа. Риббентроп направил Шуленбургу в Москву длинное послание для советского

руководства. Кроме привычных слов о налаживании экономического и политического сотрудничества, там содержалось предложение о визите Риббентропа в Москву с целью обсуждения вопросов «на всем протяжении от Балтийского до Черного моря», включая «прибалтийские государства, Польшу, юго-восточные вопросы». Германия фактически высказала предложение Советскому Союзу разделить Восточную Европу, и Гитлер был убежден, что Сталин его примет. Не случайно в тот же день 14 августа Гитлер провел совещание высших военачальников по предстоящей польской кампании.

На следующий день 15 августа Шуленбург ознакомил В.Молотова с германским посланием. Спокойно выслушав германского посла, Молотов высказал следующие соображения: визит Риббентропа требует серьезной подготовки и должен завершиться подписанием конкретного соглашения; необходимо подумать о заключении договора о ненападении; СССР рассчитывает на помощь Германии в разрешении советско-японских противоречий. Весьма примечательно, что Сталин и Молотов преднамеренно уведомили англичан о своих планах заключения соглашения с Германией, желая тем самым оказать давление на Англию и побудить ее действовать более решительно на переговорах в Москве. Их попытки, к сожалению, оказались безуспешными. Последующие шесть дней августа (16-21) оказались решающими не только в судьбах Германии и СССР, но и всего мира. Находясь в цейтноте в связи с предстоящей войной против Польши, Гитлер явно спешил, стремясь подписать пакт с СССР и тем самым предотвратить вступление Советского Союза в войну на стороне поляков.

Советскому руководству были, несомненно, понятны причины германской торопливости. В этих условиях Сталин и Молотов придерживались такой

политики, целью которой было выторговать у Гитлера как можно больше уступок. 19 августа было подписано советско-германское торговое соглашение. Риббентроп предлагает «немедленно отправиться в Москву» с полномочиями решить весь комплекс политических проблем. Ему, однако, предложено приехать лишь 26-27 августа. Для Гитлера это было слишком поздно, так как наступало время отдать приказ о развертывании Вооруженных Сил против Польши. График вторжения в Польшу, как и сама возможность наступления до осеней распутицы, оказывались под вопросом. В этих условиях Гитлер решил лично обратиться к Сталину с просьбой срочно принять Риббентропа в Москве. 20 августа Сталину вручили телеграмму следующего содержания:

«Г-ну Сталину, Москва.

Я искренно приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первый шаг в перестройке германо-советских отношений.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение курса германской политики на длительное время. Германия тем самым возобновляет политический курс, который приносил выгоду обоим государствам в течение минувших столетий...

Я согласен с проектом пакта о ненападении, переданным Вашим министром иностранных дел г-ном Молотовым, но считаю настоятельно необходимым уточнить связанные с ним вопросы как можно скорее.

Содержание дополнительного протокола, которого хочет Советский Союз, может быть, я убежден, уточнено в возможно кратчайший срок, если ответственный германский государственный деятель сможет лично прибыть в Москву для переговоров, иначе Правительству

Рейха неясно, как можно быстро уточнить и согласовать дополнительный протокол.

Напряженность в отношениях между Германией и Польшей стала невыносимой... Кризис может разразиться в любой день. Германия преисполнена решимости с этого момента и впредь отстаивать интересы Рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

По моему мнению, ввиду намерения двух наших государств вступить в новые отношения друг с другом желательно не терять время. Поэтому я еще раз предлагаю вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее, в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола. Более длительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один или, самое большее, два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Вечером 21 августа Гитлер наконец получил долгожданный ответ из Москвы.

«Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру.

Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненапдаения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

22 августа Риббентроп вылетел из Берлина и, переночевав в Кенигсберге, в полдень 23 августа прибыл в Москву. Он имел письменные полномочия заключить договор о ненападении и «другие соглашения» с СССР. В тот день он дважды встречался с Молотовым и Сталиным, но уже в ходе первой трехчасовой беседы удалось согласовать текст договора о ненападении. Советские лидеры настаивали также на подписании «секретного протокола о разграничении сфер интересов во всем Восточном районе».

Пакт о ненападении был подписан вечером 23 августа на второй встрече в Кремле. Он исходил из советско-германского договора 1926 года и устанавливал следующее:

1. «Обе Договаривающиеся стороны обязуются воздержаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из Договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Ни одна из Договаривающихся сторон не будет участвовать в каких-либо группировках держав, которые прямо или косвенно направлены против другой стороны.

4. Споры и конфликты между Договаривающимися сторонами должны разрешаться только мирным путем».

Договор заключался на 10 лет и подлежал ратификации.

Одновременно с советско-германским пактом о ненападении были достигнуты договоренности о разграничении сфер влияния в Восточной Европе. Вполне возможно, что они были зафиксированы в форме «Секретного дополнительного протокола», широко известного по публикациям различных его фотокопий, но оригиналы которого до сих пор не найдены ни в Германии, ни в нашей стране. Вне зависимости от аутентичности данных фотокопий их содержание, в целом, соответствует последовавшему в тот период развитию событий в Восточной Европе.

В протоколе указывалось: «При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1) В случае территориального политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2) В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае

оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3) Касательно Юго-Востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР в Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4) Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Заключив с Германией секретные договоренности о разделе сфер влияния в Восточной Европе и реализовав их на практике в 1939-1940 гг., СССР сделал примерно тоже самое, что Англия и Франция в 1938 году в Мюнхене. Они ради своих государственных интересов сдали Гитлеру Чехословакию, Советский Союз ради своих государственных интересов сдал Польшу. СССР сделал это не в одиночку. Тоже самое проделали и великие демократии – Англия и Франция, на словах обещавшие поддержать Польшу в возможной войне против Германии всеми имеющимися у них средствами, а на деле цинично готовясь отдать ее на растерзание Гитлеру. Справедливости ради необходимо отметить, что если в случае с Чехословакией был международный механизм оказания ей помощи, в том числе Советским Союзом, то в случае с Польшей его не было. По вине польского руководства не был подписан Восточный пакт - коалиция шести восточно-европейских государств, включая СССР, против Германии. В значительной степени по вине польского руководства не состоялось создание новой Антанты в ходе переговоров в Москве летом 1939 года - поляки отказались предоставить свою территорию Советской Армии для ведения возможной коалиционной войны против Германии. Поляки всерьез собирались воевать против Германии и СССР одновременно, обещая разгромить обоих противников.

По мнению американского историка У. Ширера, поляки в августе 1939 года, также как и их предшественники на протяжении многих поколений, упорно отказывались видеть то, что наилучшим образом отвечало их интересам, и, так же как неоднократно было в их трагическом прошлом, казалось, задались целью накликасть на себя собственную гибель.

В тактическом плане советско-германский пакт о ненападении был серьезным успехом советской дипломатии. Здесь мы разделяем точку зрения известного отечественного историка М.И. Мельтюхова: «Таким образом, Кремлю удалось использовать европейский кризис в своих интересах, поэтому советско-германский пакт о ненападении можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели - остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах, и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. Не в интересах советского руководства было препятствовать войне в Европе между англо-французским блоком и Германией, поскольку только война давала ему реальный шанс значительно усилить свое влияние на континенте» [1].

В первичном стратегическом плане и Мюнхен, и пакт о ненападении не только не ставили своей целью свергнуть Гитлера и предотвратить Вторую мировую войну, но наоборот, в последующем они даже вынуждено усиливали его и делали войну неизбежной, длительной и кровавой. Добившись сиюминутных тактических успехов в 1938-1939 гг., Англия, Франция и СССР в стратегическом плане оказались причастны к развязыванию Второй

мировой войны, при том, что решающая роль здесь принадлежала Германии.

Примечания

1. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2002. С. 61-62.

М.А. Терентьев

Диалектика непосредственно общественных и рыночных отношений в процессе Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.)

«Рождения всего возникшего
виновником и творцом
является Вражда»
Эмпедокл

Вторая мировая война по своей внутренней сути носила ярко выраженный характер противоборствующих двух ведущих социально-экономических систем – отмирающей (рыночной) и повсеместно нарождающейся, укрепляющейся и становящейся непосредственно общественной планомерно организованной. Ее итоги в конечном счете привели к резкому сужению сферы империалистического господства в самих так называемых капиталистических странах.

После Второй мировой войны была создана широкая сеть международных экономических организаций по различным аспектам торговых, научно-технических, производственных, финансовых связей и сотрудничества. Особую роль в системе всех названных объединений играет Организация Объединенных Наций (ООН). Это одна из самых крупных всемирных организаций. Если в Лигу Наций вошло при ее образовании 31 государство, то

первоначальными членами ООН явилась 51 страна (Сан-Франциско, июнь 1945 г.). В настоящее время членами ООН являются около 180 стран, самых различных по своему социально-экономическому и политическому устройству.

Концентрация и централизация производства.

Война и милитаризация экономики ускорили процесс концентрации и централизации капитала. В США за период с 1940 по 1945 г. только в одной обрабатывающей промышленности закрылось около 120 тыс. мелких фирм. В то же время количество предприятий-гигантов возросло в 7 раз. Общее число фирм уменьшилось на 238 тыс. При этом число мелких фирм сократилось более чем на 170 тыс., а число крупных возросло на 44 тыс. Если в 1940 г. в распоряжении крупных фирм находилось 68,7% всей земли, то в 1945 г. – 74,4% [1].

В 1942 г. 100 крупнейших компаний США использовали 45% всей стали, а 79 – меди и 81% алюминия, потребляемых в стране [2].

С июля 1940 г. по сентябрь 1944 г. 100 наиболее крупных корпораций США получили военных заказов на 117 млрд. долл. из общей суммы в 175 млрд. долл. Ведущие корпорации, получив заказ, привлекали к выполнению субподрядчиков, которые изготавливали отдельные детали и узлы. Так, в годы войны промышленный концерн «Крайслер» передал 58% получаемых им заказов на производство танков и самолетов 8079 фирмам, имевшим свои предприятия в 856 городах [3].

В США за годы Второй мировой войны построено 2600 предприятий за счет государственного бюджета. Объем государственного строительства достиг 32 млрд. долл., или 59% общих затрат на строительство. За счет государства были созданы такие отрасли как

самолетостроение, судостроение, производство взрывчатых веществ, синтетического каучука, алюминиевая промышленность. Было построено 350 авиационных заводов, которые выпускали 71% всех самолетов и моторов [4].

Создание и развитие государственного сектора вносит существенные изменения в систему общественно-производственных отношений – она качественно изменяется и усложняется. Наряду с рыночными возникают и действуют непосредственно общественные планомерно организованные производственные (экономические) отношения.

Советское планирование в 1941–1945 гг. В период войны был установлен строгий учет и жесткая централизация в распределении средств производства (станков, сырья, топлива, электроэнергии и т. д.) по отраслям народного хозяйства с преимущественным снабжением ими военной промышленности. Производимое в колхозах сельскохозяйственное сырье и продовольствие в большей мере, чем в мирное время, поступали в фонды государства по централизованным видам заготовок.

Непрерывный рост производительности труда предполагает интенсивное развитие научной мысли, укрепление непосредственной связи науки с производством. Совместными усилиями ученых, инженеров и рабочих в годы Великой Отечественной войны были созданы способы скоростной плавки металла в мартеновских печах и литья стали высокого качества, изыскано немало заменителей дефицитного сырья и материалов, открыты новые месторождения полезных ископаемых. В основных отраслях советского военного машиностроения за 1941 – 1944 гг. нормы расходов металла снизились на 30 – 35%. Улучшилось

использование средств производства и сырья и в других отраслях промышленности [5].

В более благоприятных условиях находились в годы войны США. Но и они не смогли превзойти СССР в рациональном использовании материальных ресурсов для ведения войны. По расчетам Клауса Кнорра, США производили на 1000 тонн выплавленной стали меньше, чем СССР, танков и самоходно-артиллерийских установок – почти в 6 раз, артиллерийских орудий – в 13 раз, минометов – в 39 раз, пулеметов и автоматов – в 2 раза, самолетов – в 3,5 раза меньше [6].

Во время войны изменилось соотношение между продукцией промышленности и сельского хозяйства в сторону повышения удельного веса промышленной продукции в совокупном общественном продукте и национальном доходе. В 1943 г. доля промышленности в национальном доходе СССР поднялась до 56,4% по сравнению с 1940 г. (50,6%), а сельского хозяйства несколько снизилась. За период 1940–1945 гг. доля продукции группы «А» в общем объеме валовой продукции промышленности выросла с 61,2% до 74,9%, тогда как доля продукции группы «Б» понизилась с 38,8 до 25,1%.

Таблица 1.

Распределение и использование совокупного общественного продукта и национального дохода СССР в 1940 – 1945 гг. (в % к итогу) [7].

	Совокупный общественный продукт			Национальный доход				
	1940	1942	1943	1940	1942	1943	1944	1945
Производственное потребление	43,0	43,0	43,0	-	-	-	-	-
Личное потребление (включая военнослужащих)	42,0	38,0	35,0	74,0	67,0	60,0	61,0	69,0

Накопление	11,0	2,0	4,0	19,0	4,0	7,0	15,0	13,0
Военные расходы (без личного потребления военнослужащими)	4,0	17,0	18,0	7,0	29,0	33,0	24,0	18,0
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Политика Советского государства в области ценообразования. Цена является экономической категорией, отражающей общественно-производственные отношения людей. Она возникла тысячи лет назад. Оставаясь категорией товарного производства и обмена, цена меняет свое социально-экономическое содержание. Из категории простого товарного производства она превратилась в категорию более сложного и развитого капиталистического товарного производства. В условиях переходного от капитализма к социализму периода цена вновь претерпевает изменения, наполняясь новым содержанием и характером проявления. Следовательно, выявление сущности цены связано, *во-первых*, с характеристикой ее природы как категории товарного производства вообще и, *во-вторых*, с выявлением содержания цены, которое определяется экономическими отношениями данного общественного способа производства, в частности.

Плановое ценообразование является неотъемлемой составной частью хозяйственно-организаторской функции советского государства, которое управляет процессами ценообразования и направляет развитие системы цен в стране в соответствии с насущными задачами.

Советская ценовая политика начала формироваться с первых дней советской власти. Ее основы определены В.И. Лениным [8]. В последующем ее основные черты

получили развитие применительно к условиям социалистического строительства.

Первая важнейшая черта советской политики цен – это подчинение ее интересам народа. Она находит свое выражение в регулировании уровня цен на предметы народного потребления с учетом факторов, влияющих на реальный доход населения. *Вторая* характерная ее черта – единство на всей территории страны и для всех отраслей народного хозяйства. Единство государственной политики в ценообразовании выражалось, прежде всего, в том, что во всех отраслях народного хозяйства, союзных республиках, краях и областях при установлении цен исходили из общих принципов. При этом на все важнейшие средства производства и предметы потребления определялись твердые единые цены по всей стране или по производственно-потребительским зонам страны.

В период создания фундамента социалистической экономики в СССР, советская политика цен носила ярко выраженный классовый характер. Она была направлена на вытеснение капиталистических элементов из народного хозяйства, упрочение союза рабочего класса и трудящегося крестьянства. С построением основы фундамента социализма отпала надобность использования системы цен как экономического рычага классовой борьбы. Но сохранила свое значение экономически обоснованное установление цен на промышленные товары, поставляемые деревне, и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию для упрочения союза рабочего класса и крестьянства.

Политика цен советского государства, сыгравшая огромную роль в осуществлении коренных задач социалистического строительства, способствовавшая росту социалистического накопления и повышению уровня благосостояния трудящихся, приобрела исключительно

важное значение в организации и развитии хозяйства в период Великой Отечественной войны.

Себестоимость продукции и отпускные оптовые цены. В период военной экономики СССР существенно изменились формы товарооборота и организация снабжения населения. С целью обеспечения устойчивости бюджета трудящихся Советское правительство строжайше соблюдало задачу сохранения стабильного уровня государственных розничных цен на предметы продовольствия и другие товары первой необходимости. Основой политики твердых государственных розничных цен на товары являются устойчивые отпускные оптовые цены на промышленные изделия.

Коренные сдвиги, внесенные войной в использование трудовых ресурсов, в размещение производства, натурально-вещественные и стоимостные пропорции, распределение народного дохода и организацию торговли, неизбежно привели к большим изменениям себестоимости, в уровне и соотношениях оптовых и розничных цен на различные виды продукции.

Мировые войны отвлекают от мирной деятельности колоссальные людские ресурсы для комплектования Вооруженных Сил и для работы в военном производстве. В странах, участвовавших в первой мировой войне (без колоний), из 172 млн. человек мужского населения призывного возраста было мобилизовано в армию и флот около 70 млн. человек. Во второй мировой войне из 210 млн. мужчин призывного возраста во всех государствах (без колоний) было призвано в армию и флот свыше 110 млн. человек [9].

В СССР в годы войны резко изменился состав рабочего класса и колхозного крестьянства, так как подавляющая часть мужчин призывного возраста была мобилизована в армию. Круто упал уровень квалификации

рабочих, что привело в первый год войны к большому падению производительности труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В результате снижения производительности труда при одновременном увеличении заработной платы, а также вследствие дополнительных затрат, связанных с перебазированием промышленности на восток, себестоимость промышленной продукции в годы войны повысилась. Между тем, оптовые цены на продукцию тяжелой промышленности и сдаточные цены совхозов, как правило, не повышались [10]. Так, индекс государственных отпускных оптовых цен на промышленную продукцию в 1942 г. по отношению к довоенному уровню составил 98%, в том числе на продукцию военной промышленности – 72%, на продукцию машиностроения – 87% и на продукцию тяжелой промышленности, не считая машиностроения, – 98%. Это потребовало увеличения объема предоставляемых промышленности и совхозам дотаций, составлявших в 1943 г. – 4,6 млрд. руб., в 1944 г. – 8,1 и в 1945 г. – 13,9 млрд. руб.

В годы войны повысилась себестоимость продукции в таких отраслях тяжелой промышленности как угольная, нефтяная, металлургическая, лесозаготовительная, а также грузовых перевозок. Покрытие убытков осуществлялось путем дотаций из госбюджета [11].

Если бы цены на уголь и металл повышались в соответствии с быстрым ростом их себестоимости, то это постоянно ставило бы в трудное финансовое положение топливо- и металлоемкие отрасли народного хозяйства и затрудняло бы осуществление в них хозрасчета. Важнейшими потребителями металла, топлива, машин и транспортных услуг были военные предприятия, поэтому стабильные оптовые цены и тарифы существенно занижали действительные издержки производства в отраслях

военной промышленности, вели к перераспределению народного дохода в пользу военного производства. Стабильность цен на металл, химикаты, уголь и другие средства производства сыграла большую роль в укреплении экономики производства военной промышленности (главным образом на военную продукцию) за годы войны дало Советскому государству экономию, исчисляемую более чем в 50 млрд. руб. Это позволило осуществлять невиданное в истории войн снижение в 2-3 раза цен на важнейшие виды боевой техники [12].

Снижение цен на военную продукцию дало возможность использовать экономию, достигнутую в социалистической промышленности, в качестве источника финансирования войны, что исключено в условиях капиталистического хозяйства, где всякая экономия в производстве является дополнительным источником личной наживы предпринимателей [13]. Кроме того, снижение цен на военную продукцию в меру снижения себестоимости имело немаловажное значение для стимулирования систематического улучшения качественных показателей и изыскания дополнительных внутривыпускных резервов экономии на военных заводах.

В годы войны остались неизменными грузовые транспортные тарифы, несмотря на повышение себестоимости перевозок. В 1942 г. были отменены льготные тарифы на железнодорожном транспорте. При отвлечении решающей части подвижного состава для обслуживания военных нужд, при значительных транспортных затруднениях перевозки хозяйственных грузов нормировались государством повагонно. Льготные тарифы не оправдывали себя в этих условиях, не говоря

уже об изменении грузопотоков в связи с временной оккупацией южных и западных районов СССР.

Динамика государственных розничных цен и цен колхозного рынка. В первые же дни войны стало очевидной необходимостью перехода от развернутой торговли к нормированному распределению. Это был единственно верный способ в условиях резко сократившихся товарных ресурсов, обеспечить их экономное и целесообразное расходование, подчинить снабжение задачам обороны, гарантировать интересы населения.

Раньше всего карточки были введены в Москве - 17 июля 1941 г., в Ленинграде – 18 июля, в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей – 19 июля.

Нормирование распространялось на хлеб, муку, крупу, макаронные изделия, сахар, кондитерские изделия, мясо, мясопродукты, рыбу, рыбопродукты, а из промышленных товаров – на хлопчатобумажные, льняные и шелковые ткани, швейные изделия, трикотаж, чулки-носки, кожаную и резиновую обувь.

В конце апреля 1942 г. решено было установить карточную систему снабжения промышленными товарами во всех городах и рабочих поселках. Карточное распределение важнейших предметов потребления практиковалось наряду с денежной оплатой, являвшейся основной, а также натуральной формой оплаты труда рабочих (в качестве поощрения за ударность в труде выдавалось дополнительное питание и т. д.). Государственное регулирование личного потребления трудящихся - одна из особенностей социалистического производства в период войны.

В основу распределения нормированных товаров был положен последовательно осуществлявшийся принцип

дифференцированного снабжения. Различные нормы продовольственного снабжения населения по группам и категориям определялись не только в зависимости от характера выполняемой работы, возраста и других факторов, влияющих на физиологическую потребность организма, но и с учетом значения этой работы для народного хозяйства, для обороны, для Советского государства.

В годы войны были повышены отпускные цены на продукцию легкой и пищевой промышленности (индекс государственных отпускных оптовых цен на продукцию легкой и пищевой промышленности составил 120%), что повлекло за собой рост розничных цен. Индекс государственных розничных цен в IV квартале 1942 г. составил 156% по отношению к июню 1941 г., в том числе на продовольственные товары – 174,5% и на непродовольственные товары – 126,4%. Следует отметить, что на основные продовольственные товары цены повысились за этот период всего лишь на 11,6%, то есть совсем незначительно. Индекс цен на продовольственные товары возрос почти целиком за счет повышения цен на водку (на 522%) [14].

Позднее, в 1944 г., была организована государственная коммерческая торговля потребительскими товарами по повышенным ценам, что также привело к росту индекса государственных розничных цен. Индекс цен государственной и кооперативной торговли составил в 1945 г. 220% по отношению к среднегодовым ценам довоенного 1940 г. [15]. Повышение цен в годы войны позволило государству увеличить свои денежные доходы. Но несмотря на это, Советское государство определяло государственные розничные и оптовые цены на товары, руководствуясь интересами обеспечения нормального жизненного уровня

трудящихся города и деревни. Сосредоточение собственности на основные средства производства в руках государства, большей части товаров, обращающихся в стране, плановое распределение товарных фондов, монополия внешней торговли - все это обеспечивало в период военной экономики СССР незыблемость государственных розничных цен.

Другие законы действовали на свободном колхозном рынке. Здесь закон стоимости действовал в своей рыночной форме закона спроса и предложения. Цены на колхозном рынке за весь период войны сильно возросли. Так, например, в городах индекс цен на колхозных рынках в 1943 г. по сравнению с 1940 г. увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раза и на продукты животноводства - в 13,2 раза. Значительного снижения цен на неорганизованном рынке удалось добиться лишь в середине 1943 г.

Таблица 2.

Движение цен на городских колхозных рынках по важнейшим группам продовольственных товаров (июль 1941 г. = 100) [16].

Товарные группы	Июль 1942 г.	Июль 1943 г.
Все товары (включая скот)	854	1873
В том числе:		
хлебные товары	921	2321
картофель	1121	2640
овощные товары	711	2138
мясные товары	769	1278
молочные товары	1160	1875

Из таблицы 2 видно, что максимальный рост цен наблюдался на хлебные товары и картофель. Значительно меньше возросли цены на мясные и молочные товары. Это и понятно: война нанесла особенно большой ущерб земледелию, валовая продукция которого сократилась за годы войны больше, чем валовая продукция

животноводства. Порайонные различия в динамике цен определялись двумя главными факторами: расстоянием от фронта и удельным весом населения, занятого в промышленности и на транспорте. Индекс цен в районах Центра составил в 1942 г. 1204% и в 1943 г. – 2120% по сравнению с 1941г. Немногим меньше он был на Урале и в Поволжье, то есть, в главных районах, куда эвакуировалась промышленность из прифронтовых областей. Меньше всего цены выросли в Закавказье, а также в Казахстане и Средней Азии, где индекс цен составил в 1942 г. 467% (Закавказье) и 576% (Казахстан и Средняя Азия), а в 1943 г. - соответственно 1205% и 1322%.

Пестрота условий производства и сбыта, разобщенность различных частей страны, связанная с перебоями в работе транспорта, объясняют большую неравномерность в темпах роста цен и значительное увеличение разрывов в ценах.

Таблица 3.

Движение цен на некоторые товары [17].

Наименование товара	Единица измерения	Цены на 15 июня 1941 г.		Цены на 15 июля 1943 г.		Отношение максимальных цен к минимальным	
		в рублях				15 июня 1941 г.	15 июля 1943 г.
		минимальная	максимальная	минимальная	максимальная		
мука ржаная	кг	1,2	7,0	45,0	300,0	5,8	6,7
мука пшеничная	кг	1,8	8,1	30,0	350,0	4,5	11,7
пшению	кг	1,5	10,0	60,0	331,0	6,7	5,5
картофель	кг	0,3	6,0	14,0	300,0	20,0	21,4
говядина	кг	10,0	30,0	40,0	467,0	3,0	11,7
молоко	л	1,3	6,0	7,0	162,0	4,6	23,1
масло топленое	кг	20,6	60,0	130,0	1000,0	3,0	7,7
яйцо	дес.	3,5	16,0	30,0	300,0	4,6	10,0

Из таблицы 3 видно, что отношение максимальных цен к минимальным увеличилось по всем товарам, кроме пшеницы. Особенно значительным было увеличение отклонения в ценах на молоко (402%), говядину (290%), масло топленое (157%) и яйцо (117%), то есть на скоропортящиеся и малотранспортабельные товары. Минимальные цены наблюдались, как правило, в удаленных от фронта малонаселенных городах, а максимальные – в промышленных центрах европейской части СССР и Урала.

Наибольшие изменения война вызвала в торговле предметами личного потребления. Вследствие сокращения объема производства промышленной и сельскохозяйственной продукции резко упал объем розничного товарооборота. В 1942 г. государственной и кооперативной торговлей продано товаров лишь на 34% к уровню 1940 г., в 1943 г. – 32, в 1944 г. – 37 и в 1945 г. – 45%. Объем товарооборота сократился в большей мере, чем снизилось производство промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Уменьшение масштабов розничного товарооборота требовало соответствующего изъятия излишних бумажных знаков денег из каналов обращения. В СССР к концу 1942 г. количество денег в обращении по сравнению с предвоенным временем увеличилось более чем в 2 раза при резком сокращении розничного товарооборота. Всего за годы войны денежное обращение выросло в 3,8 раза. В конце войны на каждый рубль, находящийся в обращении, товаров было в 3 раза меньше, чем в 1940 г. Но государство ввиду растущих военных расходов не могло пойти на это. Больше того, оно должно было преодолеть дефицит бюджета в 1941 - 1943 гг. Дефицит в 1941-1943 гг. покрывался за счет эмиссии денег. Положение усугублялось тем, что на временно захваченной советской

территории оккупанты выпускали фальшивые деньги. Увеличение спроса на товары на неорганизованном рынке при уменьшении их предложения неизбежно вело к росту цен. В связи с этим резко возрос удельный вес колхозной торговли как в общем объеме розничного товарооборота - с 14% в 1940 г. до 46% в 1945 г., - так и в объеме продаж продовольственных товаров - с 20% в 1940 г. до 51% в 1941 г.

Своего максимума цены достигали в апреле 1943 г., затем до октября этого же года они снижались, к апрелю 1944 г. вновь возросли и с этого времени неуклонно пошли круто вниз (табл. 4).

Таблица 4.

Изменение индекса цен на городских колхозных рынках (1940=100) [18].

Годы	Месяцы			
	январь	апрель	июль	октябрь
1941	103	95	88	112
1942	268	636	693	886
1943	1440	1602	1467	1077
1944	1317	1488	1160	758
1945	754	737	590	417

Организация коммерческой торговли. В 1944 г. была организована государственная коммерческая торговля потребительскими товарами по повышенным ценам.

Какие же задачи решались организацией открытой торговли без карточек по коммерческим ценам?

1. Некоторые лучше оплачиваемые группы населения (работники науки, техники, искусства и литературы, лица высшего офицерского состава, их семьи и другие) имели средства для приобретения товаров сверх положенным по нормам и обращались к услугам рынка. Теперь эти покупатели получили возможность

удовлетворять свои запросы полнее и в культурных торговых предприятиях.

2. В первые годы войны, в условиях недостатка товаров и нормированного распределения, произошло значительное обеднение ассортимента, качество продукции снизилось. Надо было усилить воздействие на работу промышленности, с тем чтобы постепенно восстановить производство высококачественных изделий, расширить и обогатить ассортимент.

3. Создание магазинов и ресторанов, торгующих без карточек по коммерческим ценам, позволяло государству аккумулировать определенное количество денежных средств, что имело немаловажное значение в годы войны, а также в первые послевоенные годы восстановления народного хозяйства.

4. Развитие коммерческой торговли явилось одним из экономических факторов снижения цен на колхозных рынках. С появлением у покупателей возможности приобретать различные продукты без карточек в магазинах ослаблялся спрос на них на рынках, рыночные цены стали в определенной мере зависеть от уровня коммерческих цен.

5. Коммерческие магазины и рестораны отличались не только тем, что были открыты для всех, торговали без карточек по повышенным ценам и имели значительно улучшенный ассортимент товаров. Они должны были служить очагами высокой культуры обслуживания, школой подготовки квалифицированных кадров и распространения передового опыта.

Коммерческая торговля за 1944-1946 гг. дала государству 15,7 млрд. руб. дополнительных доходов.

Каковы бы ни были недостатки планового ценообразования в годы войны, следует признать, что в общем система плановых цен явилась мощным рычагом для переключения хозяйственных ресурсов страны на

нужды войны, а также важным средством материального стимулирования рабочих и служащих в государственном секторе народного хозяйства.

Война потребовала значительной перестройки финансовой системы страны. В противоположность историческому опыту буржуазных стран, финансы СССР в 1941-1945 гг. проявили свою исключительную устойчивость и силу. В условиях войны Советское государство вынуждено было изыскать новые дополнительные источники доходов, хотя главными статьями доходной части бюджета продолжали оставаться поступления от социалистических предприятий в виде налога с оборота и отчислений от прибыли. Советское государство сумело не только финансировать громадные военные расходы, но и развернуть в широких масштабах новое промышленное и транспортное строительство, выделять значительное количество средств на социально-культурные мероприятия.

Важное значение в военные годы приобрели также добровольные взносы населения. Патриотизм советского народа, его любовь к социалистической Родине способствовали успешному распространению облигаций военных займов, доход от займа в 1945 г. вырос по сравнению с займом 1940 г. на 17 млрд. руб.

Важным источником дополнительных ресурсов государственного бюджета был режим экономии. За счет экономии сырья и материалов, а также повышения производительности труда снижалась себестоимость военной продукции, и это являлось источником сокращения военных расходов. За годы войны себестоимость сравниваемой продукции снизилась на сумму 50 млрд. руб. Таким образом, советское военное хозяйство оказалось не только слаженным, но и рационально экономным.

Бюджет социалистического государства в годы войны еще в одном отношении проявил свою силу и устойчивость. Здесь эмиссия бумажных денег использовалась в качестве одного из второстепенных источников покрытия государственных расходов только в 1942-1943 гг. Уже в 1944 г. доходные поступления социалистического бюджета настолько возросли, финансы СССР так укрепились, что отпала необходимость в использовании эмиссии как метода финансирования войны. Уже на третий год войны Советскому правительству удалось достигнуть бездефицитности бюджета и отказаться от новых выпусков бумажных денег.

Советские деньги в военные годы были относительно устойчивыми. Это объяснялось не только тем, что в годы войны в обращение было выпущено сравнительно ограниченное количество новых бумажных денег, но и рядом других причин. В числе них решающую роль играла политика цен, которую проводило Советское государство.

В течение всего периода войны Советское правительство строжайше сохраняло неизменный уровень твердых государственных цен на продовольственные и промышленные товары широкого потребления. Вместе с тем сохранены были довоенные заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты.

Значение этого факта станет понятным, если учесть, что обычным спутником войн в буржуазном обществе является рост цен на военные материалы, стратегическое сырье и предметы массового потребления. Капиталистические монополии используют крайне выгодную для них конъюнктуру в период войны для взвинчивания цен и извлечения этим путем сверхприбылей.

Установление в ряде стран (США, Англия и др.) в период Второй мировой войны системы государственного контроля за ценами задержало процесс роста товарных цен, в первую очередь, цен на военные материалы и сырье, идущее для их выработки. Однако и в этих странах цены значительно выросли по сравнению с довоенным уровнем. В США индекс оптовых цен на сельскохозяйственные продукты по сравнению с довоенным уровнем вырос до 196%, на продукты питания до 151% и на текстильные товары до 144%. Оптовые цены в Англии в 1943 г. превысили уровень цен 1939 г. на 67%.

Советская военная экономика опиралась на коренную историческую тенденцию развития человеческого общества, основанную на принципах непосредственно общественных планомерно организованных отношений, являлась прочным фундаментом победы над силами регресса.

Примечания

1. Белов П.А. Вопросы экономики в современной войне. М.: Воениздат, 1951. С. 130. См. также: Бакшицкий М.Л. Техничко-экономические изменения в промышленности США во время Второй мировой войны. М.: Госпланиздат, 1947.
2. Клод А. Куда идет американский империализм. М.: ИЛ, 1951. С. 128.
3. Варга Е. Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1946. С. 54 – 56.
4. Розенфельд Я.С. Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М.: Госполитиздат, 1946. С. 191.
5. Турецкий Ш.Я. Внутрипромышленное накопление в СССР. М.: Госполитиздат. 1948. С. 86.

6. Кнорр К. Военный потенциал государств. М.: Воениздат, 1960. С. 261.
7. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. С. 65, 67; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). М.: Мысль, 1965. С. 380.
8. Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата; О продовольственном налоге; О значении золота теперь и после полной победы социализма / Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271 – 282; Т. 43. С. 205 – 245; Т. 44. С. 221 – 229.
9. Военно-экономические вопросы в курсе политэкономии / Авт. колл.: П.В. Соколов и др. М.: Воениздат, 1968. С. 118.
10. Подробнее см.: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917 – 1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 224 и др.
11. Турецкий Ш.Я. Очерки планового ценообразования в СССР. М.: Госполитиздат, 1959. С. 43-46; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). М.: Мысль, 1965. С. 120–121.
12. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). М.: Мысль, 1965. С. 120–121.
13. Среднегодовые прибыли американских корпораций за 5 лет войны (1941-1945 гг.) возросли почти в 3,5 раза по сравнению с довоенным пятилетием (1936 – 1940) (Военно-экономические вопросы в курсе политэкономии / Авт. колл.: П.В. Соколов и др. М.: Воениздат, 1968. С. 95)
14. Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 229.
15. Там же. С. 407.
16. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917 – 1963 гг.). М.: Соцэкгиз, 1964. С. 230

17. Там же. С. 232.

18. Там же. С. 235.

Е.Ю. Волкова

Истоки женской самоотверженности в годы Великой Отечественной войны

Победа в Великой Отечественной войне ковалась всем народом: мужчины в большей степени защищали Родину на полях сражений, а женщины в тылу стали решающей силой. В 1944 г. их удельный вес в народном хозяйстве СССР достиг 57 % (в 1940 г. он составлял 38 %).

В настоящее время задача историков состоит не только в том, чтобы выявить новые факты и проанализировать их, но и выяснить истоки их появления. В частности, цель данной статьи – проанализировать причины невиданного проявления самоотверженности советскими женщинами в 1941-1945 военные годы. Их истоки уходят в далекое прошлое и в предвоенное советское время.

Многовековая российская история способствовала формированию неповторимых черт у женщин. Они верят в Бога, правду, добро, справедливость. Специфика их - в их душе. Российской женщине чужды европейский индивидуализм, рационализм, накопительство. Однако нет у нее и азиатской запрограммированности поведения, растворенности индивида в социуме. Российская женщина верит в государство, в Россию, где мирно уживаются десятки народов и этнических групп. Женщине свойственна и вера в Верховного Правителя. В целом российская женщина - личность совестливая, отзывчивая, нестяжательная, неприхотливая, терпеливая, жертвенная. И в то же время она - излишне доверчива, неоправданно

простодушна, чрезмерно покорна, ненужно уступчива, нерасчетлива.

Нравственные грани женской психологии всегда ярче высвечиваются в нестандартных ситуациях. В годы Великой Отечественной войны особенно проявились такие ее черты, как чувство долга, ответственность, решимость, патриотизм, трудолюбие, общественная активность, заботливость. Но на первое место среди них выступает жертвенность, то есть осозанный отказ не только от своей выгоды, пользы, комфорта, но и от жизненно необходимых: тепла, еды, здоровья, жизни. Более того, женщина сознательно шла на дополнительные лишения: добровольно работала сверхурочно, сдавала необходимые в повседневной жизни вещи в фонд обороны, воспитывала чужих осиротевших детей и т. п. И это было не проявление аскетизма и фанатизма, поскольку даже в самые тяжелые периоды войны не было в уме мысли о конце света, фатальной обреченности. Уинтер Элла, корреспондентка «Нью-Йорк пост», в СССР в 1945 г. посетила колхоз «Новый путь» в районе Солнечногорска. Немцы были там шесть недель, а уходя, сожгли деревню. Заново ее отстроили женщины. Уинтер сказала женщинам: «Многие бы сломились перед лицом лишений и ужасов, какие выдержали вы». В ответ крестьянки спокойно ответили: «Мы не могли сломиться. Мы понимали, что должны выстоять и победить» [1].

В годы Великой Отечественной войны женщины проявили самостоятельность в принятии решений не только в своей семье, в деле воспитания детей, но и в рабочем коллективе, в общественной деятельности. Истоки этого, опять-таки, уходят в глубокое прошлое. Со времен Киевской Руси славянки пользовались значительной политической и экономической свободой. Галерея женщин-политиков Руси могла бы включить, по подсчетам

О.В. Митиной, около 50 княгинь, княжон, боярынь [2]. Большая имущественная самостоятельность женщин в славянской цивилизации наложила отпечаток на их характер, сформировав такие черты личности, как независимость, свободолюбие, высокую социальную активность.

После отмены крепостного права происходило изменение традиционного хозяйственного уклада деревни. Втягивание крестьянки в рыночные отношения расширяло ее кругозор, создавало условия для формирования новых качеств ее личности. Пока глава семьи находился на заработках, женщина включалась в социальную жизнь всей деревни, осуществляя хозяйственные права на землю и ответственность за выплату повинностей. В ряде деревень Владимирской и Костромской губерний женщины имели полное право голоса на сходе.

В начале XX века наблюдался бурный рост числа работниц на крупных предприятиях. Он значительно опережал возрастание численности рабочих. За 1901-1913 гг. число работниц увеличилось на 64,1%, а рабочих – лишь на 27,5%. В 1913 г. в промышленности женщины составляли среди работавших 31%, а на текстильных фабриках – 68% [3]. Фабричные инспекторы считали, что причинами большего выдвижения женщин, чем мужчин является то, что революционные потрясения начала века заставили фабрикантов заменять мужчин женщинами, «считая женский элемент на фабриках более спокойным и устойчивым, чем мужской, тем более, что такая замена выгодна еще и тем, что женский труд вообще оплачивается дешевле мужского». Кроме того, «у женщин большее трудолюбие, внимательность и воздержание женщин (не пьют, не курят), а также уступчивость и меньшая требовательность в отношении заработной платы» [4].

Во второй половине XIX века женщины, прежде всего, представительницы дворянства и разночинной среды, стали активными участницами борьбы за экономическую самостоятельность и независимость женщин, равное с мужчинами право на труд и образование, равноправное положение в семье и быту. В пореформенной России, как нигде в мире, не было ни одной крупной революционной организации, в которой не приняли бы участия женщины. Уже в 70-е гг. они составляли примерно пятую часть активистов революционного крыла освободительного движения [5]. В этом сказались такие черты, присущие российским женщинам, как: сострадание, стремление помочь ближнему, угнетенному. В то же время проявились одержимость, решительность, твердость, которые зачастую приводили к крайностям. Они были наиболее последовательными сторонниками равноправия полов, добываясь равного права с мужчинами даже на каторгу и смертную казнь.

Анализ российской истории не может всеобъемлюще отразить психологические и социально-исторические истоки женской самоотверженности. Для этого необходимо обратиться к периоду Советской власти, чтобы выяснить, какие черты характера появились у российской женщины в советское время.

Большевицкая власть в первые часы своего существования в декрете «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» по существу провозгласила равенство мужчин и женщин в политических правах, в осуществлении государственного управления [6]. Первая Советская Конституция, принятая в июле 1918 г., закрепила политическое равноправие женщин Советской России [7]. Первые декреты Советской власти подорвали экономическую основу угнетения женщин. Крестьянки впервые получили право на землю наравне с мужчинами,

на распоряжение имуществом двора, на наследование и участие в семейных переделах с получением причитающейся им доли. 29 октября 1917 г. правительство издало декрет «О восьмичасовом рабочем дне», который значительно облегчил труд работниц и подростков, запретил применение их труда в ночных сменах и на подземных работах, ввел ограничения для них на сверхурочных работах [8]. Изданный 11(24) декабря 1917 г. декрет о социальном страховании распространял его на всех рабочих и служащих обоего пола. Пособие по болезни выдавалось в размере 100% заработной платы. По декрету о заработной плате рабочих и служащих от 16 сентября 1918 г. впервые в истории было покончено с дискриминацией в оплате женского труда [9].

Советская власть видела необходимым условием эмансипации женщин в обязательном привлечении их в общественное производство. Но оно невозможно было без огромной работы по ликвидации неграмотности. За два с небольшим десятилетия Советской власти в стране была проделана колоссальная работа в этом направлении. Произошел своеобразный качественный скачок: удельный вес грамотных женщин увеличился с 12,7% в 1897 г. до 72,5% в 1939 г. [10]. Впервые в истории женщины были допущены ко всем видам обучения и образования. Только за период с 1936 по 1940 гг. в СССР около 3 миллионов женщин, работавших в промышленности, прошло техническое обучение без отрыва от производства, в том числе около двух миллионов сдали технический минимум, а более 50 тысяч окончили курсы мастеров социалистического труда [11]. Женщины преобладали в составе получивших среднее образование. Например, в 1937 г. в возрастной группе 12-14 лет образование имели 8,2 тысяч юношей и 8,7 тысяч девушек. Даже в возрасте

60-69 лет насчитывалось 34 тысячи женщин и 28 тысяч мужчин [12].

Одним из направлений вовлечения женщин в производство стал переход их на мужские профессии. Вопрос об этом на уровне высших органов власти был поставлен в середине 20-годов XX века, то есть за 10-15 лет до начала войны. Надо сказать, что процесс этот был очень сложным. Женщины с неохотой осваивали эти профессии, так как работа в тяжелой промышленности, на транспорте, в строительстве, на тракторе или комбайне была тяжелее и требовала длительной подготовки. Для женщин привлекательнее были те сферы профессиональной деятельности, которые в какой-то степени были схожи с домашними обязанностями: легкая, швейная, пищевая промышленность, здравоохранение, общественное питание и торговля, сфера образования и воспитания. Серьезную тормозящую роль играл в этом «психологический» барьер – традиционное представление о месте и роли женщин в обществе.

Задача изживания предрассудков в отношении освоения женщинами мужских профессий оказалось непростой, поскольку против этого выступали все, начиная от директора до простого рабочего. Директор Константиновского завода заявлял, что «считает посылку женщин на заводы высшей мерой наказания» [13]. Директор Судостроительного завода в Архангельске говорил: «Я буду ставить вопрос об отмене нелепых директив, женщины нам не нужны». Председатель заводского комитета завода «Анжерка» утверждал: «У нас на производстве женщин нет и быть не может. На какие работы бабе можно? Только капустой в ЦРК торговать» [14]. На шахте «Ильич» работниц встречали насмешками. Ячейка горномеханического цеха предложила проверить, не потому ли женщина-коммунистка попала в шахту, что

она «штрафная». В Ленинграде на судостроительных заводах женщин-нагревательниц, работавших в брюках, рабочие встречали издевками и насмешками [15]. На Урале на старом металлургическом заводе Лысьвы рабочие искренне удивлялись: «Вот так история, в жестокатальном цехе двух баб поставили на стан! Работа трудная, мужская, а тут бабы... Но как они будут раскатанное железо хватать!» [16]. И тем не менее, в 20-30-е годы была проделана колоссальная работа по преодолению этих предрассудков.

В целом за годы Советской власти у большинства женщин трудоспособного возраста утвердилась ориентация на профессиональный труд. В обществе произошла ломка стереотипов о месте и назначении женщины. Перед войной женщины России – это практически 100% трудящиеся, то есть те, для которых работа – не подвиг, не жертва, а способ существования, основное занятие при любых обстоятельствах, будь то война или мир. За 1929-1941 гг. количество женщин, занятых в народном хозяйстве, возросло на 7,8 млн. человек. Причем рост числа женщин значительно опережал темпы роста всей массы рабочих. Особенно резкое увеличение наблюдалось в 1929-1937 гг. За это время в крупной промышленности число женщин увеличилось более чем в 3 раза, в строительстве – почти в 8 раз, на транспорте – в 4 раза [17]. В 1940 г. в промышленности, на транспорте и в строительстве работало 11 миллионов женщин или около 40% всего числа работающих [18]. Нигде в мире не было женщин-машинистов паровозов. В СССР в 1940 г. свыше 4 тысяч женщин водили поезда. Накануне войны на заводах машиностроения работало 15 тысяч женщин-инженеров, 12 тысяч станочниц, 14 тысяч инструментальщиц, 24 тысячи фрезеровщиц [19]. В начале 1941 г. свыше 100 тысяч женщин управляло комбайнами,

тракторами и другими сельскохозяйственными машинами [20].

К середине XX века в СССР произошли большие подвижки в социальном статусе женщин. Они получили политическое и юридическое равенство, избирались в органы власти, выдвигались на руководящие посты, вступали в ряды руководящей партии, в профсоюзы, комсомол и другие организации. Новая социалистическая мораль порождала потребность служить своей социалистической Родине, заниматься интересным делом. Так, за 17 лет (1917-1934 гг.) через школу делегатских собраний прошло почти 10 миллионов женщин [21]. Столько же их насчитывалось в профсоюзных организациях страны к 1940 г., из которых более 646 тысяч были избраны в состав руководящих профсоюзных органов, от центральных до фабрично-заводских, а около 40 тысяч возглавляли фабрично-заводские и местные комитеты [22]. На 1 января 1941 г. в стране 575853 женщины были членами правящей партии, 3 миллиона 478 тысяч – членами ВЛКСМ, из них 460 тысяч (41,1 %) были избраны на руководящую комсомольскую работу [23]. За 20-30-е годы в стране образовался значительный слой женщин-руководителей, специалистов высокой квалификации. В 1941 г. женщин-инженерно-технических работников насчитывалось свыше 170 тысяч, что составило 36% всех ИТР страны. В 1940/1941 учебном году в вузах СССР обучалось в два раза больше женщин, чем во всех вузах европейских капиталистических стран вместе взятых [24].

В результате проводимых советским государством демографических мероприятий российские женщины стали физически более здоровыми, увеличилась их продолжительность жизни, улучшились бытовые условия, питание. Огромная работа была проделана за советский

период по охране материнства и младенчества. В 1913 г. в России во всех родильных домах было 6824 койки, из них 1632 - на селе, а на территории Армянской, Таджикской, Карело-Финской, Молдавской республик родильных учреждений вообще не было. На всю Россию действовало 19 городских яслей на 550 мест, и 3300 детей посещали садик. К началу Великой Отечественной войны в стране насчитывалось 142 тысячи родильных коек, из них более 66 тысяч – на селе. С 1935 г. впервые в истории России на селе стали действовать колхозные роддома. В стране имелось более 5 тысяч женских и около 7 тысяч детских консультаций, более 2 тысяч молочных кухонь [25]. В 1941 г. расходы на охрану здоровья женщин и детей составили четвертую часть от общих расходов на здравоохранение [26]. Перед войной в детские ясли ходило 890 тысяч детей, а в целом во всех дошкольных учреждениях находился 1 миллион 140 тысяч детей [27]. Это давало возможность матерям работать, заниматься общественными делами.

Идеологическая обработка россиянок всеми общественными организациями дала свои результаты: достаточно большой процент, прежде всего молодых горожанок, были настроены оптимистически, с уверенностью смотрели в будущее, свято верили в правильную политику партии и ничего не боялись. Об этом говорят заявления и послания ряда женских коллективов и отдельных, как правило, передовиков производства, в адрес руководящих органов страны. Например, на XVII съезде ВКП(б) Добрава, делегатка из колхоза «Новый путь» Московской области, заявляла: «Если буржуи нападут на нас, то женщина сыграет не маленькую роль в будущей войне с буржуазией. Мы сумеем сесть на танк и бросить бомбу. Мы, товарищи, будем крепко держать наше хозяйство в тылу, а если тыл крепок, не страшен враг» [28]. Разумеется, подобные решительные, сверхоптимисти-

ческие заявления озвучивались в основном активистками общественных организаций, передовиками производства, истовыми сторонниками новой власти.

В то же время в России жила и трудилась другая, также небольшая часть женщин, у которой авторитарные методы управления, проявления бюрократизма, черствости руководства, собственное бесправие, постоянная зависимость от власти, подавление критики, самостоятельности, инициативы, тяжелая работа, нерешенные бытовые проблемы порождали озлобленность, подозрительность, неуверенность, нервное напряжение, озабоченность, нравственное неприятие действительности, ведь революционного преобразования быта, за которое так ратовали видные деятельницы партии – А.М. Коллонтай, И. Арманд, Н.К. Крупская – не произошло. В общей массе российские женщины, особенно на селе, не получили облегчения своего труда в семье, в воспитании детей, в бытовых вопросах.

Необходимо иметь в виду и еще один важный момент. Хотя Конституция СССР 1936 года провозгласила решение женского вопроса, до фактического равенства было еще очень далеко. В 1939 г. грамотные женщины трудоспособного возраста (19-49 лет) составляли 83,4%, а старше 50 лет – только 24,3%, то есть каждая четвертая женщина преклонного возраста была неграмотной. Если же проанализировать ситуацию отдельно в городе и в деревне, то картина становится еще нагляднее. В городе грамотными были практически все женщины трудоспособного возраста (91%) и почти половина женщин старше 50 лет (46,4%). На селе каждая пятая была неграмотная, а у стариков – практически поголовная неграмотность (84,2%). В среднем треть женщин села были неграмотными [29]. По переписи 1937 г. 67% взрослых женщин СССР признали себя верующими. Неверующими

признавали себя в основном молодые женщины 20-39 лет [30]. Жизнь для верующих неграмотных женщин практически полностью продолжала основываться на вековых традициях, идущих от души, от сердца, в согласии с Божьим промыслом.

Таким образом, в сознании основной массы женщин тесно переплетались социалистическая идеология и традиционная мораль, сложившаяся на протяжении веков. Коммунистическая идеология в советский период стала ведущей, господствующей. Накануне войны вступило в большую жизнь поколение, родившееся при Советской власти, в основной своей части беззаветно преданное ей. Среди юношей и девушек наблюдались даже некоторые идеологические перегибы: свято верившие в идеалы социализма, некоторые из них не интересовались историей своей страны, не признавали «дедовские» обычаи, их традиции, элементы культуры.

Однако новая мораль охватывала небольшую часть взрослого населения и чуть более широкие круги молодежи. Основная масса женщин по-прежнему придерживалась старой, патриархальной идеологии. Они жили по закону своих предков, по велению сердца, по совести. Ведь тем, кто пожил до революции и «попробовал» вкус той, старой, жизни было к июню 1941 г. чуть больше 40 лет.

Тем не менее, невероятно тяжелые испытания Великой Отечественной войны сплотили все слои женского населения. Старые и молодые, замужние и вдовы, с малыми детьми на руках и бездетные поднялись на борьбу с ненавистным врагом. К долгожданной победе кому-то из них помогала приблизиться вера в Бога, кто-то находил силы для борьбы, исповедуя старую традиционную мораль, кого-то вдохновляла коммунистическая идеология. Но всех объединяло одно –

стремление освободить страну от врага. Война высветила всю мощь и величие характера русской советской женщины, безмерность ее морального потенциала и духовной силы. И очень жаль, что до сих пор этот подвиг российской женщины не оценён по достоинству ни самими женщинами, ни многими учёными, разрабатывающими эту проблему. И на бескрайних просторах нашей многострадальной Родины нет пока ни одного памятника «Неизвестной женщине», отдавшей своё здоровье, красоту, человеческое счастье, жизнь во имя спасения своего народа и своей Отчизны.

Примечания

1. Уинтер Элла. Жанны д'Арк Советской Отчизны // За рубежом. 1985. № 11. 8-14 мая.
2. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспекте // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 184.
3. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954. С. 8; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1861-1917). Иваново, 1994. С. 22.
4. Цит. по: Новоселов П.К. Женский труд в крупной промышленности царской России и в промышленности СССР: Дисс. канд. экон. н. М., 1951. С. 48; Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности в СССР. С. 9.
5. Айвазова С.Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001. С. 40.
6. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 20.
7. Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 561.
8. Декреты Советской власти. Т. 1. С. 63.
9. Декреты Советской власти. Т. 1. С. 200-205; Т. 3. М., 1964. С. 344-348.
10. Население России в XX веке. Т. 1. М., 2000. С. 183.

11. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности. С. 82.
12. Население России в XX веке. Т. 1. С. 390.
13. Труд. 1931. 31 июня.
14. Труд. 1931. 10 июля.
15. Серебренников Г.Н. Женский труд в СССР. М.-Л., 1934. С. 74.
16. Баранов А., Сибирячка З. Женщина Урала в борьбе и за работой. Свердловск, 1928. С. 81.
17. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. С. 60-61.
18. Попова Н.В. Женщины страны социализма. М., 1948. С. 40.
19. Попова Н.В. Женщины страны социализма. С. 14.
20. Попова Н.В. Женщины страны социализма. С. 44.
21. Женщина на социалистической стройке. М., 1935. С. 118.
22. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности. С. 93.
23. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 111; Журевский П.Б. Женский труд в СССР: Дисс. канд. экон. наук. М., 1950. С. 161.
24. Население России в XX веке. Т. 1. С. 84.
25. Араловец Н.Д. Женщины – великая сила советского общества. М., 1947. - С. 47.
26. Ковригина М.Д. В неоплатном долгу. М., 1985. С. 22.
27. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. С. 95.
28. Женщина на социалистической стройке. М., 1935. С. 112.
29. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 39.
30. Население России в XX веке. Т. 1. С. 183.

В.Т. Анисков

Колхозное население военных лет

Тема настолько важна и социально ответственна, что даже неоднократные к ней обращения и в разных проблематичных коррекциях не позволяют временно отключиться от нее, тем более в условиях малодоступности смежных публикаций при крайне низкой тиражности, подчас символической объемности. И в данном случае пришлось пожертвовать значительными наработками, особенно динамичными сведениями табличного отображения, сохраняя и акцентируя при том иные текстуальные позиции и оценки, экономя даже на сведениях научного аппарата. В этой связи желающим восполнить подобные пробелы мы могли бы рекомендовать дополнительно обратиться к соответствующему и более полному нашему изданию - «Крестьянство против фашизма 1941-1945. История и психология подвига». М., 2003.

Небывалая война потребовала невиданных жертв, напряжения сил и воли колхозного крестьянства. Продовольственный и сырьевой фонд страны приходилось создавать в условиях небывалого сокращения трудовых ресурсов. За четыре военных года крестьянское население уменьшилось на 13,9 млн. (на 18%), то есть среднегодовое сокращение достигло 3,5 млн. (4,5%), тогда как за 11 довоенных лет (с 1928 по 1939 гг.) оно составило 2,4 млн., или в среднем 3,1% в год, а за каждый из четырех лет кануна войны еще меньше – 0,5%. Убыль происходила в основном за счет трудоспособного населения.

Деревня дала фронту и промышленности не менее 13,5 млн. трудоспособных человек, или 38% их на начало 1941 г. В среднем за каждый год войны выбывало почти 10% трудоспособных крестьян против 1,5% из четырех

предвоенных лет. Наибольшее сокращение произошло к концу 1942 г. в связи с массовыми мобилизациями и оккупацией западных областей. На начало 1943 г. в тылу оставалось только 15 миллионов трудоспособных крестьян из 35,4 миллионов на начало 1941 г., или 42%. Но после разгрома фашистских войск под Сталинградом прирост трудоспособного населения за счет освобожденных территорий стал превышать убыль по мобилизации. В результате к началу 1945 г. общее число трудоспособных колхозников по сравнению с самым низким уровнем увеличилось на 6,9 миллиона, составив 21,9 миллионов.

В тыловых же районах уменьшение численности колхозников продолжалось до начала 1945 г. К тому времени в деревне оставалось 11,4 миллионов трудоспособного населения из 18,2 миллионов на начало 1941 г., или 62,8%. В большей мере сокращение произошло в северо-восточных и восточных регионах страны. Так, в Пермской области, Коми и Удмуртской АССР, в тюменском Зауралье число трудоспособных уменьшилось на 44%, в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях, Красноярском, Алтайском и Приморском краях – на 42-43%, а в Курганской и Читинской областях – даже на 48,4%.

Относительно меньшей убылью трудоспособных выделялись Ивановская, Костромская, Ярославская, Архангельская, Свердловская области, Башкирская, Чувашская, Бурятская, Татарская автономные республики, а также Таджикская ССР, где она составила от 30,1% до 35,6%. Еще меньшее сокращение трудоспособных колхозников наблюдалось лишь в Казахской и Армянской ССР – 28%. Столь значительная амплитуда в основном была связана с продвижением на восток промышленности, эвакуацией населения, отдаленностью или близостью фронта.

Убыль колхозного населения происходила в основном за счет мужчин призывных возрастов. К 1 января 1945 г. их число в колхозах тыловых областей уменьшилось в 3 раза – с 8,6 миллионов в январе 1941 г. до 2,8 миллионов, или на 68%. Количество трудоспособных женщин в первые годы войны практически оставалось неизменным, но в течение 1943 и 1944 гг. оно тоже уменьшилось – на 929 тысяч, или на 9,1%. Годовые отчеты колхозов объяснения этому не дают.

Но здесь, несомненно, сказались две группы обстоятельств. В первые военные годы относительная стабильность женского населения, даже при условии мобилизаций в промышленность, поддерживалась внутренними миграционными процессами и частично пополнением по эвакуации, в основном женским. Но доля эвакуированных в колхозах была невелика. Если судить по количеству выработанных ими трудодней, то в Западной Сибири, например, в 1942 г. они составляли примерно 1,5% местного населения. В восточноевропейской части страны эта доля была несколько выше, а в Восточную Сибирь и на Дальний Восток эвакуации вообще не было. Кроме того, в 1943-1944 гг. начался обратный отлив по реэвакуации. Возросла и убыль женщин по трудовым мобилизациям – к тому времени мужские трудовые ресурсы деревни оказались почти полностью исчерпанными.

Единственной группой колхозного населения, которая даже несколько возросла, стали нетрудоспособные – дети до 12 лет, старики (мужчины и женщины соответственно старше 60 и 55), инвалиды и больные. Естественное сокращение рождаемости восполнялось и перекрывалось столь же понятным ростом числа больных и инвалидов. Хотя в абсолютном выражении это превышение внешне оказалось незначительным (60 тыс.), при обвальной убыли трудоспособного населения оно дало

относительно заметное увеличение этой группы населения среди остальных – с 44% в 1940 г. до 55% в 1944 г. Наличие подростков к 1945 г. также сократилось на 294,3 тысяч (на 7,7%), тогда как удельный подростковый вес в общем колхозном населении в связи с резким уменьшением трудоспособных мужчин возрос с 15,7% до 20,3%.

Обратим внимание на заметное увеличение числа трудоспособных мужчин в 1944 г. и особенно в 1945 г. Уже к концу 1944 г. оно составило 428,9 тысяч, а в 1945 г. достигло 2 миллионов. Эта тенденция, связанная с демобилизацией, отразилась на составе колхозных кадров. Если прежде шел неуклонный, быстрый и повсеместный рост на руководящей работе числа женщин, то в 1945 г. наблюдалось обратное. Среди председателей колхозов их доля с 1940 по 1944 гг. возросла с 2,6% до 11,8%, а в 1945 г. снизилась до 8,1%; среди бригадиров после увеличения с 4,6% до 41,2% она упала до 27,3%; среди заведующих животноводческими фермами после прироста с 16,1% до 49,2% также сократилась до 37,4%.

Тяжелые по своим последствиям изменения произошли на освобожденной от оккупации территории. В первую очередь, они были связаны с фашистской политикой массового геноцида советских людей. В восьми союзных республиках гитлеровцы убили и замучили 6 миллионов 844 тысячи гражданского населения, 4,2 миллиона человек угнали в Германию. Большую часть среди них составляли сельские жители. Общая численность одного колхозного населения сократилась на 31,6% при 28,8% по тыловым районам – причем в основном безвозвратно. Еще более значительными были потери по группе мужчин: если по тылу их уменьшение составило 68%, то в освобожденных районах почти 80%. Главная причина – зверские условия оккупационного режима и

проводимые насильственные депортации из числа мужчин и подростков мужского пола. В западных областях заметно ниже стала и доля общего трудоспособного населения в общей численности оставшихся к концу войны крестьян.

Это повлекло существенные изменения в соотношении его численности по сравнению с городским. Накануне войны сельские жители, как известно, составляли 67% населения СССР. Если исходить из этой доли, то прямые выходцы из села насчитывали до 70% состава армии, а с учетом очень малой доли их бронирования – и того больше. На социальной структуре отразились также широкие мобилизации крестьян на работу в промышленность. Колхозная статистика не содержит соответствующих дифференцированных данных, приводя лишь общее число выбывших трудоспособных колхозников, которое на начало 1945 г. составило более 13,5 миллионов. Но в то же время известно, что за 1942-1944 гг. из колхозной деревни на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт выбыло около 1,4 миллиона человек.

Таковы реальные масштабы социального перемещения в военные годы. Если же к ним прибавить ориентировочные данные за вторую половину 1941 г. и за последние месяцы войны, то в итоге общее число выбывших из села только на постоянную работу в названные отрасли составит не менее 1,8 миллиона человек. Кроме того, и опять же не далее как к началу 1945 г., в систему городских трудовых резервов из одних колхозов поступило свыше 700 тысяч подростков. Но и без этого общее количество перемещенного только на мобилизационных началах, и не считая иного сельского населения из колхозов, за все время войны составило более 2,5 миллионов человек. Намного вырос и удельный вес сезонных рабочих за счет крестьян.

Изменилось и общее соотношение городского и сельского населения. Если к сентябрю 1942 г. численность рабочих и служащих одних восточных районов страны по сравнению с 1940 г. увеличилась на 1 миллион 69 тысяч человек, а в 1943 г. в среднем она превысила уровень 1940 г. на 20%, то численность трудоспособного населения колхозов к концу 1943 г. здесь, наоборот, сократилась на 20%. Тем самым встречный суммарный разрыв достиг 40%. Наибольший прирост численности рабочих и служащих дали Урал (36%) и Западная Сибирь (23%) при одновременном соответствующем уменьшении трудоспособного колхозного населения на 36% и 39%. При этом пополнение рабочего класса Урала, как главного арсенала фронта, происходило и за счет крестьянства других районов страны, в том числе Сибири, Казахстана, Средней Азии, Поволжья. В 1940-1945 гг. только школы и училища трудовых резервов арсенального региона приняли 300,7 тысячи человек молодежи, в том числе 247,4 тысячи сельской, а также 107,1 тысячу из 13 других областей и республик страны.

Однако, в ряде областей европейского Севера, Северо-Запада и Центра произошло заметное сокращение численности рабочих. В связи с близостью фронта здесь не форсировалось строительство промышленных объектов, а часть их была эвакуирована. Эти районы в основном характеризовало межобластное перераспределение рабочей силы, в том числе сельской. Призывы крестьянского населения в промышленность восточных районов хотя и отвлекали значительную часть людских ресурсов местных колхозов, но не в такой мере, как в колхозах Урала, Сибири, Поволжья. Если в целом по тыловым районам к концу 1943 г. численность трудоспособных колхозников сократилась на 34,4%, а в Западной Сибири на 39%, то в Ивановской области – на 27,6%, в Московской – на 25,7%.

Последнее оказалось соотносимо и с некоторыми районами Закавказья, где наблюдался даже некоторый резерв рабочей силы. И, напротив, в 1944-1945 гг. в ряде восточных областей (Урал, Западная Сибирь, Северный Казахстан) вынуждены были пойти на запрещение всякой дальнейшей мобилизации трудовых ресурсов деревни из-за их предельного дефицита.

Разительные отличия в динамике и источниках восполнения городского и сельского населения произошли в освобожденных от оккупации областях. В этих районах РСФСР оставалось всего лишь 13% промышленных предприятий от их довоенного числа и 17% промышленных рабочих, на Украине соответственно 19% и 17%, в Белоруссии – 15% и 6%. Но уже в 1945 г. в результате беспримерных восстановительных работ общая численность рабочих и служащих в промышленности освобожденных областей составила 488% исходного после оккупации уровня. На Украине к тому времени общее число рабочих и служащих достигло 70% довоенного уровня, в Белоруссии – 55%. В областях Центра РСФСР, находившихся в зоне военных действий, оно поднялось даже до 82% к уровню 1940 г.

Если в восточных областях в последние годы войны возможности пополнения рабочего класса за счет крестьянства практически были далеко переисчерпаны, то в освобожденных районах сельское население вновь стало представлять один из главных источников его восстановления. В результате такого регионального смещения доля мобилизованного сельского населения на постоянную и сезонную работу в промышленность в целом по стране не только не сократилась, а даже резко возросла – с 22,9% в 1942 г. до 61,7% в 1944 г. Столь интенсивное переключение сельского населения освобожденных районов на работу в промышленность на первый взгляд

может показаться даже аномальным на фоне тех людских потерь, о которых говорилось выше.

Но при всем том следует иметь ввиду ту дисперсность (рассеянность) в здешней сельской местности в целях укрытия от оккупантов не только собственно деревенских, а и городских жителей, которая выполняла своеобразную аккумулятивную роль. К тому же, следует учитывать одновременное возвращение в разные места эвакуированных колхозников, выборочную демобилизацию из рядов армии, а затем и первых репатриантов. Отсюда – и то быстрое нивелирование как в численности городского, так и сельского населения в восточных тыловых и в западных освобожденных регионах. Уже в начале 1945 г. в первых насчитывалось 62,8% трудоспособных колхозников от предвоенного уровня, а во вторых – 61,1%.

В целом же по стране восстановительные тенденции в численности крестьянства действовали значительно медленнее, чем в численности рабочего класса.

В 1945 г. численность рабочих и служащих достигла уровня 1937 г. и 84,4% предвоенного 1940 г. Война несколько замедлила закономерный процесс урбанизации, но не остановила его. В среднем за каждый военный год доля крестьян среди занятого населения уменьшалась на 1,1% при 1,6% за один предвоенный год и 1,4% за год послевоенного пятилетия.

При этом мобилизации в армию в условиях большей устойчивости городского населения (бронирование рабочих оборонных предприятий и транспорта, переключение части крестьян в промышленность и т. п.) также представляли собой некую аккумуляцию сельской рабочей силы, которая, как показали послевоенные годы, в значительной мере не вернулась в деревню. Из тех же данных видно: если за 1940-1945 гг. из колхозов выбыло

11,5 миллионов трудоспособных колхозников (на начало 1945 г. еще больше – 13,5 миллионов), то их число, с учетом миграции, к концу 1950 г. пополнилось лишь на 2,3 миллиона. Это при том, что в целом в результате демобилизации к мирному труду возвратилось около 8,5 миллионов работников.

Приостановилось и дальнейшее разделение труда в сельском хозяйстве – сказалось понижение уровня производительных сил деревни. По переписи 1939 г., 82,5% всех работников сельского хозяйства были заняты ручным или конно-ручным трудом, не требующим особой квалификации. В военное время село в общей сложности лишилось 54% своих механико-энергетических мощностей, свыше 60% рабочих лошадей. Практически все крестьянство оказалось занятым физическим трудом. Даже управленцы наряду с выполнением прямых обязанностей участвовали в полевых и иных работах. Поэтому разделение трудовых операций больше зависело от времени года, основных сельскохозяйственных кампаний и постоянных изменений в трудовых ресурсах.

Сохранилось профессиональное разделение на растениеводов и животноводов с их известными внутренними подгруппами. При этом животноводческие кадры, которые и прежде преимущественно формировались из числа женщин, подверглись меньшим изменениям и потому оставались более квалифицированными. Напротив, большинство ушедших на фронт мужчин ранее были заняты в полеводстве. Это вызывало постоянные перемещения рабочей силы и необходимость массового овладения навыками мужского труда со стороны женщин, подростков. К полеводству обычно стали подключаться и животноводы, особенно к работам на полях при фермах. Была развернута широкая подготовка массовых сельскохозяйственных кадров.

Только с июня 1941 по декабрь 1943 г. различное курсовое обучение прошли 2 миллиона 610 тысяч колхозников, миллионы крестьян обретали профессиональные и агрономические навыки в ходе индивидуального обучения.

Неожиданные изменения претерпела такая социально-профессиональная группа крестьянства, как механизаторы. На фронт выбыло до 90% трактористов и комбайнеров. Для их замены только в первые полтора года войны вновь было подготовлено около 800 тысяч человек, в том числе две трети из числа женщин. А всего за время войны в ряды механизаторов влилось свыше 2 миллионов новых работников, из них около 1,5 миллионов женщин. Краткосрочное обучение влекло за собой снижение уровня их подготовки. Сократилась и общая численность трактористов и комбайнеров. Если в 1940 г. в сельском хозяйстве насчитывалось 1 миллион 237 тысяч механизаторов, то к июлю 1943 г. осталось только 391 тысяча. Но затем даже при постоянной убыли на фронт их число стало быстро расти и к лету 1944 г. достигло 710 тысяч, а к концу войны – 787 тысяч. С начала 1945 г. к механизаторскому труду все больше стало возвращаться мужчин, и уже в первом послевоенном году среди колхозных трактористов и комбайнеров женщин оставалось 17,4% против 72% в 1943 г., а еще через два года их имелось только 5%, или столько же, сколько перед войной.

Необратимо на ряд лет сократилась численность специалистов сельского хозяйства, острый недостаток которых испытывался еще до войны. Общее количество специалистов с высшим образованием, занятых в земельных органах, уменьшилось с 58,5 тысяч на начало 1941 г. до 25,2 тысяч к февралю 1942 г., или более чем вдвое. Большие сокращения произошли и среди кадров

среднего звена. Общее число всех агрономов с 1940 по 1945 гг. уменьшилось с 34,5 тысяч до 21,1 тысячи. Вдвое сократилась подготовка кадров для сельского хозяйства в специальных учебных заведениях.

Небывалое уменьшение трудоспособного населения, прежде всего мужского, привело к соответствующему уменьшению общей численности жителей деревни, к почти необратимым сдвигам в их половозрастной структуре и профессиональной занятости. Ощутимо снизилась и плотность сельского населения тыловых районов. Это особенно сказывалось зимой, когда из деревни отбывали сезонные работники из числа городских жителей, уходили временно в промышленность и на лесозаготовки многие местные трудоспособные колхозники, возвращались на постоянное жительство горожане, пенсионеры и школьники, которые в летнее время держались поближе к крестьянскому огороду.

Устойчивей оказалась численность колхозных дворов (семей и одиночек). К началу 1945 г., по данным годовых отчетов колхозов, в стране насчитывалось 17 миллионов 975 тысяч колхозных дворов против 18 миллионов 592 тысяч на 1 января 1941 г. Если население колхозов, как видно из приводимых выше сведений, уменьшилось за то время почти на 18%, то число дворов колхозников только на 3,3%. Важно заметить и то, что сокращение крестьянских дворов в ряде республик и областей наметилось еще накануне войны и потому чаще не было ее следствием. Если на 1 января 1939 г. колхозы РСФСР достигли самого высокого своего уровня по количеству хозяйств, то к январю 1941 г. их число сократилось здесь с 11 миллионов 206 тысяч до 11 миллионов 2 тысяч. В Белорусской, Армянской и Узбекской ССР уменьшение численности дворов началось с 1940 г.

Война не внесла радикальных корректив в эту тенденцию, хотя, конечно, прилив крестьян в промышленность заметно сказывался на темпах уменьшения количества колхозных дворов. Больше это коснулось восточных районов страны. По союзным республикам самый высокий процент сокращения наблюдался в Узбекской ССР (24,8%), Туркменской ССР (18,7%), Таджикской ССР (14,7%), в восточных регионах РСФСР – в Читинской (20,2%), Курганской (14,2%), Томской (9%), Пермской (8,6%), Новосибирской (7,6%) областях, в Бурятской АССР (6,9%), Алтайском крае (6%).

Особенности проявились и в некотором увеличении численности дворов в прифронтовых и в части освобожденных от оккупации районов. На 5% увеличилось число хозяйств в Ивановской области, на 4,1% - в Мордовской АССР, на 3% - в Воронежской области, на 1,3% - в Архангельской и на 1,7% - в Кировской. Это объяснялось эвакуацией части колхозов и колхозников из полосы военных действий и наоборот – последующей реэвакуацией. По освобожденным районам Украины, в Белоруссии численность колхозных дворов увеличилась соответственно на 5,8% и 1,2%: в УССР – с 3 миллионов 882 тысячи до 4 миллионов 107 тысяч, в БССР – с 738,9 тысячи до 747,5 тысячи. В «Своде отчетов колхозов страны» за 1941-1945 гг. в этом видят «результат раздела хозяйств в период немецкой оккупации». Вычленение части дворов в отдельные хозяйства даже с минимальным земельным участком, когда урожай с колхозных полей полностью забирали оккупанты, имело вполне реальный смысл.

Устойчивой оказалась средняя численность крестьянских дворов, приходившаяся на один колхоз. К концу войны, когда на освобожденной территории были вновь восстановлены сельхозартели, а в отдельных

случаях, в том числе в тыловых районах, пришлось объединить мелкие хозяйства, в среднем по стране на один колхоз стало приходиться 80 дворов вместо 75 на начало 1941 г. При этом увеличение размеров колхозов в основном произошло за счет РСФСР, Украины и Казахстана. В республиках Закавказья и Средней Азии, наоборот, средние размеры колхозов несколько уменьшились.

Сохранение крестьянских дворов при уменьшении общей численности колхозного населения обуславливалась и следующим. При необычайном дефиците продовольствия и столь же возросшей роли приусадебного участка даже самые престарелые колхозники, лишившиеся трудоспособных членов семьи, старались непременно удержать за собой усадьбу и дом в деревне. При этом и колхозное право, и военное законодательство были на их стороне. Всячески поддерживал такие хозяйства и весь артельный мир. Случаи продажи сельских домов, в отличие от довоенных лет, стали крайне редкими. Да и сама значимость родительского дома как особой психологической ценности крестьянина вновь обретала неповторимый смысл.

Но численность крестьянской семьи, приходившаяся в среднем на один колхозный двор, заметно снизилась. Из приведенных выше данных о количестве различных групп сельского населения и крестьянских хозяйств следует, что к концу войны на один колхозный двор приходилось 3,5 человека вместо 4,1 накануне войны. Число трудоспособных за то же время уменьшилось с 1,9 до 1,2 человека, а трудоспособных мужчин – с 0,9 до 0,24 человека. Иными словами: если до войны почти в каждом колхозном дворе имелись трудоспособные мужчина и женщина, то в начале 1945 г.

один трудоспособный мужчина приходился на четыре колхозных двора.

Сокращение крестьянского населения при относительной устойчивости колхозных дворов не следует рассматривать как типичное обезлюдение деревни. Наше село и ставшие малочисленными по составу крестьянские семьи во время войны продолжали активно жить и, как никогда, доблестно трудиться. Устойчивой оставалась и общая численность колхозных семей. К тому же, в летнее время крестьянский дом обычно и заметно пополнялся горожанами – незанятыми в промышленности родственниками, детьми горожан, учащимися, которые помогали колхозникам, разными постояльцами.

И в этом случае основной причиной была война с ее огромными разрушительными последствиями, вторгшимися во все стороны материальной и духовной жизни. Она не прервала, хотя и надломила объективный процесс урбанизации. Более того, создала во многом форсированные предпосылки для его даже несоразмерного усиления в годы восстановления народного хозяйства. Изменения в численности и составе крестьянства, продолжавшиеся и даже разразившиеся после войны, были также связаны с этим процессом, но еще больше – с нелучшими послевоенными обстоятельствами.

В.В. Жарков

Проблемы строительства политорганов в 30-е годы XX века и их влияние на начальный период Великой Отечественной войны

Накануне 60-летия Победы в Великой Отечественной войне очень интересны проблемы военного строительства в СССР в 30-х годах. И это не случайно, ведь именно в этот период была окончательно создана

отечественная военная организация. В то время партийно-политическая работа являлась составной частью руководства Вооруженными Силами со стороны ВКП(б). Непосредственная организация этой деятельности в армии возлагалась на политорганы.

Нарастание угрозы военного нападения на Советский Союз вынудило военно-политическое руководство страны прибегнуть к увеличению Вооруженных Сил. Только за четыре года, начиная с 1937 г., численность армии возросла почти в три раза и составила более 5 миллионов человек. Наконец пришлось отказаться от территориально-милиционной системы комплектования Вооруженных Сил и целиком перейти на кадровую основу.

Увеличение численности армии привело к нехватке политработников, ослабило политработу, особенно среди рядового и младшего командного состава, вынудило руководство страны предпринимать новые организационные преобразования в целях преодоления угрозы, ослабления руководства Вооруженными Силами, снижения влияния партии в них. К тому же, в связи с быстрым развертыванием Вооруженных Сил, репрессиями в армии большое число молодых командиров, часто не имевших достаточного опыта руководства войсками, выдвигались на более высокие должности. Многие из них были беспартийными.

Одним из серьезнейших факторов, приведших к снижению боевой готовности и большой нехватке, как командного, так и политического состава, стали репрессии, резко усилившиеся в 1934 г. после убийства С.М.Кирова.

К 1937 г. репрессии, особенно против партийных и политических работников, приняли массовый характер. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. И.В.Сталин, чтобы оправдать незаконные действия,

навязал установку, что необходимо разоблачить политических «двурушников» и «врагов народа», указал на то, что допущено опоздание на несколько лет в их уничтожении. Нарком внутренних дел В.Д. Ежов отметил, что по намерению врага «свержение сталинского режима... может произойти в результате дворцового или военного переворота, могущего совершенным одним из красных генералов» [1].

14 июня 1937 г. был опубликован обращенный ко всему личному составу Красной Армии приказ наркома обороны СССР № 96 от 12 июня 1937 г., в котором указывалось, что с 1 по 4 июня 1937 г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при наркомате обороны СССР. На заседании был заслушан доклад К.Е. Ворошилова о якобы раскрытой наркоматом внутренних дел СССР «предательской контрреволюционной военной фашистской организации», которая будто бы, являлась «строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии» [2].

Создание атмосферы «классовой» нетерпимости и всеобщей подозрительности предшествовало развертыванию репрессий против командного и политического состава РККА. В этой ситуации основное предназначение политработников стало сводиться к тотальному контролю над политической деятельностью, а уже потом - к воспитанию.

28 ноября 1938 г. выступая на заседании Военного совета, К.Е. Ворошилов сообщил: «Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА. Я не стану здесь опубликовывать подробные числа. Они довольно внушительны. Чистка была проведена радикальная и

всесторонняя... Достаточно сказать, что за все время мы вычистили более четырех десятков тысяч человек» [3].

Выступая на XVIII съезде ВКП(б), начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис по вопросу о «военном заговоре», заявил: «Ничто не должно ускользнуть от зоркого, большевистского глаза комиссаров. Они должны знать все, что делается в каждом уголке Красной Армии, быть верным проводником генеральной линии Сталинского Центрального Комитета и вместе с парторганизациями в корне пресекать возможную измену, оберегать нашу любимую армию от шпионов, следить, чтобы ни один враг не пробрался в наши ряды» [4].

Естественно, что политорганы так же подверглись чистке. Были уничтожены все первые армейские комиссары, не выдержав ожидания ареста, покончил с собой начальник ПУРККА Я.Б. Гамарник. За один только год (1937г.) из армии были уволены 1469 политработников, в том числе по политическим мотивам – 1045 человек; из них членов военных советов, начальников политуправлений военных округов и их заместителей – 18, военкомов корпусов – 16, военкомов дивизий – 57, военкомов училищ и морских соединений – 33 человека. К началу 1938 г. некомплект политработников составил 27 % общей их потребности (10341 человек), а некомплект высшего политсостава составлял 938 человек [5].

Уничтожение военной элиты перед войной оценивалось К.Е.Ворошиловым, его сподвижниками, как фактор значительного усиления РККА. Выступая 4 июня 1937 г. на совещании командно начальствующего состава, посвященном «военному заговору», нарком обороны заявил: «... мы смело можем сказать сегодня народу, очищаясь от всякой мерзости, от всяких подлецов, шпионов мы поведем армию к победе... противник не

посмеет шевельнуть своими войсками..., противник испугается, после потери своей агентуры..., противник будет больше бояться нашей армии» [6].

Выступая на Военном совете наркомата обороны СССР по итогам боевой и политической подготовки за 1938 г., начальник Политического управления Л.З. Мехлис говорил: «К началу 1938 г. по РККА был некомплект в политсоставе около 12000 человек. За 9 месяцев 1938 г. уволено 2340 человек, но это количество увеличивается в связи с открытием 16 окружных политучилищ, куда будут посланы 12000 грамотных политруков с образованием 6 - 7 классов» [7].

Все это привело к падению авторитета командиров и начальников, это признавал пришедший на смену Я.Б.Гамарнику начальник ПУРККА армейский комиссар I ранга П.А. Смирнов и сам И.В. Сталин. На совещании политсостава в августе 1937 г., отвечая на вопрос о том, как реагировала Красная Армия на раскрытие шпионских банд, П.А. Смирнов ответил, что на общем фоне положительных настроений «есть очень много отрицательных и прямо контрреволюционных высказываний. Эти настроения идут главным образом по линии разговоров о подрыве авторитета руководителей партии и правительства, о подрыве авторитета командирского состава. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей...» [8].

В 1937 г. удельный вес молодых командных кадров в частях и соединениях составлял: в стрелковых – 60%, в танковых – 45%, в авиационных – 25%, а в отдельных звеньях командного состава это обновление было еще большим [9].

Рассматривая вопрос о численном составе Красной Армии, следует отметить, что в период с 1937 г. по 1940 г.

ее штатная численность постоянно увеличивалась. Увеличение штатов поставило перед военным руководством задачу по их укомплектованию. Выступая на заседании Главного военного совета 27 июля 1939 г. по вопросу об укомплектованности развертываемых частей и соединений, начальник управления по начальствующему составу РККА Е.А. Щаденко указывал, что общая потребность развертываемых дивизий, управлений корпусов и авиаполков составляет 289061 человек. Из них командного, политического и начальствующего состава – 73811 человек; младшего командного – 67000; рядового состава – 148250.

Количество командного состава увеличивалось, а качество его подготовки оставалось невысоким. На 1 января 1941 г. списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота составляла 579581 человек, из которых 7,1% имели высшее, 55,9% - среднее, 24,6% - ускоренное военное образование и 12,4% вообще не имели военного образования [10].

Отсутствие плановой подготовки кадров политических работников, а также необоснованные репрессии привели к тому, что к началу 1938 г. в Вооруженных Силах не хватало более 10,5 тысяч человек, что составляло почти 30% их штатной численности. Некомплект политических работников старшего звена составлял около 50% от штата, а высшего - более 50%. Одновременно с 1934 г. по 1939 г. снизился удельный вес политработников с высшим и средним военно-политическим образованием в два раза.

В середине 1940 г. в Красной Армии имелось более 70 тысяч политработников – почти в три раза больше, чем в 1937 г. Всего за два года, в основном в 1938 – 1939 гг., было назначено более 41 тысячи политработников. Однако, несмотря на принятые меры, полностью устранить

некомплект политсостава в армии не удалось. Серьезнейшей проблемой оставалась квалификация политработников, большинство из которых за год по несколько раз выдвигались на все более ответственные должности, не имея достаточного опыта работы.

В мае 1940 г. в акте о приеме наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова были отмечены такие существенные недостатки в деятельности центральных органов военного управления, как отсутствие мобилизационного и оперативного планов, плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени, данных о состоянии прикрытия границ, и указывалось на плохое ведение учета личного состава и др. Для устранения выявленных недостатков были намечены соответствующие меры, но за год, оставшийся до начала Великой Отечественной Войны, претворить их в жизнь не удалось.

Примечания

1. Вопросы истории. 1992. №4-5.
2. Красная звезда. 1937. 14 июня.
3. РГВА. Ф. 1. Оп. 18. Д. 47. Л. 97-98.
4. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 274.
5. Комал Ф.Б. Военные кадры накануне войны// Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 23.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 61. Л. 182.
7. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 2-3.
8. Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 23-24.
9. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 гг. Воениздат. 1961. Т. 1. С. 100.
10. Комал Ф.Б. Указ. соч. С. 28.

В.Н. Гурьянчик

Советский Союз и Германия: подготовка и осуществление пропагандистских операций

Советская пропаганда в 1939-1941 годах была направлена на обеспечение внешнеполитического курса военно-политического руководства страны по расширению «фронта социализма» на максимально возможную глубину. Тем более, что, по мнению советского руководства, обстановка этому благоприятствовала – Вторая мировая война, разразившаяся в Европе, советско-германские соглашения позволили не только избежать участия в войне, но и присоединить к СССР новые территории в Восточной Европе.

Подготовка и осуществление интернациональных задач Красной Армии требовали организовывать и проводить определенную работу среди населения и войск противника. В проекте директивы № 0205 от 29 июля 1939 года начальник Политуправления Красной Армии Л.З. Мехлис отмечал: «Идеологическая война с противником является составной частью работы политорганов Красной Армии и должна будет сыграть огромную роль в деле разложения войск и тыла противника» [1].

К концу 1930-х годов был накоплен определенный опыт работы в этой области. Прежде всего, следует отметить производство и распространение разнообразных печатных материалов – листовок, брошюр и пр. Для этих целей использовались различные средства доставки: агитснаряды, самолеты и шары-зонды. На Халхин-Голе был получен первый опыт применения звуковещательной станции. Техника прибыла на территорию МНР в конце июля 1939 года. Для ее обслуживания организовался звуковещательный отряд. Станция базировалась на 4-х

автомобилях (три ЗиС-6 и один ЗиС-5), имела две мощные группы громкоговорителей, аппаратную студию, электростанцию и пр. Эта аппаратура позволяла транслировать передачи на дальность до 10 км. Отряд начал свою работу в ночь с 19 на 20 августа, причем передачи велись только ночью. Содержание передач было следующим: «Интернационал», обращение к японским солдатам, марши, героические красноармейские песни*. Передачи на японском языке были хорошо слышны противником, о чем свидетельствовали показания пленных. В то же время выступления перед микрофоном пленных или трансляция записи их речи не использовались.

Большое внимание работе среди войск и населения уделялось в процессе ввода войск в Западные Украину и Белоруссию. Только за первые два дня «освободительного похода» в действующие части Украинского фронта были направлены и разбросаны самолетами над Львовом 40 тысяч листовок на польском языке с обращением к польским солдатам; 10 тысяч листовок с обращением к населению Западной Украины на украинском языке; 10 тысяч листовок с речью Молотова на польском языке; 22 тысяча экземпляров газет «Червона Украина» и 40 тысяч различных брошюр [2].

В начале советско-финляндской войны в действующую армию была направлена директива Политуправления РККА № 0340, в которой предписывалось «ежедневно доносить в ПУРККА... 1. Какая проводится агитационная работа среди личного состава армии и среди войск противника. 2. Какие

* Всего за время боев было передано 68 обращений к японским солдатам, передано 14 концертов героической красноармейской песни, передавались также сообщения командования.

технические средства агитации применяете среди войск противника. 3. Факты разложения войск противника. 4. Что известно о формах идеологической обработки солдат в белофинской армии. 5. Отношение финского населения к Красной Армии. 6. Поведение пленных солдат и офицеров белофинской армии и их оценка событий...» [3]. Основная работа по разложению войск противника была направлена на «воспитание интернациональных чувств у солдат финской армии с целью освобождения их сознания от буржуазно-националистического патриотизма и разоблачения провокационного характера войны, начатой англо-французскими лакеями – Рюти-Таннером» [4].

На совещании комиссии по партийно-политической работе, посвященном сбору опыта боевых действий против Финляндии, отмечалось, что «хорошо развернутая идеологическая война с противником понижает боеспособность его войск». При этом признавалось, что «печать, издаваемая на языке противника, газеты и листовки, обращенные к солдатам и населению, являются главной и самой распространенной формой нашей политической пропаганды и агитации в армии и тылу противника». На совещании были сделаны необходимые выводы о том, чтобы «создать в политических управлениях всех пограничных округов и армий отделения по работе среди войск и населения противника» [5].

В июле 1940 года приказом наркома обороны при управлениях политической пропаганды приграничных округов были созданы отделы, а при управлениях политической пропаганды армий отделения политической пропаганды среди войск и населения противника (7-й отдел).

12 октября 1940 года начальник ГУШКА армейский комиссар 2-го ранга А.И. Запорожец подписал директиву № 0267, в которой отмечались итоги этой

работы в прошлых боях и ставились новые задачи. В директиве предлагалось: «В мирное время отделы (и отделения) должны: а) систематически изучать сопредельные округу страны и их армии, ...накапливать фактический материал по этим вопросам; б) ежемесячно составлять обзоры о политико-моральном состоянии солдат и младших офицеров вероятного противника, а также гражданского населения... в) разрабатывать проекты агитационного материала для солдат и населения вероятного противника (листовки, лозунги, плакаты, открытки); г) выпускать учебные листки и газеты... Во время войны отделы (отделения) должны будут развернуть широкую политическую пропаганду среди войск и населения противника» [6].

Однако на местах вышеупомянутые отделы и отделения сталкивались с большими трудностями. В частности, начальник 7-го отдела УПП ЛВО докладывал, что «наличные шрифты английской редакции не соответствуют требованиям, предъявляемым к газете, издаваемой на английском языке», «имеющиеся в распоряжении редакции на шведском языке шрифты... по напечатанию букв не соответствуют шведским шрифтам» [7]. Отделение политической пропаганды среди войск и населения противника 8-й армии столкнулось с тем, что «оно почти не имеет никаких данных, характеризующих состояние германской армии... Те источники, которыми отделение располагает для дальнейшего изучения Германии, не обеспечивают выполнение этой задачи» [8].

И все же позитивные сдвиги в работе были. Так, например, в январе 1941 года Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной Армии выпустил ряд изданий, среди которых были: «Германо-польская война» (сборник иностранных статей) в 2-х частях, «Война на Западе» (сборник иностранных статей) и др. При этом,

правда, предупреждалось, что «многие статьи носят агитационный характер и не соответствуют действительности. Поэтому при пользовании ими подойти к ним критически» [9].

В учебных планах политических занятий с красноармейцами и младшими командирами было отведено 10 часов на изучение сопредельной с округом страны. Должны были рассматриваться государственный строй, политические партии, географическое положение, вооруженные силы и мобилизационные возможности [10].

К сожалению, правильное направление в организации работы отделов по работе среди войск и населения противника сводилось на нет идеологическими установками. В материалах этих отделов западных округов отмечалось низкое моральное состояние населения и войск Румынии, Болгарии и даже Германии. Например, в обзоре 7-го отдела ОдВО констатировалось: «В румынской армии наблюдаются случаи массового дезертирства. Несмотря на жесткую дисциплину, дезертирство растет, и разложение румынской армии продолжается» [11]. 13 мая 1941 года сотрудники отдела ГУППКА выступили с докладом «Заметки о положении рабочего класса в Германии», в котором говорилось: «Тяжелое материальное и, главным образом, продовольственное положение естественно вызывают у рабочих нетерпеливое желание окончания войны. Среди населения только можно слышать – поскорей бы кончилась война и тогда будет лучше. Эти настроения к концу 1940 года видимо приняли угрожающие размеры, массы, очевидно, потеряли надежды на быстрое окончание войны и быстрое улучшение их положения. Таким образом, выступления Гитлера... свидетельствуют о том, что необходимо, прежде всего, поднять моральное состояние широких слоев населения» [12].

В Германии, напротив, активно готовились к информационно-психологической войне. Материалы исследований и прогнозов психологической группы использовались при планировании боевых операций. Так, разрабатывая стратегическую операцию по захвату Франции, германский генеральный штаб учел стереотипность мышления французского командования, использование им старых шаблонов для анализа и прогнозирования боевых действий. Это позволило правильно определить направление главного удара, осуществить стратегическую дезинформацию противника, выбрать наиболее подходящее время для агрессии и в конечном итоге в сравнительно короткие сроки сломить сопротивление французских войск. П. Лайнбарджер писал: «Казалось, будто нацисты нашли какую-то научную формулу для определения момента капитуляции того или иного государства» [13].

В июне 1941 года были проведены мероприятия по стратегической дезинформации Советского Союза. 13 июня гестапо срочно конфисковало тираж центрального органа национал-социалистской партии «Фолькишер беобахтер». Анализ трех экземпляров газеты, которые «не успели» конфисковать, показал, что в одной из заметок «разглашена военная тайна» — в ней говорилось о скором начале операции «Морской лев» по вторжению в Англию. Одновременно в элитарных кругах общества усиленно стали циркулировать слухи о негодовании фюрера по поводу «утечки информации» и о том, что сам Геббельс впал в немилость вождя. Только после войны выяснилось, что эта ситуация была инспирирована германским руководством [14]. Подобными акциями по дезориентации военно-политического руководства стран-противников предварялись и другие крупные стратегические действия Германии — ремилитаризация Рейнской области, аншлюс

Австрии, захват Голландии, Дании, вторжение во Францию, Югославию, нападение на Польшу и др. Для реализации подобных целей в фашистской Германии было мобилизовано 25 тысяч пропагандистов и 2500 специальных сотрудников, которые действовали в 45 странах. В интересах выработки научно обоснованных рекомендаций для специалистов по психологическим диверсиям активно работала психологическая лаборатория, в которой имелись отделы «психологического вредительства» [15].

Для руководства всей информационно-пропагандистской деятельностью в апреле 1939 года был создан отдел военной пропаганды верховного главнокомандования германской армии, разрабатывавший планы «пропагандистского обеспечения» крупных операций войск. Планы утверждались лично Гитлером. С 1938 года функционировала сеть корпусных (армейских) рот пропаганды, которым было предписано собирать фронтовой материал (корреспонденцию, кинохронику, радиоматериалы) для пропаганды в тылу, помогать организации досуга и развлечений военнослужащих, вести пропаганду среди населения прифронтовой полосы и среди войск противника. Роты подчинялись отделам разведки штабов родов войск, армий и флотов. В батальонах ввели должности офицеров по пропаганде, ведавших вопросами идеологической обработки своих солдат, а также «духовного порабощения» захваченного населения.

В соответствии с планом «Барбаросса» было создано 17 рот пропаганды для проведения стратегической дезинформационной кампании под кодовым названием «Ледокол» по пропагандистско-психологическому обеспечению внезапного вторжения фашистских войск на территорию СССР в июне 1941 года. Роты непосредственно преписывались войскам вторжения на

севере финского фронта, группам армий «Север», «Центр» и «Юг», а также трем воздушным флотам. В 1943 году в связи с усложнением обстановки на восточном фронте число рот пропаганды было увеличено до 50. В ходе сражения за Сталинград немецкое командование предприняло «большой пропагандистский поход» против советских войск. В ходе боев на Курской дуге (1943) гитлеровцы провели крупнейшую за всю войну психологическую операцию «Серебряная полоса», в ходе которой делалась попытка массированного запугивания наших солдат новой немецкой боевой техникой — танками «Тигр», «Пантера» и др. В этих же целях фашисты устраивали помпезные демонстрации военной техники и оружия для руководителей, дипломатов и журналистов разных стран.

Проведение работы по разложению войск и населения противника в Красной Армии, к сожалению, не получило должного внимания со стороны руководителей государства и Вооруженных Сил. Считалось, что «братья по классу» не станут воевать с советским народом. И опять лишь горький опыт советско-финляндской войны заставил создать специальные органы по работе среди войск и населения противника в составе Управлений политической пропаганды.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее - РГВА). Ф. 9. Оп. 40. Д. 62. Л. 17.
2. Там же. Д. 432. Л. 120.
3. Там же. Оп. 40. Д. 63. Л. 333.
4. Там же. Оп. 29. Д. 528. Л. 3.
5. Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2737. Л. 49-50.
6. Там же. Ф. 9. Оп. 40. Д. 71. Л. 1-11.
7. Там же. Оп. 31. Д. 326. Л. 51-52.

8. Там же. Л. 47.
9. Центральный архив Министерства Обороны (далее - ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11309. Д. 16. Л. 77.
10. Там же. Л. 181.
11. Там же. Л. 162.
12. Там же. Л. 112.
13. Лайнбарджер П. Психологическая война: пер. с англ. М.: Воениздат, 1962. С. 69.
14. Лэннинг М.Л. Сто великих полководцев. М: Вече, 1999. С. 370-371.
15. Феденко Н.Ф. Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. М.: ВПА, 1981. С. 11.

С.Н. Картавый

Подготовка командных кадров для польских формирований в военно-учебных заведениях, дислоцировавшихся в годы Великой Отечественной войны на территории Ярославской области

В годы войны благодаря всесторонней помощи СССР были сформированы десятки соединений и частей для Вооруженных Сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы, общая численность которых составила 555 тысяч человек [1].

Для их создания были необходимы тысячи военных специалистов, в том числе командных кадров, подготовка которых также осуществлялась с помощью Советского Союза, в том числе в военно-учебных заведениях, дислоцировавшихся в годы войны на территории Ярославской области.

Так, в октябре 1943 года в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, находившееся в г. Костроме [2],

прибыла группа польских военнослужащих в количестве 110 человек [3] для обучения по специальностям командиров огневых взводов корпусной, дивизионной, полковой и противотанковой артиллерии. Срок их обучения составлял 4 месяца. Из них была сформирована отдельная национальная батарея.

Сразу после того как были решены организационные вопросы, связанные с формированием данной батареи, размещением её личного состава, обеспечением всеми положенными видами довольствия, курсанты приступили к учебе.

Главные усилия в ходе подготовки будущих польских офицеров-артиллеристов были направлены на выработку у них твердых практических навыков в работе на технике, умения обучать и воспитывать подчиненный личный состав. При этом практические занятия по освоению техники, боевые стрельбы проводились в различное время суток, не взирая на суровые зимние условия.

Результаты выпускных экзаменов, проводившихся в начале февраля 1944 года, наглядно продемонстрировали достаточно высокий уровень усвоения курсантами учебной программы. Две трети выпускников получили хорошие и отличные оценки по тактической подготовке [4]. Ещё более высокими были результаты выпускного экзамена по материальной части артиллерии. Сдали его на «отлично» 66 % курсантов-выпускников [5].

Экзаменационная комиссия отмечала, что, несмотря на короткий срок обучения и большой объем программы, курсанты показали твердые знания основных положений боевых уставов Красной Армии. Большинство курсантов показали также хорошие знания тактико-технических данных немецких танков и самоходных орудий, их уязвимых мест, средств и приемов борьбы с ними.

Курсанты твердо усвоили программный материал по материальной части артиллерии, приобрели необходимые навыки в стрельбе из различных типов артиллерийских орудий. В целом же было отмечено, что в результате четырехмесячного обучения курсанты получили необходимые знания и навыки для исполнения должности командира взвода [6].

15 февраля 1944 года состоялся выпуск [7]. Всего было подготовлено: командиров огневых взводов корпусной артиллерии – 20 человек, командиров огневых взводов дивизионной артиллерии – 57 человек, командиров огневых взводов противотанковой артиллерии – 22 человека [8]. Выпускникам были присвоены офицерские звания и они были откомандированы в распоряжение командира 1-го Польского корпуса.

Высшая офицерская школа технических войск Красной Армии, также дислоцировавшаяся в г. Костроме и осуществлявшая в годы войны подготовку офицеров химической службы, произвела 17 июня 1944 года выпуск 20 человек слушателей-поляков. Результаты, показанные ими в ходе обучения, а затем и на выпускных экзаменах были достаточно скромными: 50 % выпускников закончили школу только на «удовлетворительно». Кроме того, двое слушателей не смогли сдать выпускные экзамены и были откомандированы в польские части без присвоения соответствующей квалификации [9].

В середине 1944 года в связи с формированием значительного количества танковых частей в составе 1-й Польской армии в ряде советских военно-учебных заведений проходили подготовку будущие польские офицеры-танкисты. Подготовка польских военнослужащих осуществлялась, в частности, в Пушкинском танковом училище [10], которое дислоцировалось в г. Рыбинске. Она проводилась в соответствии с директивой Генерального

Штаба Красной Армии № орг./3/307723С от 19 апреля 1944 года [11].

Изменения к штатам, направленные в училище в связи с подготовкой в нем курсантов-поляков, предусматривали увеличение численности советских военнослужащих на 16 человек. Из этого количества: 5 человек строевого офицерского состава, 4 офицера-преподавателя: тактики, топографии, а также по одному преподавателю огневой подготовки и технического цикла. Предусматривалось и увеличение количества техники. Училище должно было дополнить по четыре единицы легких танков Т-70, средних - Т-34, а также колесные машины [12].

Прибытие польских военнослужащих в училище осуществлялось не одновременно, а растягивалось по времени. В связи с этим, хотя все курсанты-поляки вошли в состав одного подразделения, приступали они к занятиям в разное время. Так, одна группа польских курсантов в количестве 73 человек начала освоение учебной программы 18 мая, а другая группа в составе 35 человек почти на 2 недели позже, то есть 1 июня 1944 года [13].

Не на высоте было и качество кандидатов отобранных для учебы в училище. Начальник Пушкинского танкового училища, отвечая на запрос заместителя командующего Польской армией в СССР, сообщал, что в училище присланы не только лучшие люди, имеющие необходимый уровень общеобразовательной подготовки, хорошее состояние здоровья и отличную дисциплину, но и такие, которые по перечисленным недостаткам не пригодны для обучения [14]. Программа подготовки будущих офицеров-танкистов включала в себя изучение следующих дисциплин: тактика, военная топография, огневая подготовка, техническая подготовка, военно-инженерное и военно-химическое дело, радиосвязь.

Отдельной дисциплиной проходило вождение танков. Огневая подготовка включала в себя изучение и выполнение стрельб, как из пехотного оружия, так и танкового вооружения [15].

В результате разных сроков прибытия курсантов и начала занятий с ними затягивался и срок обучения в целом. Существенное влияние на его изменение в сторону увеличения оказывали и другие обстоятельства. Они подробно изложены в донесении начальника Пушкинского танкового училища начальнику Управления военно-учебными заведениями бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, датированном 19 июля 1944 года. В нем, в частности, сообщается, что польские военнослужащие, обучающиеся в училище, по причине низкой общеобразовательной подготовки (90% состава имеют 6-7 классов начальной школы), слабого знания русского языка, а также низкой общевойсковой и строевой подготовки за 4 месяца подготовленными офицерами-танкистами выпущены быть не могут. Начальник училища отмечал также, что к концу обучения могут быть подготовлены и выпущены офицерами-танкистами не более 40 % всего состава обучающихся. Из них: 10 человек – командирами танковых взводов и 30 человек – командирами танков. Что касается остального личного состава, то он нуждается в дополнительной программе обучения с минимальным сроком в 2 месяца [16].

Однако вышестоящие инстанции упорно настаивали на соблюдении ранее установленного срока обучения, обращая внимание начальников военно-учебных заведений на то, что удлинение сроков обучения крайне нежелательно [17].

Исходя из этих требований, с отстающими были организованы дополнительные занятия и консультации, которые в целом положительно отразились на общем ходе

подготовки курсантов-поляков. Несмотря на то, что выпуски производились с некоторым опозданием, по мере завершения подготовки курсантов, ее результаты вполне можно охарактеризовать как удовлетворительные. Всего Пушкинским танковым училищем было подготовлено 92 офицера-танкиста для польских частей [18].

Примечания

1. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., Политиздат, 1984. С. 323.
2. До августа 1944 года входила в состав Ярославской области.
3. ЦАМО РФ. Ф. 60167. Оп. 35250. Д. 34. Л. 106.
4. Там же. Л. 1.
5. Там же. Л. 11.
6. Там же. Л. 1-16.
7. Там же. Д. 90. Л. 7.
8. Там же. Д. 1. Л. 7.
9. Там же. Ф. Высшей офицерской школы технических войск Красной Армии. Оп. 36196. Д. 1. Л. 30.
10. Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во второй мировой войне. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1985. С. 345.
11. ЦАМО РФ. Ф. 60123. Оп. 35355. д. 31. Л. 1.
12. Там же. Ф. 60124. Оп. 35356. Д. 27. Л. 3.
13. Там же. Ф. 60123. Оп. 35355. Д. 31. Л. 9.
14. Там же.
15. Там же. Ф. 60124. Оп. 35357. Д. 6. Л. 5, 7.
16. Там же. Л. 12.
17. Там же. Ф. 60123. Оп. 35355. Д. 31. Л. 18.
18. Там же. Л. 28.

А.А. Киселев

**Основные направления развития тактики
общевойскового боя советских Вооруженных Сил
в период Великой Отечественной войны**

Тактический опыт советских Вооруженных Сил (ВС) в Великой Отечественной войне имеет большое практическое и теоретическое значение, которое сохраняется и в XXI веке. Этот опыт в наши дни уже выступает как опыт истории. О нем теперь можно говорить в широком плане, беспристрастно оценивая его достоинства и недостатки, достижения и ошибки. И то и другое представляет сейчас величайшую ценность как результат деятельности целого поколения людей в условиях крупнейшей из всех известных человечеству войн.

Великая Отечественная война Советского Союза была самой тяжелой и жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей страной. В невиданных по масштабу сражениях Советские ВС измотали очень сильную, хорошо подготовленную и технически оснащенную армию врага и после победы в битвах под Сталинградом и Курском стремительно погнали ее со своей земли на запад, перенеся войну на территорию противника. При этом следует отметить, что вся тяжесть борьбы с немецко-фашистскими оккупантами легла на плечи героического народа нашей страны и ее Вооруженных Сил.

60 лет прошло с того светлого дня, когда пришла Победа на нашу родную землю. Но чем дальше в историю уходит знаменательный день Победы советского народа и советских ВС в Великой Отечественной войне, тем больше некоторые политики США и западных стран, в первую очередь Великобритании, стремятся повысить значимость своего вклада в разгром фашизма, принизить роль нашей

страны в деле разгрома фашистских полчищ. Так на Западе начало Великой Отечественной войны Советского Союза трактуется не иначе как «вторжение немецких войск на территорию России». И сегодня кощунственно руководством некоторых прибалтийских стран освобождение советскими войсками их стран от фашизма «оценивается» как «советская оккупация». Однако Великая Отечественная война стала мировым историческим событием, решившим крах фашизма, определившим дальнейшее развитие не только нашей страны, но и многих других государств.

И сегодня, в XXI веке, через 60 лет после Победы советского народа в Великой Отечественной войне безопасность России как никогда зависит от геополитического пространства, в котором она находится. Можно утверждать, что образование новых, самостоятельных государств из бывших союзных республик сделали нашу страну более уязвимой. Это связано с потерей территорий, экономического, демографического потенциала, стратегических объектов и оборонительных линий. С входом в состав НАТО прибалтийских республик и неотразимым рвением Грузии и Украины войти в блок ситуация складывается так, что в скором времени на их территориях могут разместиться иностранные военные базы, в том числе и с ядерным оружием, которому сложно будет противопоставить даже самую современную оборонительную систему. Несмотря на происходящие в мире изменения, при разработке военно-политического курса США исходят из той предпосылки, что Соединенные штаты являются в настоящее время единственной сверхдержавой, призванной играть роль мирового лидера. При этом военная сила признается незаменимым элементом мощи государства, предназначенным для противодействия «потенциальным»

угрозам. «США не будут колебаться, если возникнут угрозы ее свободе» – эти слова американского президента отражают суть современного внешнеполитического курса США.

Гарантом безопасности России были всегда и должны быть сегодня ее ВС. Но мы должны помнить, что «армию уважают и признают только тогда, когда она умеет отстаивать интересы своих граждан и побеждать», - подчеркивает Президент РФ В. Путин. Советские ВС отстаивавшие независимость своей страны от фашизма в годы Великой Отечественной войны доказали, что их можно уважать. Они приобрели большой и разносторонний опыт ведения боевых действий, представляющий огромную ценность и в современных условиях. Не учет этого богатейшего опыта, например, по ведению боя в крупном городе привел к серьезным потерям наших войск в 90-е годы в Грозном. Тем не менее, генерал-полковник Г. Трошев в своей книге «Моя война» о тяжелом времени Чеченской войны пишет так: «...Как ни старались дудаевцы морально сломить наших солдат и офицеров, им это не удалось. Даже в первые дни штурма, когда многих охватил страх и отчаяние от безвыходности ситуации, проявлено не мало примеров мужества, стойкости. Танкист лейтенант В. Григоращенко, распятый на кресте, навсегда останется образцом для нынешних и будущих защитников Родины. Тогда в Грозном дудаевцы искренне восхищались офицером... в одиночку сдерживавшим натиск неприятеля. «Все! Хватит! Молодец! – кричали окруженному и раненому русскому воину. - ...Мы вынесем тебя к твоим!»! Когда те приблизились, офицер подорвал и себя, и боевиков гранатой. Нет, ошибаются те, кто утверждал, что в результате «новогоднего» штурма федеральные войска были разгромлены. Да, мы умылись кровью, но показали,

что и в нынешнее время - время размытых идеалов, в нас жив героический дух наших предков».

Необходимо отметить, что и к началу Великой Отечественной войны со стороны политического руководства было допущено много стратегических просчетов и ошибок. Так, например, большая часть наиболее подготовленного и опытного руководящего состава Красной Армии была репрессирована. Известно, что в докладе отдела иностранных армий Востока немецкого генерального штаба сухопутных войск от 1 января 1941 года дается такая характеристика командного состава Красной Армии: «Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, боязни ответственности и повсеместно ощутимом недостатке организованности». Тем не менее, развитие тактики происходило в борьбе нового, выдвигаемого изменениями обстановки, со старым, отжившим. В связи с этим можно привести высказывание видного советского военного теоретика и военачальника М.Тухачевского, сохранившее свою актуальность и сегодня. В труде «Новые вопросы войны» он писал, что «новые средства борьбы требуют полной и коренной перестройки и методов борьбы, и тот, кто эту перестройку проспит, может и не проснуться». И в годы Великой Отечественной войны нашими войсками разрабатывались и применялись те формы и способы ведения общевойскового боя, которые больше всего соответствовали конкретной обстановке и обеспечивали достижение успеха. Даже наши враги были вынуждены это признать, например, немецкий генерал Гудериан, впоследствии написавший, что как раз в военном отношении русское руководство было хорошим, а тактические достижения были на высоте.

Под тактикой в военной науке понимается часть военного искусства, наука о бое. Критерием тактического мастерства войск является победа в бою. Только в бою можно получить доказательства верности или неправильности теоретических положений военной науки.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил теоретическое положение о том, что выбор направления главного удара является одним из важнейших вопросов не только стратегии и оперативного искусства, но и тактики. Однако в начальном периоде войны проявилось стремление командиров наносить удары в лоб, по наиболее сильным опорным пунктам и узлам обороны противника без достаточного их подавления. Но уже в дальнейшем, начиная с контрнаступления под Курском, обычным делом стало проведение разведки боем. Причем умелый выбор направления главного удара приводил к тому, что разведка боем перерастала в общее наступление, как это было, например, в Мемельской наступательной операции в октябре 1944 года, а также в Висло-Одерской операции в январе 1945 года.

В целом был подтвержден принцип и о том, что оборону противника надо прорывать на слабых участках, после чего быстро выходить главными силами на фланги и в тыл его основных группировок, дробить их, окружать и уничтожать по частям. Именно так стали поступать наши войска при разгроме бандформирований во второй Чеченской войне.

При этом боевые действия начального периода Великой Отечественной войны выявили очень важный недостаток: постановка непосильных задач соединениям, частям и подразделениям, определенных боевыми уставами, разработанными в мирное время, отрицательно влияла на ход боя, приводила к поражению в бою и большим потерям в боевой технике и личном составе.

Возникла необходимость дать войскам какие-то отправные нормы, основанные на боевом опыте. Это и было сделано в Боевом уставе пехоты Красной Армии 1942 года.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил правильность и другого важнейшего положения нашей тактики о необходимости решительного массирования сил и средств на направлении главного удара. К концу войны на направлениях главных ударов превосходство в силах и средствах советских войск над противником достигалось в пять - шесть, а иногда и больше раз. Но такое массирование сил и средств предъявляло высокие требования к управлению войсками. Однако управление войсками в первом периоде Великой Отечественной войны действительно было слабым. Командиры и штабы полков отрывались от своих войск, пункты управления оборудовались плохо, в войсках не хватало радиосредств, а имевшиеся несовершенные и громоздкие радиостанции использовались неумело. Командиры взводов, рот и батальонов с учетом требований боевого устава, разработанного в мирное время, обычно шли в атаку впереди своих подразделений, не видели своих боевых порядков и не могли управлять ими. Это влекло за собой большие потери командного состава и дезорганизацию управления боем. Это потребовало изменения взглядов на организацию управления. Особенно важную роль в этом сыграли ясные и конкретные указания приказа Наркома обороны №306 1942 года о месте командира в бою, о приближении командных и наблюдательных пунктов к войскам, а также указания о снабжении войск необходимым количеством радиосредств, в том числе и портативных.

Маршал Советского Союза А. Алтунин в своих воспоминаниях отмечал: «На четвертом году войны наши командиры принимали решения в несколько раз быстрее,

чем в 1941 году, а их эффективность была во много раз выше». И этот опыт также важен для современности. Так, например, в ходе операции по уничтожению банды Ш. Басаева в боевых действиях по ее блокированию и разгрому в селе Первомайском участвовали войсковые формирования различных военных ведомств: Министерства обороны, Внутренних войск, ФСБ. Однако управление ими было организовано плохо: командовали «все». Как отмечал генерал-полковник Г. Трошев, «шумиха, суета, атмосфера начальственного психоза» - все это явно не содействовало успешной штабной работе. В результате основная часть банды ушла на территорию Чеченской Республики.

Боевые действия в ходе Великой Отечественной войны показали прямую зависимость успешного исхода боя от умелого согласования взаимных усилий всех родов войск. И значение этого положения сегодня особенно велико. Так командир одного из подразделений, действующих в Чеченской республике, с горечью отмечал, что они выбили чеченских бандитов из населенного пункта, не понеся потерь. Но через некоторое время им дали команду оставить село и отойти. А затем, когда бандиты заняли этот населенный пункт и подготовились к отражению атак наших подразделений, последовала команда: «Вперед». И без потерь уже не обошлось. Генерал-полковник Г. Трошев отмечал: «Мы – люди военные и выполняли приказ. Но когда, как говорится, победа была близка, мне не понятно было отдаваемое распоряжение по поводу объявления моратория. Но подобные факты были не единичны, это, кстати, могут подтвердить многие генералы и офицеры, которые тогда командовали группировками Внутренних войск, МВД, ФСБ».

Способы и формы организации и поддержания взаимодействия в бою, выработанные в течение Великой Отечественной войны, не потеряли своего значения и в современных условиях. Потеря управления и отсутствие взаимодействия войск в первой Чеченской войне приводили к тому, что бандиты «наводили» нашу авиацию на наши же войска, происходили боевые взаимостолкновения, когда каждый командир считал, что ведет бой с бандитским формированием.

В период Великой Отечественной войны наши войска успешно решили такую проблему тактики как построение боевых порядков. Недостатки начального периода Великой Отечественной войны и задачи по совершенствованию боевых порядков подразделений были отражены в приказе Наркома обороны №306 1942 года. В то же время боевой опыт показал, что решение вопроса о формах построения боевых порядков в бою никогда не может быть шаблонным. Так, например, зимой 1942 года в течение нескольких суток стрелковая рота не могла взять занятую немцами высоту, неся огромные потери. Командир роты решил провести новую атаку на рассвете. При этом личный состав был переодет в маскхалаты, а взводы расположились цепями на удалении 100-200 метров друг от друга. При этом первый взвод скрытно выдвинулся к первой траншее противника на возможное удаление. Как только сумерки начали рассеиваться, по сигналу командира роты перешел в атаку самый дальний от переднего края противника стрелковый взвод. Немцы открыли по атакующим шквальный огонь. Однако было указание: как только немцы откроют огонь – залегать. Но как только огонь немцев прекратился, в атаку поднялся следующий взвод стрелковой роты, и все повторилось как в первый раз. Но когда поднялся в атаку взвод, находившийся в непосредственной близости от переднего

края противника, немцы поспешно отступили. Умелое построение боевого порядка в сочетании с военной хитростью позволило выполнить роте боевую задачу с минимальными потерями: один раненый.

В ходе Великой Отечественной войны был выработан огромный опыт построения боевых порядков штурмовых батальонов для действий в крупных городах. Невостребованность такого опыта в 90-е годы в Грозном оказалась катастрофичной для наших войск.

Кроме того, Великая Отечественная война показала, что в связи с появлением новых и усовершенствованием старых средств борьбы, а также с усложнением характера боя изменяется количество элементов боевого порядка. Усложнение современного общевойскового боя и рост технического оснащения войск неизбежно ведут к дальнейшему развитию построения боевых порядков. Так, например, по опыту войны в Афганистане в мотострелковых батальонах стали создаваться бронегруппы и огневые засады. Поэтому критическое и внимательное изучение опыта Великой Отечественной войны в этом отношении имеет большое практическое значение.

Большое значение для достижения успеха в бою в годы Великой Отечественной войны стало придаваться поддержанию высоких темпов прорыва тактической зоны обороны. Характерной чертой наступательного боя в конце Великой Отечественной войны в целях быстрого прорыва тактической зоны обороны стало ведение атаки крупными силами ночью. Показательной в этом отношении была Берлинская операция. А в Чеченской войне 90-х годов этот опыт учитывался не всегда. Как отмечал генерал-полковник Г. Трошев, «исходя из благого стремления максимально обезопасить личный состав и сохранить жизни мирного населения командование приняло решение

вести боевые действия до 15-16 часов (пока светло). Однако такая тактика не дала желаемых результатов, наоборот. Замедление темпа продвижения наших войск позволяло противнику наращивать усилия на важных направлениях и наносить удары по расположению наших частей и подразделений». А это приводило к дополнительным потерям и позволяло бандформированиям уходить из под ударов федеральных войск.

В то же время опыт Великой Отечественной войны показал, что если танки далеко отрывались от пехоты, которая не могла продвигаться с такой же скоростью, то они переставали выполнять свое предназначение и несли неоправданные потери. Это доказало необходимость полной моторизации пехоты. Вследствие этого наша пехота в современных условиях стала называться мотострелками, имея на вооружении современную боевую технику: бронетранспортеры и боевые машины пехоты. Кроме того, учитывая серьезные недочеты в боевом применении танков в 1941 году, уже в январе 1942 года войскам были даны указания о запрещении дробить танковые бригады и батальоны на мелкие группы, применять танки распыленно, без тщательной разведки противника и местности, без хорошей организации взаимодействия с пехотой и артиллерией. Однако с началом первой Чеченской войне мы «наступили на те же грабли», что привело к большим потерям наших танков в Грозном.

Тактика оборонительного боя в ходе Великой Отечественной войны развивалась, прежде всего, по пути все большего сосредоточения усилий на вероятных направлениях главных ударов противника, увеличения глубины обороны и увеличения возможностей пехоты по борьбе с танками. Вследствие этого сегодня мотострелковые подразделения имеют боевую технику,

оснащенную пушечным и ракетным противотанковым вооружением. Опыт Великой Отечественной войны показал, что весьма важным звеном в создании устойчивой обороны является сильный батальонный район обороны. Кроме того, Великая Отечественная война дала огромный опыт организации инженерного обеспечения, тактической маскировки, противовоздушной обороны, разведки, радиоэлектронной борьбы, совершению маневра и всестороннего обеспечения войск.

Особенно большой опыт был накоплен по обману противника. Полководец А. Суворов утверждал: «Сегодня счастье, завтра счастье, помилуй бог, надо и ума немножко». Прекрасным примером этому может служить решение командира танкового батальона капитана Г.Л. Дьяченко, который, действуя в передовом отряде (7 танков с десантом автоматчиков), вечером 23 января 1945 года вышел к немецкому городу Эльбинг. Из-за сложных условий местности обойти его было невозможно. Офицер принял решение пройти город под видом танковой колонны противника. Жители спокойно смотрели на двигавшиеся с затемненными фарами боевые машины, по улицам маршировали гитлеровские солдаты. Когда противник разгадал хитрость танкистов, было уже поздно, а батальон своевременно вышел в назначенный район.

Таким образом, богатый и всесторонний боевой опыт, накопленный нашей армией в годы Великой Отечественной войны, является неиссякаемым и ценнейшим источником для дальнейшего развития тактики в условиях многочисленных локальных войн и вооруженных конфликтов современности. Однако необходимо помнить, что во всестороннем развитии тактики наступательного и оборонительного боя в Великой Отечественной войне огромную роль сыграли наши люди: генералы, офицеры сержанты и солдаты нашей армии.

Совершенствование способов и форм боевых действий – это результат их доблести, мужества, бесстрашия, героизма и неиссякаемой творческой инициативы. Без этого были бы невозможны никакие достижения в области развития тактики и военного искусства в целом. К. Симонов в своей книге «Солдатами не рождаются» устами одного из героев этой книги говорит: «На войне не бывает репетиций, на которых можно сыграть сперва для пробы – не так, а потом так, как надо. На войне нет черновиков, которые можно изорвать и переписать набело. Здесь все пишут кровью, все от начала и до конца, от аза до последней точки...».

Вместе с тем, очевидно, что сегодня основные стратегические цели современной войны могут быть достигнуты уже в результате первых ударов средств воздушного (воздушно-космического) нападения и времени на исправление ошибок не будет. Тем не менее, как подтвердили события в Чеченской Республике, разработка новых способов ведения наступательного и оборонительного боя может быть успешно решена лишь при критической оценке опыта прошедшей Великой Отечественной войны.

В.Л. Маслехин
Достойный вклад в Победу.
Патриоты села Верхней Волги фронту

Огромное значение для достижения победы в Великой Отечественной войне имели массовые общественно-политические кампании, вызванные к жизни патриотическими начинаниями общественных организаций, трудовых коллективов и отдельных граждан и направленные на оказание всесторонней помощи фронту.

С первых недель войны широчайшее распространение получили такие общенародные формы

самодеятельной помощи фронту, как создание фонда обороны, сбор теплых вещей, помощь семьям военнослужащих, эвакуированному населению и многие другие проявления патриотизма. Демонстрируя любовь и преданность Родине, высокую сознательность и активность, достойный вклад во всенародное дело помощи Красной Армии внесли сельские жители Верхней Волги.

Подлинно народный характер в начале войны приняло движение за создание фонда обороны страны. Инициаторами добровольных пожертвований выступали, как правило, партийные активисты, руководители советских органов, председатели колхозов. Так, личным примером увлекали за собой жителей деревни председатели колхозов «Заря» Гаврилово-Посадского района и «Возрождение» Ивановского района Ивановской области Е. А. Мочалова и Г. Н. Жуков, внесшие в фонд обороны соответственно 50 и 30 тысяч рублей. Председатель колхоза «Верный путь» Палехского района той же области В.М. Архиреев внес 5 тысяч рублей деньгами, а так же 60 пудов хлеба и 12 пудов картофеля. Следуя примеру своего руководителя, колхозники артели отчислили из личных запасов 620 пудов хлеба и 400 пудов картофеля [1].

Активное участие в патриотическом движении помощи фронту приняла сельская молодежь. Молодые сельские труженики Ивановской области, например, к концу 1943 г. только на воскресниках заработали в фонд обороны 1 млн. рублей [2]. В 1942 г. молодые колхозники Ярославской области внесли в фонд обороны 7 млн. 239 тыс. рублей, 6610 пудов зерна, 17394 кг. мяса, 7550 л. молока, 3093 пуда картофеля и овощей[3].

Ощутимый вклад колхозного крестьянства во всенародное дело создания фонда обороны ярко выразился в массовом движении по засеву сверхплановых гектаров

развернувшимся весной 1942 г. по инициативе колхозников и колхозниц сельхозартели имени Н.К. Крупской Выселковского района Краснодарского края. Дальнейшее развитие оно получило в связи с почином колхозников артели «Горшиха» Ярославского района Ярославской области. Весной 1943 г. они обязались засеять сверх плана для Красной Армии и населения освобожденных районов 20 га. зерновых. Причем посев этих гектаров обеспечивался семенами из личных запасов колхозников. В этой связи газета «Правда» писала: «Почин колхозников Ярославской артели «Горшиха» - один из замечательных примеров великого патриотизма советского крестьянства, прочности нашего тыла, крепости колхозного строя... Не подлежит сомнению, что колхозники и колхозницы откликнутся на зов ярославцев со всей той щедростью, которая присуща советским патриотам» [4].

Отличительной чертой патриотического движения, начатого по инициативе ярославских колхозников, стала его массовость. Если в 1942 г. засев «гектаров обороны» провели в основном передовые хозяйства, то в 1943 г. движение охватило почти все хозяйства области. В отличие от 1942 г. засев сверхплановых гектаров проводился теперь в основном за счет семян из личных запасов крестьян [5].

Начинание ярославских колхозников получило общегосударственную поддержку. Только по восьми союзным республикам, шести краям и 25 областям РСФСР и только молодежью села было в 1943 г. засеяно более 34 тысяч га. зерновых, картофеля и овощей в фонд обороны [6].

Почти одновременно с созданием фонда обороны в стране возникло и такое патриотическое движение, как сбор средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов, подводных лодок, другой

боевой техники и вооружения. В сельских районах Верхней Волги это движение наибольший размах приняло зимой 1942-1943 гг.

Так, в декабре 1942 г. труженики села Ивановской области активно включились в кампанию по сбору средств на строительство танковой колонны «Ивановский колхозник». 5 тысяч рублей внес в фонд строительства танковой колонны бригадир колхоза села Советское Ивановской области Степанов. Председатель колхоза Рунов внес 6 тысяч, председатель сельсовета Тараканов - 5 тысяч рублей. Их пример был поддержан молодежью района. Например, на молодежном собрании колхоза села Янево 50 молодых колхозников внесли 12 тысяч рублей, молодежь села Шенки - 18 тысяч рублей [7]. В целом молодыми труженниками сельских районов Ивановской области на строительство танковой колонны «Ивановский колхозник» было собрано 15 млн. рублей [8].

Всего труженики деревни Ивановской области внесли из личных сбережений на строительство танковой колонны 65 млн. рублей и 52 тысячи пудов хлеба [9].

В декабре 1942 г. с патриотической инициативой по сбору средств на строительство танковой колонны имени Ивана Сусанина выступили колхозники артели «Восход» Ярославского района Ярославской области. Их почин нашел горячую поддержку общественных организаций и трудовых коллективов всех колхозов области. Так, труженики Сусанинского района внесли на строительство танковой колонны 4 млн. 700 тысяч рублей [10], трудящиеся Некоузского района - более 2 млн. рублей [11].

В массовые движения превратились начинания колхозников Ивановской области по созданию фондов строительства авиасоединения имени М.В. Фрунзе и эскадрилии боевых самолетов «Юрьев-Польский колхозник». В канун 25-летия Октябрьской революции по

инициативе молодежи колхоза «Заря свободы» Брейтовского района Ярославской области начался сбор средств на строительство самолетов «Ярославский комсомолец». Только за один день по трем сельсоветам этого района было собрано 25 тысяч рублей. К 15 ноября молодежь области внесла около 3 млн. рублей, а в декабре 1942 г. на фронт было направлено 20 боевых самолетов, построенных на эти средства [12]. Молодые труженики Ивановской области внесли к осени 1943 г. на строительство звена самолетов 1 млн. рублей [13]. В январе 1943 г. с патриотической инициативой создания фонда строительства подводной лодки «Ярославский комсомолец» выступили комсомольцы колхоза «Красный Октябрь» Некрасовского района Ярославской области. В течение нескольких дней молодежью области было собрано 5,8 млн. рублей [14]. Молодежь Костромской области внесла на строительство танковой колонны имени Юрия Смирнова 1 млн. 350 тысяч рублей, за что областная комсомольская организация получила благодарность от Верховного Главнокомандующего [15]. В общей сложности на техническое оснащение армии трудящиеся Ивановской области внесли более 140 млн. рублей [16], Ярославской области - более 146 млн. [17], Костромской - около 93 млн. рублей [18].

Ярким проявлением народной заботы о повышении боевого могущества страны стала подписка на Государственные военные займы. Среди добровольных поступлений денег от населения военные займы стояли на первом месте. По своему значению они находились в одном ряду с важнейшими военно-экономическими мероприятиями государства.

Подписка на I Государственный заем в апреле 1942 г. была проведена в стране за несколько дней и превысила 13 млрд. рублей при сумме выпуска в 10 млрд. рублей [19].

Всего за годы войны были выпущены 4 военных займа на 72 млрд. рублей, фактически подписка на них составила 89,7 млрд. рублей. Кроме того, 13 млрд. рублей дала реализация билетов денежно-вещевой лотереи. Из этих сумм около 35 млрд. рублей внесло колхозное крестьянство страны [20].

Сознательно и активно помогали своими сбережениями Красной Армии сельские жители Верхней Волги. Яркое отражение патриотические чувства тружеников деревни нашли в выступлении на собрании сельхозартели «Вперед» Суздальского района Ивановской области колхозницы Попковой. «У меня три сына на фронте», - сказала патриотка, «Я подписываюсь на 5 тысяч рублей, пусть каждый мой трудовой рубль вопьется в тело гитлеровского мерзавца как пуля». Авангардную роль в размещении военного займа демонстрировали руководители колхозов района. Председатель правления колхоза «Единый труд» Туртинского сельсовета М.И. Хохорин подписался на 55 тысячу рублей и все деньги внес наличными. Председатель колхоза села Гавриловское А.Н. Рунов подписался на 51 тысячу рублей, председатель Яневского колхоза В.В. Дмитриев - на 50 тысяч. Своим примером они увлекали за собой крестьянские массы. Уже на 10 июня 1943 г. подписка на II Государственный заем по району составила 11 млн. 986 тыс. 300 рублей [21]. В Ярославской области за все годы войны среди сельского населения было распространено облигаций на сумму 38 млн. 856 тыс. 365 рублей [22].

Всенародная помощь фронту стала мощным дополнительным источником финансирования расходов на ведение войны. Поступления по четырем военным займам намного превысили сумму всех довоенных займов, начиная с 1928 г. Общая сумма взносов советских людей в фонд обороны, на строительство боевой техники, подписки на

военные займы и реализации денежно-вещевой лотереи за время войны составила примерно 137 млрд. рублей [23].

Проявлением неиссякаемой народной инициативы и заботливого отношения к воинам Красной Армии явилось патриотическое движение трудящихся по сбору теплых вещей, отправке на фронт посылок и подарков. Инициаторами кампании по сбору и изготовлению теплых вещей в Ярославской области выступили рабочие комбината «Красный Перекоп». Их начинание нашло горячую поддержку в сельских районах. Всего за годы войны труженики Ярославской области собрали более миллиона различных теплых вещей и обмундирования, в том числе 25540 полушубков, 93072 пары валенок, 233304 теплых рукавиц, 67708 шапок-ушанок, 50860 ватных курток и брюк, 74708 теплых рубашек и пр. [24].

Выше приведенные и другие факты убедительно свидетельствуют, что колхозное крестьянство Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны не только проявило трудовой героизм, но и с чувством высокой сознательности, пониманием гражданского долга шло на большие материальные жертвы во имя достижения великой всеобщей победы.

Примечания

1. Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ярославль, 1967. Ч. 2. С. 342.
2. Центр документации новейшей истории Российской Федерации (далее ЦДНИРФ). 17. Оп. 43. Д. 430. Л. 150.
3. ЦДНИРФ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 162. Л. 69.
4. Патриотический почин ярославских колхозников // Правда. 1943. 23 апреля.
5. Анисков В. Т. С полей колхозных на поля сражений. Партийно-организаторская деятельность в ярославской и

- костромской деревне в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1975. С. 197.
6. Виноградов И.И. Сельские комсомольские организации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вопросы истории КПСС. 1979. № 1. С. 95.
7. Центр документации новейшей истории Владимирской области (далее ЦДНИВО). Ф. 112. Оп. 3. Д. 107. Л. 10.
8. ЦДНИРФ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 430. Л. 150.
9. Очерки истории Ивановской организации КПСС. С. 353.
10. Центр документации новейшей истории Костромской области (далее ЦДНИКО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 298. Л. 13.
11. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее ЦДНИЯО). Ф. 253. Оп. 4. Д. 37. Л. 41.
12. Анисков В.Т. С полей колхозных на поля сражений. С. 180.
13. ЦДНИРФ. Ф. 17. Оп. 43. Ж. 430. Л. 150
14. Хохлов А.А. Юность мужает в борьбе. Страницы истории ярославского комсомола. 2-е изд. перераб. и доп. - Ярославль, 1978.С. 169.
15. ЦДНИКО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 225. Л. 98.
16. Очерки истории Ивановской организации КПСС. С. 353.
17. Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 409.
18. Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 301.
19. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. М., 1970. С. 435.
20. Финансы СССР за 30 лет. М., 1947. С. 186-187.
21. ЦДНИВО. Ф. 112. Оп. 3. Д. 107. Л. 12.
22. Очерки истории Ярославской организации КПСС. С. 409.
23. История советского крестьянства. В 5 т. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 261.

24. Анисков В.Т. С полей колхозных на поля сражений. С. 183.

С.В. Куксенко

Деятельность полевых учреждений Госбанка на освобождённых территориях в 1944 - 1948 гг.

В третьем периоде войны значительно расширились функции полевых банков действовавших за границей. На них было возложено обслуживание Советской Армии, Военно-Морского Флота, Наркомата путей сообщения, Наркомата авиационной промышленности и других уполномоченных органов и лиц других гражданских наркоматов. Были организованы специальные полевые отделения Госбанка при Посольстве СССР в Польше и Союзной Контрольной Комиссии в Румынии [1].

Важнейшей предпосылкой для восстановления и мирного развития экономики Восточной Германии стало создание новой единой финансовой и кредитной системы. основополагающие распоряжения советских властей об упразднении всех финансовых и кредитных институтов фашистской Германии и образования новой финансово-кредитной системы были объявлены приказом главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ) Маршала Советского Союза Г.К. Жукова от 23 июля 1945 г. В соответствии с приказом в каждом городе и районе создавался отдел, руководство которым возлагалось на финансовые отделы управлений земель. Этим самым в советской зоне оккупации Германии был построен новый финансовый аппарат, создана новая система бюджетов общин, городов и земель.

Западные державы, встав на путь отказа от многих пунктов решений Потсдамской конференции,

саботировали соглашение о создании общегерманского финансового департамента, который должен был осуществлять управление финансовой системой Германии до образования демократического немецкого государства. В связи с этим и было образовано Немецкое финансовое управление советской зоны оккупации, которое до образования ГДР, по существу, выполняло функции министерства финансов в советской зоне.

Значительный вклад внесли полевые учреждения Госбанка в становление и развитие финансовых систем освобождённых государств. В частности, полевой банк № 132 принял участие в становлении восточногерманской кредитной системы. Приказом Государственной комиссии при СНК СССР № 69 от 17 января 1945 г. были учреждены полевые кассы Госбанка для управлений провинций Магдебург, Брандбург и Саксония, управлений федеральных земель Саксония и Тюрингия. Приказом Главкома СВАГ от 23 июня 1948 г. в советской зоне оккупации Германии была объявлена денежная реформа. Были выпущены марки, на которые обменивались рейхсмарки, рентные марки и марки Союзного военного командования. Вклады и текущие счета, принадлежавшие нацистским военным преступникам были аннулированы [2].

К этому периоду военные банки уже активно участвовали в проведении денежных реформ в Польше (в 1945 г. изъято из обращения 24, 2 млн. краковских злотых) [3], в Румынии (1945 г.), в Югославии (1945 г.), Чехословакии (1945 г.), Австрии (1945 г.), Венгрии (1945-1946 гг.). В 1947 г. денежные реформы были проведены в Северной Корее и Северо-Восточном Китае. Так, в процессе проведения денежной реформы в Северной Корее было учтено и изъято из обращения более 8,7 млрд. иен. Валюта освобождённых государств изготавливалась

фабриками Госзнака в Москве и Краснокамске. Польские злотые и чехословацкие кроны, румынские леи, болгарские левы и сербские динары изготавливались в Москве по заказам иностранных правительств. Одним из важных направлений деятельности полевых учреждений Госбанка СССР стали операции по изъятию и сбору трофейных ценностей, вывезенных фашистами с территории СССР. Задачи по сбору трофейных ценностей были поставлены ещё летом 1941 г. СНК СССР 31 января 1942 г. принял постановление об изъятии на территории, освобождаемой от оккупантов, валют воюющих с СССР стран и о порядке реализации трофейной валюты и валютных ценностей. 9 февраля 1942 г. Правление Госбанка СССР направило в полевые банки письмо, в котором к валютам воюющих с СССР стран были отнесены немецкая марка, итальянская лира, румынская лея, финская марка, словацкая крона и венгерская пенго [4].

Ещё в годы войны банковские работники собирали трофейную валюту на освобождённой территории. Например, прибыв в г. Армавир, личный состав полевого отделения Госбанка № 901 обследовал здание, в котором находился банк немцев, где после его обследования было обнаружено более 2 млн. руб. и более 77 тысяч немецких марок [5].

СНК СССР постановлением от 10 января 1945 г. обязал предавать все трофейные ценности в виде иностранной валюты, драгоценных металлов, советской валюты и ценных бумаг. В течение 1945 г. только в полевую контору № 132 поступило 7469 немецких марок, 6,4 млн. греческих драхм, 424 тысячи хорватских кун, сербских динар и другой валюты. Работа по изъятию трофейных ценностей проводилась в соответствии с требованиями Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутных войн».

Таким образом, полевые учреждения Госбанка в конечном этапе войны и в послевоенные годы осуществляли не только широкий круг банковских операций по обеспечению войск денежными средствами, но и стали универсальными расчётно-кассовыми центрами, составными звеньями финансово-кредитных систем освобождённых государств.

Примечания

1. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 2331. Л. 7; Д. 2332. Л. 5-10.
2. Валюты стран мира: Справочник // под ред. С.М. Борисова, Г.П. Рыбалко, О.В. Можайского. М., 1984. С. 85.
3. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 2246. Л. 3.
4. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1 Д. 2313. Л.3.О.
5. Коречков Ю.В. История банковского дела Российской армии. М. 1997. С. 101.

Г.А. Чудакова

Предмостный оборонительный рубеж на ст. Волга Некоузского района

В Великую Отечественную войну фронт до нашей области не дошёл, но огненный вал войны бушевал рядом. В октябре 1941 года немецкие танки, прорвав линию фронта за три дня, проскочили более ста километров и 13 октября подошли к городу Калинин. Заняв город, немцы развернули наступление в направлении Москвы и Бежецка. Бежецк находится всего в 40 километрах от границы нашей области. На случай упорного сопротивления Красной Армии под Москвой генералы вермахта разработали план обхода столицы с севера. Этой операции они дали кодовое название «Волжское водохранилище». Выполнение её возлагалось «на 3-ю и 4-ую танковые группировки в

составе семи танковых, трёх моторизованных и четырёх пехотных дивизий».* Операция не случайно называлась «Волжским водохранилищем» — немцы надеялись выйти к берегу Рыбинского моря. Создалась угроза вторжения врага в Ярославскую область. Некоузский район оказался в близи оккупированной врагами территории Московской и Калининградской областей. Через наш район проходила единственная железная дорога, по которой шло снабжение Калининского фронта, дорога, открывающая ворота к Уралу и на Восток.

В октябре 1941 года, зимой 1941-1942 года немецкая авиация регулярно «патрулировала» железную дорогу и бомбила проходящие воинские эшелоны на перегонах от Пищалкино до Волги, бомбила Ярославль, Рыбинск.

18 октября 1941 года был разбомблен вокзал на станции Некоуз. Погибло около 100 человек. Это были дети и женщины, эвакуированные из блокадного Ленинграда. В полутора километрах от станции Пуршево был разбит эшелон, доставляющий на фронт боеприпасы. На перегоне Маслово - Некоуз разбомблен санитарный поезд, вывозивший в тыл раненых с Калининского фронта. В трёх километрах от станции Шестихино подвергся бомбёжке состав, в котором возвращались домой окопники (копавшие окопы).

Ночами под Рыбинском, Ярославлем стояло зарево. В морозные зимние дни и ночи со стороны Подмосковья и Калинина доносился гул артиллерийской канонады.

На разных участках железной дороги, на обочинах и сейчас можно видеть воронки, оставленные в земле разрывами бомб. В районе началась подготовка к эваку-

* «История второй мировой войны. 1939–1945г.» Т. 4. С. 103.

ации советских учреждений. Создавались базы для партизанских отрядов в Замошице, в Синицинском болоте.

Чтобы предупредить прорыв немецких войск с севера, 14 октября 1941 года Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин вызвал в Москву первого секретаря Ярославского обкома ВКП (б) Н.С. Патоличева с секретарями Рыбинского и Костромского горкомов партии. Перед ними была поставлена задача в кратчайшие сроки на территории области возвести оборонительные сооружения на берегах реки Волга: юго-западное оборонительное сооружение от Рыбинского водохранилища на Мышкин, Углич и далее на Борисоглеб - Ростов и Ивановскую область; северо-восточное - от Пошехонья на Рыбинск - Ярославль - Кострому. План предусматривал устройство на этих рубежах противотанковых рвов, дотов, дзотов, землянок, установку «ежей», надолб, намораживание снежно-ледяных валов и других противотанковых препятствий. План предусматривал общую длину оборонительных сооружений 780 километров.

Для выполнения намеченных работ было мобилизовано население Ярославской и соседних областей, привлечены строительные батальоны и заключенные Волголага. Трудовая армия, насчитывающая более двухсот тысяч человек, в середине сентября приступила к работе.

Первостепенное значение в возведении оборонительных сооружений придавалось юго-западному участку по правому берегу реки Волги. А форпост его был вынесен на левый берег для охраны железнодорожного моста у станции Волга. Здесь был создан предмостный оборонительный рубеж. Опоясывал его противотанковый ров длиной около семи километров. Начинался ров у

железной дороги в 350 метрах от вокзала. Отсюда он дугами выходил к реке Волга: на севере до деревни Торхово и на юге - у деревни Зиновская Мышкинского района. Южный сектор обороны, наиболее доступный для прохода вражеских танков, укреплялся усиленно. На этом участке все дороги, ведущие к реке, перекрывались «ежами», сваренными из кусков рельс. Перед деревней Заря между железной дорогой и ручьём вырыли второй ров. А возможный подъезд закрыли «ежами» и надолбами (наклонно врытыми в землю столбами). У деревни Коплино на высоком берегу ручья на западной окраине деревни Петровское перед домом Алексеевых были возведены железобетонные огневые точки с амбразурами в сторону станции. На станции вблизи вокзала, в выемках железнодорожной насыпи были подготовлены дзоты, землянки и траншеи связывающие их.

Обочины проселочных дорог, проложенные к вокзалу от деревень Большая Шиловка и Малая Шиловка, оцетинились несколькими рядами надолб. На случай необходимости перекрытия дорог рядом лежали «ежи». Северный участок предместного района укреплялся меньше южного. Здесь сам берег реки от Сменцева до железнодорожного моста, высокий, обрывистый, является преградой для танков. С первых дней войны волжский мост от налётов вражеской авиации охраняли 4 батареи (по 3-4 орудия в каждой) 362-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Одна батарея стояла у деревни Гладышево, а другая - между деревнями Коплино, Починок, Папоротная. В деревне Заря на крыше дома Павловых, на башне шерстопрядильной фабрики и к западу от неё среди сосен у железной дороги (Харламов хутор) на помосте стояли спаренные зенитные пулемёты. В поле за Петровским на 15-ти метровой металлической вышке размещался пост воздушного наблюдения,

соединённый телефоном с зенитными батареями. Из воспоминаний зенитчиков известно, что в зоне их обстрела пролетело более 300 самолетов противника. Зенитчики создавали такой заградительный огонь (выпущено более 6000 снарядов), что ни один вражеский самолёт не прорвался к мосту. Только однажды бомбардировщик сбросил свой разрушительный груз в реку невдалеке от с. Сменцева. Всю войну по мосту поезда ходили без задержек. Зенитные батареи в случае прорыва врага к предмостному оборонительному рубежу были готовы встретить танки своим огнем.

К счастью воспользоваться запасным оборонительным рубежом не пришлось. В декабре 1941 года после разгрома немецких войск под Москвой, возведение оборонительных сооружений на северо-восточном рубеже было приостановлено. К 1 февраля 1942 года все строительные работы на запасных оборонительных сооружениях были прекращены. Весной с дорог убирались «ежи». Женщины и подростки группами по 10-15 человек впрягались в упирающихся стальных «зверей» и тянули их на берег реки, грузили их на баржи.

Приближается 60-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Давно исчезли с волжских берегов доты, дзоты, пулемётные колпаки и другие оборонительные сооружения. Противотанковый ров, как шрам войны напоминает о тяжелом времени и подвиге народа.

В посёлках Волга, Некоуз, селениях нашего и соседнего районов живут сотни людей, принимавших участие в строительстве оборонительных сооружений на берегу Волги. Это были женщины, подростки, мужчины, непригодные к строевой службе.

Жители деревень тоже рыли окопы, рыли окопы и девочки 12-13 лет. Зима 1941 года началась рано. Морозы

доходили до 30 градусов. Пронизывающий ветер забирался под одежду. Отогревались у костра. За ночь мороз так сковывал землю, что утром приходилось откалывать от неё глыбы стальными клиньями и кувалдой. Ров казался живым растущим ущельем: 6 метров шириной (по дну 4 метра) и 3 метра глубиной. За день каждому необходимо было выбросить на поверхность и разровнять не менее 3-х кубометров грунта. Это дневная норма. Тяжелая работа легла на плечи подростков и женщин. Из воспоминаний труженика тыла: «Мне, сильному мужчине, только за два приёма удавалось со дна, перебрасывая землю с уступа на уступ, поднимать её на поверхность. С непривычки на руках от верёвок и лопат кровоточили мозоли...». Окопники жили в прилегающих к реке деревнях: Ильинское, Коплино, Петровское, Торхово, Гладышево, Заря, Починок, Прошино, Зиновская. Размещались в домах по 5-6 человек, спали на полу - на соломе, на нарах, на печках, освещались дома лампами — мигалками. Им постоянно хотелось есть: на день выдавали по 400 граммов хлеба на человека и поварёшку супа из воды и пшена.

Не смотря на огромные трудности, работающие, не только выполняли нормы, но и перевыполняли их. Такого патриотизма, такого трудового подвига народа в тяжёлую годину не знала история ни одной другой страны. За короткий срок, перенеся многие лишения, люди совершили то, что под силу сказочному богатырю.

Противотанковый ров в посёлке Волга - это памятник нашей истории, памятник труженикам тыла.

В.С. Попова**Деятельность Ярославского автомеханического техникума в годы Великой Отечественной войны и формирование резервов для фронта
(по материалам Музея истории техникума)**

Музей истории Ярославского автомеханического техникума был создан в год 50-летнего юбилея техникума. Идея создания Музея возникла у ветеранов. Вот те люди, которым Музей обязан своим рождением: Борис Николаевич Меньшиков, старейший преподаватель техникума, историк по образованию; Анна Владимировна Клюкина – преподавательница русского языка и литературы; Федор Григорьевич Каракулин– старейший преподаватель спецдисциплин, заведующий вечерним отделением; Лев Абрамович Верблюнский– заведующий дневным отделением, преподаватель спецдисциплин, ветеран техникума; Николай Павлович Смекалов– директор техникума в 60-80-е годы.

Идея создания Музея возникла не случайно. Эти люди в 70-е годы сумели почувствовать, что только Музей будет хранителем материальной памяти и духовных ценностей.

Хранить память о тех, кого сейчас уже нет, - это непросто, но это нужно. За последние 25 лет жизнь в стране сильно изменилась. Уже и страны той – СССР – нет, а есть Российская Федерация. Идеалы, на которых воспитывались предшествующие поколения, утрачены. Но связь времен оборваться не должна. Когда люди всматриваются в пожелтевшие фотографии, видишь, как волнуется душа человека. Это рождается чувство сопричастности с делами отцов, дедов и прадедов. Вот ради того, чтобы душа трудилась, был задуман «Музей истории ЯАМТ».

Музей - это единственная возможность в совместной работе преподавателей и студентов обрести ту духовную связь, которая делает нас обществом, ответственным за судьбу нашего Отечества.

Ярославский автомеханический техникум – это детище первых пятилеток. В конце 20-х годов страна вступила на путь индустриализации. На карте страны стали появляться первые крупнейшие стройки: Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, металлургические комбинаты в Кузнецке и Магнитогорске; в конце 20–х годов было заложено 10 новых электростанций, в том числе крупнейшая в мире – ДнепроГЭС. Промышленные новостройки, оснащенные новейшей по тем временам техникой, ощущали недостаток в квалифицированных кадрах.

Готовить эти кадры должны были средние специальные учебные заведения. Так в 1929 году ВСНХ СССР принимает постановление об открытии в городе Ярославле автомашиностроительного техникума, переименованного в 1933 году в Автомеханический.

За 12 довоенных лет техникум сделал немало. Техникум получил в 1932 году свое собственное здание; располагал 17 учебными аудиториями, 9 кабинетами, 3 лабораториями и 1 мастерской. Усилиями первого директора техникума Федора Марковича Землянского был создан великолепный коллектив, состоящий из людей увлеченных, знающих свое дело, любящих свою профессию. Благодаря их самоотверженному труду техникум в довоенный период подготовил более 800 специалистов для машиностроительных заводов. И хотя по количеству прожитых лет это был техникум – подросток, он крепко стоял на ногах и уверенно смотрел в будущее.

Но «грязнул год, пришел черед, нынче мы в ответе за Россию, за народ и за все на свете». Началась война, не

подходящая ни под какие предания о войнах. Страна превращается в единый военный лагерь, техникум начинает тоже жить по законам военного времени.

Сокращаются часы по учебному плану на общеобразовательные предметы (экономическая география, иностранный язык).

Резко увеличивается число часов на допризывную военную подготовку. Уменьшается контингент учащихся. Так 12 августа 1941 года из техникума отчислены 36 человек в связи с уходом в армию и военные училища. Преподаватели были вызваны из отпуска с 6 по 11 августа. В это же время начались занятия студентов. В сентябре 1941 года постановлением СНК СССР вводится плата за обучение 75 рублей на дневном отделении и 37,50 на вечернем.

2 июля 1941 года выходит постановление СНК СССР о создании групп самозащиты. 7 июля такая группа была создана в техникуме. В состав группы входили пять звеньев: противопожарное, медико-санитарное, аварийно-восстановительное, противохимической защиты и звено охраны. Командирами звеньев были преподаватели, в состав звеньев входили студенты и сотрудники.

Кроме этого, в техникуме устанавливаются ночные дежурства с 22 часов до 8 утра; караул в составе 8 человек заступал на ночное дежурство и обеспечивал порядок в здании и прилегающей территории; руководство осуществлял военрук согласно графику, утверждаемому директором.

И в этих условиях техникум должен был решать две одинаково важные задачи: готовить кадры квалифицированных специалистов и резервы для фронта. Обе задачи были не только важны, но и сложны в их реализации. С началом войны резко сокращается материальная база техникума. Оборудование станочной и

слесарной мастерской было передано для нужд военных организаций. Помещение техникума несколько раз занималось различными воинскими частями. В частности здесь формировалось одно из подразделений Ярославской 234 коммунистической дивизии – авторота подвоза дивизии, командиром которой был назначен директор техникума В.И. Волков, а комиссаром – преподаватель Б.Н. Меньшиков. Среди личного состава роты были и студенты: Фидельгольц, Воронин и другие. В здание техникума завозилось зимнее обмундирование для бойцов 234 ком. дивизии.

Осенью 1941 года в техникуме надолго обосновалось эвакуированное из Ленинграда высшее инженерно-техническое училище военно-морского флота - ВИТУ. Коридоры перегородили кирпичными стенками так, что техникуму отошло правое крыло здания с запасным входом с Автозаводской улицы. Все остальное помещение техникума (около 70 % всех площадей техникума) было передано ВИТУ.

Центрального отопления в техникуме в те годы не было. Своя котельная из-за отсутствия топлива длительное время бездействовала. В помещении было так холодно, что чернила замерзали, а учащиеся и преподаватели присутствовали на занятиях в верхней одежде и перчатках. Водопровод в техникуме был заморожен, канализация разрушена бомбежкой, из-за неисправностей электропроводки часто отключался свет во время вечерних занятий. Учебные занятия часто прерывались воздушными тревогами, иногда бомбежками. Так в июне 1943 г. техникум дважды был в зоне налетов вражеской авиации, в результате чего взрывной волной в здании были выбиты почти все стекла. Классной мебели не хватало, так как часть ее пошла на обогрев помещений.

Питание в столовой было скудным. Обедали по карточкам, за обед вырезали талоны «мясо», «рыба». Норма хлеба по карточке 400 гр. в сутки. Все были полуголодными. Одежда и обувь выдавались только по ордерам, которые предоставлялись очень редко.

Учащиеся техникума систематически отвлекались от учебы на различные работы, поэтому заниматься приходилось по 6 пар.

Тяжелым было положение с преподавательским составом. Многие преподаватели: В.И. Волков – директор техникума, Б.Н. Меньшиков – преподаватель истории, Б.Л. Владыкин – преподаватель черчения, В.С. Неварко – преподаватель физики и электротехники, В.Н. Жаковский – завуч, преподаватель автомобильных дисциплин – ушли на фронт. Учебные занятия стали проводить специалисты с автозавода. Они стали преподавателями–совместителями. Среди них особое место занимает ветеран техникума Ф.Г. Каракулин. В 1935 г. он закончил вечернее отделение техникума, (это был 1-ый выпуск вечернего отделения), а в сентябре этого же года стал работать в техникуме, совмещая работу преподавателя с основной работой на автозаводе, где он руководил отделом технического обучения. Это был специалист высокой квалификации с богатейшим опытом практической работы. Он читал почти все дисциплины по специальности «Металлорежущие станки». Проработал в техникуме более 40 лет, из них 16 – возглавлял вечернее отделение техникума.

Ведущие специалисты автозавода И.Ф. Гарнавский и В.В. Осепчугов стали председателями Государственной квалификационной комиссии. Преподаватели и совместители: Г.И. Кожанов, И.С. Шапиро, В.Ф. Отт, С.А. Мешковский, Б.В. Кудрявцев, А.В. Михайлов, С.И. Новиков и многие другие – это все преподаватели институтского масштаба. Очень сильным был подбор

математиков: Яков Соломонович Любашевский, Н.Д. Романов, Н.Н. Шушкин, Е.А. Чухин. Математическая подготовка, получаемая студентами в техникуме в то время, позволяла им продолжить свое образование в самых престижных вузах страны.

Благодаря самоотверженному труду этих людей, техникум выполнил первую задачу военного времени – выпустил за 4 года войны 198 специалистов для предприятий Минавтопрома: в 1941 – 58 человек, в 1942 г. – 78, в 1943 г. выпуска не было, в 1944 г. – 23, в 1945 г. – 39 человек.

Но только подготовкой высококвалифицированных кадров для предприятий машиностроения роль техникума не исчерпывалась. Надо было готовить резервы для фронта, помогать фронту чем только можно. Подвиг фронта был бы немислим без подвига тыла. Техникум тоже внес свою лепту в копилку Победы.

«Этот день мы приближали, как могли». 26 августа 1941 года большая группа учащихся в количестве 100 человек была мобилизована на строительство оборонительных рубежей в Ленинградской области. Командиром этого отряда была преподаватель русского языка и литературы Анна Владимировна Клюкина. 28 августа этот трудовой отряд совместно со студентами и преподавателями Ярославского педагогического института и рабочими различных Ярославских предприятий выехал в Свирьстрой. Отсюда пешком надо было добраться до г. Олонек, чтобы строить там противотанковые траншеи. Из Свирьстроя отряд студентов автомеханического техникума вернулся в Ярославль в первой половине октября, пройдя по дорогам войны более 250 км. пешком, и сразу же был направлен вместе с другими студентами и сотрудниками на трудовой фронт в Ростовский район Ярославской области. Командиром этого отряда был сначала А.В. Михайлов,

затем Б.Л. Владыкин, комиссаром – Е.А. Чухин. В составе отряда были А.Н. Козлов, А.В. Клюкина и другие преподаватели. Отряд копал противотанковые рвы близ села Поречье и чистил дороги от снега. Работа по рытью противотанковых рвов была очень тяжелой. Морозы в 1941 году ударили рано, поэтому замороженный слой земли сначала взрывали, а потом ломом и кольями разбивали мороженую землю, копали рвы на заданную глубину. Эти работы под Ростовом были приостановлены в начале января 1942 года после поражения немцев под Москвой, и трудовой отряд техникума вернулся в Ярославль.

С середины октября до конца декабря занятия в техникуме были прекращены. Студенты старших курсов ушли на фронт и военные училища, а младшие курсы были мобилизованы на предприятия по выпуску военной продукции. 15 – 16-летние юноши и девушки работали наравне со взрослыми рабочими. Студентка 2-го курса Варя Паутова получила направление в цех № 6 Ярославского автозавода. Это был цех сборки автоматов Калашникова.

Вспоминает Варвара Ивановна Паутова: «Я работала слесарем. Выполняла одну операцию – устанавливала прицельную линию. Это последняя операция перед отправкой оружия в тир, где его пристреливали. Работали по 12 часов. Продукцию нашу принимали военпреды. Иногда приходилось оставаться после смены, работали и в ночь. Тогда мы получали дополнительный паек – 2-3 ложки овсяной каши. В апреле 1943 года цех № 6 перестал выпускать военную продукцию, нас перевели в другие цеха. Я работала мотористом на копре в цехе скрапа. Металлическим ломом мы загружали банки и отправляли их в переплавку в литейный цех, который находился рядом с нашим цехом.

Вторая моя операция – разбивать рельсы на куски определенной длины по зарубкам. В августе этого же 1943 года на базе цеха № 6 организовали учебно-производственный цех, где стали готовить слесарей и токарей для производства. Меня взяли в группу учеников токарей. Через 4 месяца я закончила обучение и стала токарем 5-го разряда. Сразу была переведена в инструментальный цех, где стала работать на координатно-расточном станке. Это был станок швейцарской фирмы, единственный на заводе в годы войны. Станок обеспечивал очень высокую точность координат. Один месяц я знакомилась со станком, а затем стала работать самостоятельно в 2 смены. Было очень трудно: во-первых, на этом станке не было наладчиков, надо было все делать самостоятельно; во-вторых, надо было правильно заточить сверла и резцы; самая большая трудность – это разные детали, которые надо обработать в течение одной смены. Помогал мне в освоении станка терпеливый, умный и спокойный мастер Петр Петрович Мартынов. В техникум вернулась в 1944 году, но теперь это было вечернее отделение».

В январе 1942 года занятия в техникуме возобновились. Но по-прежнему студенты почти каждую неделю отвлекались на различные работы: грузили дрова и уголь, очищали от снега железнодорожные пути на станции Всполье; расчищали аэродром в Дядькове; участвовали в строительстве аэродрома в Туношне.

Для снабжения столовой техникума овощами было организовано подсобное хозяйство техникума на Чертовой Лапе за Перекопом. 25 апреля 1942 года группа студентов 2-го курса в количестве 25 человек направлена на 3 недели на сельхозработы в пригородном хозяйстве техникума. С 12 мая по 12 июня была сформирована вторая группа студентов для работы в Лютовском отделении подсобного

хозяйства Автозавода. «Период работы, - говорилось в приказе, - рассматривать как каникулы для студентов и преподавателя Бершадского». В летние каникулы студенты обязаны были 1 месяц отработать на самых разных объектах. Летом 1942 года студенты 2-го курса заготавливали торф для Ляпинской ГЭС. Работали в деревне Забелицы с 8 часов утра до 18 часов. Жили дома, поэтому вставали очень рано, чтобы на первом трамвае добраться до Перекопа. Юноши работали в траншеях, резали торф на брикеты, а девушки раскладывали брикеты по полю для просушки. Все работающие на торфоразработках получали рабочую хлебную карточку, которая давала право на получение 800 г. хлеба в сутки. Для вечно голодных молодых людей это была небольшая поддержка сил и духа.

Летом 1943 года студенты – юноши 2-3 курсов были направлены на заготовку дров и вывозку их с делянок по лежневой дороге. Лежневая дорога – это изобретение военного времени, когда русский умелец из подручного материала без единого гвоздя и грамма металла соорудил транспортную систему. Вагонетка из дерева на деревянных колесах и деревянных осях перемещалась по деревянным рельсам. В качестве движущей силы использовались лошади или люди. В данном случае это были студенты ЯАМТ. А дорога такая была сооружена в районе дома отдыха «Учитель», где заготавливались дрова для города.

В 1944 году студенты гр. 53 техникума работали в течение одной недели (с 1 февраля по 7 февраля включительно) на заготовке дров в дер. Красное Тутаевского района Ярославской области. Летом того же года студенты гр. 314 в количестве 33 человек с 25 июня по 10 июля включительно работали на заготовке дров в Гаврилов-Ямском районе Ярославской области, где только в течение года заготовили 1500 м³ дров.

Коллектив техникума принял участие в создании Фонда обороны. В 1943 году студенты и преподаватели собрали 14445 руб. на строительство авиасоединения «Ярославец», за что получили благодарность от руководства Красной Армии.

В помощи тыла самое главное – это подготовка резервов для фронта. Техникум с честью выполнил эту задачу. В учебных планах резко возросло количество часов на допризывную военную подготовку. Этот курс включал в себя много дисциплин: строй, уставы, штыковой бой, стрелковое дело, кроссы летом, ходьба на лыжах зимой, вождение автомобиля, метание гранаты. Девушки учились на курсах медсестер, изучали азбуку Морзе, готовились стать радистами. Допризывную военную подготовку в техникуме вел Николай Павлович Падерин. Личность, можно сказать, легендарная. Он был прекрасным спортсменом: в плавании вольным стилем на 1500 м. Николай Павлович Падерин показал 2-й результат, уступив только шведу Боргу; в стрельбе, в лыжных гонках, в спортивных играх он также показывал очень хорошие результаты. Свою любовь к спорту он передавал людям. Он делился с молодежью всем, что знал и умел сам. Вот почему в автомеханическом техникуме физкультура и спорт всегда были в почете. В техникуме был тогда лучший в городе спортзал, оснащенный всеми спортивными снарядами. На льду техникумовского катка проходили соревнования городского масштаба, потому что Н.П. Падерин учил студентов, как надо «делать лед» (не заливать, а делать), а потом не забывал проверить, помнят ли его «науку». В одном лице Николай Павлович был спортсменом, великолепным организатором физкультуры, а с начала войны стал еще «наставником солдат Победы» (так его называли журналисты).

Он стал заниматься допризывной подготовкой со студентами. В свое время Николай Павлович закончил окружные курсы инспекторов допризывной подготовки. В свидетельстве об их окончании 25 предметов, по большинству из них стоит оценка «отлично». И теперь «науке побеждать» он учил студентов техникума. Его воспитанники, студенты ЯАМТ, одними из первых в области получили значки «ГТО». В 1943 – 1944 годах, в период зимы, Н.П. Падерин работал на лыжных сборах с офицерским составом Всеобуча области в качестве преподавателя по рукопашному бою и лыжной подготовке, а в летние периоды 1944-1945 гг. готовил инструкторов по рукопашному бою и помощников военруков учебных заведений в качестве преподавателя по рукопашному бою и плаванию.

Кроме занятий ДВП, которые проходили в техникуме, летом студенты 2-3 курсов выезжали в военные лагеря, где проходили полный курс молодого бойца.

Вот приказ по техникуму от 15 июля 1943 года.

«Студенты 2-го курса обязаны пройти 15-дневный лагерный сбор с 19-го июля по 3 августа. Каждый студент должен иметь при себе хлебные карточки, постельные принадлежности, нательное белье 1-2 пары, полотенце, зубную щетку, зубную пасту и мыло; вещмешок, кружку, ложку, котелок, иголку с нитками, бутылку-флягу.

Каждый должен сделать для себя:

1. саперные лопатки и чехлы к ним;
2. болванки гранат 2 шт. и чехлы к ним».

Студенты, пропустившие хотя бы одно занятие по военной подготовке, характеризовались как сознательно уклоняющиеся от занятий по ВДП, а информация о них передавалась в Сталинский райвоенкомат.

В 1944 году студенты 3 курса автомеханического техникума в последний раз прошли лагерный сбор в

течение месяца под г. Буй (Костромская область). Это были студенты 1926 года рождения, группа по специальности «Холодная обработка металлов» и группа по специальности «Автомобилестроение». Они уже закончили курс допризывной военной подготовки и вернулись с лагерных сборов, прошли приписку в военкомате, ждали призыва. И вдруг известие: «Весь 1926 год рождения оставляют в техникуме. Война идет к концу. Нужно учиться: страна очень остро будет нуждаться в специалистах. Это и был первый послевоенный выпуск. 24 «холодника» после защиты диплома получили звание «техника-технолога», а 15 «автосборщиков» - звание «младшего техника-лейтенанта».

Говоря о техникуме военного периода, нельзя не сказать несколько слов о директоре техникума того времени. Это была Мария Ивановна Взорова. Она возглавила техникум в марте 1942 года. Под ее умелым руководством техникум не только вынес все тяготы военного периода, не только с честью решил задачи, поставленные суровым временем, а развил и преумножил лучшие традиции, заложенные первым директором – Федором Марковичем Землянским. Она очень умело подбирала преподавателей взамен ушедших на фронт; прилагая невероятные усилия, добивалась открытия столовой в техникуме, где студенты по продовольственным карточкам получали одноразовое питание; каким-то чудом доставала талоны дополнительного питания, чтобы устроить праздничное чаепитие по случаю вручения дипломов выпускникам.

Можно было поражаться ее таланту организатора, энергии, колоссальной работоспособности, безупречности в решении тех проблем, за которые она бралась.

Мария Ивановна всегда отличалась чутким сердечным отношением к окружающим людям. И люди

платили ей тем же. Не случайно похороны Марии Ивановны Взоровой превратились в настоящую демонстрацию признательности и всеобщего уважения к ее заслугам.

«Прошла война, прошла страда, но боль взывает к людям. Давайте, люди, никогда об этом не забудем». Не забудем о цене этой великой Победы – миллионах человеческих жизней, принесенных на алтарь Победы. Это нужно не мертвым, это нужно живым, чтобы не оборвалась связь поколений, чтобы сохранить ту духовную связь, которая делает нас обществом, ответственным за судьбы Отечества. «Памяти павших будем достойны».

Библиографический список

1. Книга приказов по Ярославскому автомеханическому техникуму за 1941–1945 гг.
2. Воспоминания А.В. Клюкиной «Техникум в годы войны».
3. Воспоминания Ф.Г. Каракулина «Техникум, как одно из подразделений ЯАЗ».
4. Воспоминания А.П. Солдатовой (вып. 1942г.).
5. Воспоминания В.Н. Бунтова (вып. 1945г.).
6. Воспоминания В.И. Паутовой (вып. 1949г.).

Л.П. Ковалева

История далекая и близкая. Безымянный самолет

Мы, живые, должны как можно дольше хранить память о тех событиях, скорбных и победных, которые вошли в мировую историю.

В данной статье речь пойдет о том, что мы узнали с учащимися 11 «б» кадетского класса средней школы № 4 города Тутаева.

Почти 60 лет прошло со дня Великой Победы. Но сегодня, как и 60 лет назад, самым ценным на Земле является человек и память о нем.

Осенью 1941 года Ярославская область фактически была прифронтовой, фашистская авиация совершала налеты на Ярославль, Рыбинск, неоднократно подвергался бомбардировке завод им. Менделеева Тутаевского района.

Около пяти тысяч тутаевцев были направлены на фронт – почти каждый четвертый, из призванных в армию, не вернулся домой. Они погибли за Родину.

В годы Великой Отечественной войны на территории нашего края располагалось три запасных полка: первый – в деревне Молявино, второй - в городе Тутаеве, третий - кавалерийский в левобережье. Бойцы размещались в домах тутаевцев. Они набирались сил и отправлялись на фронт. Возможно, те, кто квартировал в Тутаеве, потом и защищали наше небо, мирных жителей города и окрестных деревень.

Тутаев – маленький город - внес свой вклад в Великую Победу. На территории нашего района располагался эвакуационный госпиталь, главным врачом которого была Фаина Васильевна Шапырина, политруком Вера Алексеевна Петрова. В госпитале работало много врачей, медицинских сестер, а санитарками были молодые девушки. Они ухаживали за ранеными, как за своими близкими. Жители города стирали белье, бинты. Бойцы выздоравливали и отправлялись на фронт. Умерших – хоронили на городском кладбище: заворачивали в брезент и хоронили в братской могиле, где сейчас стоит обелиск.

Тутаев принимал детей из блокадного Ленинграда. В городе работал детский дом имени Ворошилова, кроме этого при каждом сельском совете тоже организовывались детские дома. Но некоторых детей спасти не удалось. На кладбище у Леонтьевской церкви находится захоронение

детей блокадного Ленинграда. Надпись гласит: «Здесь похоронены эвакуированные жители города Ленинграда во время блокады 1942-1943 гг. Вечная память! Мы помним вас!».

Одним из самых крупных предприятий нашего города, был льнокомбинат «Тульма». Труженики тыла, в основном женщины и подростки, работали в три смены в тяжелейших условиях. Выпускали брезент, необходимый нашей армии. 139 труженников комбината погибли в годы ВОВ.

Рабочие овчинно-меховой фабрики шили полушубки для бойцов. Работники валенного завода выпускали валенки для армии, работники промкомбината шили белье для солдат. Завод им. Менделеева направлял на фронт масла, бензин, керосин; колхозы поставляли лошадей, продукты питания.

Осенью 1941 года вдоль Волги летел самолет, люди, которые работали на земле, увидели шлейф дыма. Самолет начал быстро спускаться к земле над селом Савинское. Он мог упасть в центре села, но летчики предприняли огромные усилия и отвели самолет в сторону. Он рухнул в гуще леса, практически за околлицей села, ближе к деревням Шахмотово, Воробьево, Дудково. очевидцы вспоминают, как бросились к месту падения самолета мальчишки и взрослые люди в надежде оказать летчикам помощь, но трое пилотов погибли на месте. Их хоронили военные, жители села Савинское и близлежащих деревень. Вырыли братскую могилу, недалеко от воронки взрыва, аккуратно завернули тела летчиков-героев в парашютный шелк.

Почему героев? Ведь не было боя! Но если бы им не удалось отвести самолет от села, случилась бы огромная беда, ведь на борту самолета находились бомбы и снаряды!

Наверное, не так уж этот эпизод значителен в масштабах тех потерь, что понесла страна в целом, но сегодня особенно важно вспомнить и безымянных героев.

В истории войны еще много неизвестных могил, неизвестных имен. Я, как историк и человек, полагаю, что мы обязаны приложить максимум усилий к тому, чтобы имена погибших летчиков стали известны. Для этого мы с ребятами совместно с администрацией округа, военным комиссариатом ведем большую переписку с архивами.

Нам известно, что под Рыбинском в Якушево, близ поселка Переборы в годы войны базировался 42-авиаполк бомбардировщиков дальнего действия. Установлены фамилии разбившихся экипажей под Рыбинском, Угличем, Арефино, по дороге на Большое Село. На могилы приезжают родственники.

Но пока не удается установить фамилии летчиков, разбившихся под селом Савинское Тутаевского района. До сих пор в глубоком лесу сохранилась могила безымянных летчиков. Каждый год кадеты моего класса ухаживают за ней, приводят ее в порядок. Думаю, что это играет огромную воспитательную роль, делая мальчишек чище, благороднее, сильнее духом.

Мы не теряем надежды, что нам все-таки удастся установить имена погибших летчиков.

Мы хотим перенести эту могилу из леса на деревенское кладбище или в г. Тутаев, чтобы люди, живущие сейчас, могли поклониться тем, кто погиб 60 лет тому назад.

А это уже история близкая, которую делаем мы: мои ученики кадетского класса, учителя и администрация школы № 4 г. Тутаева и все те люди, которые отвечают на наши запросы.

И от того, какую историю мы сделаем, будет зависеть наша жизнь и жизнь наших детей.

М. Попельш

История и деятельность Ярославского отряда «Поиск»» во Всероссийской экспедиции «Долина»

И. «Война заканчивается тогда, когда похоронен последний на ней солдат» - эту фразу великого русского полководца знает каждый, кто уважает историю России. Как же случилось, что сегодня, спустя почти шестьдесят лет после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества, сотни тысяч солдат и офицеров, защитников Отечества лежат непогребенными в местах боёв, заросших окопах, блиндажах, воронках? Лежащие в болотах останки солдат - это втопанная в грязь наша совесть.

Есть люди, которые готовы всецело посвятить себя трудному, а главное, бескорыстному делу – поисковым работам на местах боёв Великой Отечественной войны. Среди тех, кто занимается этой благородной работой, и наш ярославский отряд «Поиск»», которым вот уже 13 лет руководит Ольга Владимировна Серенкова. Отряд существует 14 лет, но никто всерьёз не занимался его историей, а время неумолимо идёт вперёд, одних участников сменяют другие. Поэтому целью моей работы является написание истории нашего отряда, и рассказа о людях, которые в него входят, об их не лёгком, но благородном труде.

Для исследовательской работы мной были использованы фотоматериалы, кинохроника, областная периодическая печать последних лет, рассказы командира «Поиск» Ольги Владимировны Серенковой, архивы департамента по делам молодежи города Ярославля, мемуарная литература, изданная в Великом Новгороде, воспоминания членов отряда.

Моя задача привлечь как можно больше людей, особенно моего поколения, к проблеме поиска и захоронения бойцов Великой Отечественной войны. Это лишь первая попытка обобщить весь накопленный материал.

Поисковая экспедиция «Долина» начала свою официальную деятельность в 1988 году. Отцом «Долины» поисковики называют простого путевого обходчика железной дороги Николая Ивановича Орлова, которому глубоко в душу запали слова Александра Васильевича Суворова. После смерти Николая Ивановича Орлова его дело продолжают сыновья Валерий и Александр. 7 февраля 1989 Всесоюзной поисковой экспедиции «Долина» дали имя Николая Ивановича Орлова. Первым начальником штаба «Долины» стал Александр Орлов.

В 1990 году Ольге Владимировне Серенковой, в то время второму секретарю Ленинского райкома ВЛКСМ, отвечавшей за патриотическое воспитание молодежи, попала на глаза статья в «Огоньке» о новгородской поисковой экспедиции «Долина». Комсомольцы загорелись идеей создать свой отряд. Написали письмо в Новгород, а в августе уже отправились с «Долиной» в первую экспедицию. Так появился в Ярославской области отряд «Поиск».

В 90-х годах отряд состоял в основном из учащихся профтехучилищ Ленинского района и ребят-«афганцев». Каждый год в «Поиск» приходят 3-4 человека, в основном это школьники и студенты. Новичков всегда принимают с радостью, хотя не все желающие выдерживают предельно жесткий отбор.

Ольга Владимировна Серенкова - бессменный командир отряда вот уже 13 лет. Сейчас работает заместителем главы по социальной политике территориальной администрации Фрунзенского района

города Ярославля. В отряде с самого начала. Несмотря на то, что она женщина, дисциплина в отряде жёсткая. Командира все уважают и любят. А как можно её не любить? Она так много делает для отряда. Если кто-то нарушает дисциплину, Ольга Владимировна устраивает «разгон», это не всегда приятно, но куда денешься, командир всегда прав, и, если она начинает нас воспитывать, значит, так надо. Вот за её сильный характер мы её и любим. У командира есть правая рука в лице Лены Якушевой. Она работает в комитете по молодёжной политике Мэрии города Ярославля. Лена весёлый человек и опытный поисковик.

В отряде, который насчитывает тридцать человек, а иногда и более, есть все необходимые специалисты. Главные, конечно, после командира, это проводники, те, кто хорошо знает новгородские и петербургские леса, умеет ориентироваться на местности. Они же работают и с архивными документами. Проводники определяют координаты раскопок, выбирают удобный путь. Александр Афонин – ювелир из ГУП «Русский ювелир» вместе с сыном Владимиром в отряде с 1994 года, живёт в Москве. Получил прозвище «борода». Другими опытными проводниками являются отец и сын Богдановы, они живут в Новгороде, в отряде лет восемь. Виктор Валентинович на пенсии, ветеран войны, служил в СОБРе, лучше всех знает историю этих мест, судьбы военных частей и полков. Его сын Евгений юрист: с детства работает в лесу по «подъёму» бойцов. В отряде есть врач Володя Жуков, с отрядом с 1995 года. Есть у нас и свой собственный милиционер. Он же по совместительству и сапёр. Это чаще всего профессионал, который прошел войну в Афганистане или Чечне. Сам он мину обезвреживать не имеет права, но обеспечит надлежащую охрану и сообщит, куда следует. А сообщить надо Александру Валентиновичу Зубакину. Он

служил в Джаллалобаде. Имеет награды: медаль «За отвагу», «От благодарного Афганского народа», орден «Мужества», юбилейные награды, а также награды за поисковую работу. К общему делу относится, как и все, с большой отдачей. Сейчас он работает в Управлении Уголовного Розыска УВД Ярославской области старшим оперуполномоченным. С отрядом с самого начала. Одну из наград он получил за спасение людей из заминированного автобуса. О своих подвигах рассказывает неохотно. Он настоящий человек–легенда.

Есть в отряде и свои традиции. День рождения командира – это «святой» день для членов отряда. Если мы стоим под Старой Руссой, то по традиции проводится футбольный матч между командами «Поиск» со штабом Старой Руссы. Во время захоронения найденных останков бойцов отряд всегда в парадной форме и по традиции в общую могилу бросаем две–три лопаты земли, перед тем как начинает работать экскаватор.

С начала образования ярославского отряда «Группа "Поиск"» специализируется по «подъёму» бойцов Второй Ударной армии, а основным местом работы является деревня Мясной Бор – это одно из мест самых ожесточённых боёв за Ленинград. До сих пор в этих местах множество воронок, траншей, которые с годами осыпались, а боеприпасы, проржавев, не стали от этого менее опасными. Вот как о боях в этих местах вспоминают ветераны: «За Спасскую Полисть и Мясной Бор завязались ожесточённые, кровопролитные бои. В район Спасской Полисти противник срочно перебросил части двадцатой моторизованной и 254-й пехотной дивизий, подтянул артиллерию и миномёты, нацелил основные силы авиации. Огонь противника был настолько плотным, что нашим частям нередко приходилось оставлять захваченные позиции».

На этом направлении наш отряд «Поиск» работает и по сей день.

О «подъёме» бойцов я расскажу на примере 2003-2004 полевых сезонов.

16 августа 2003 года мы приехали и встали на место в ста метрах от шоссе Московской – Петербург. Утром после выбора места работы мы отправились за железную дорогу Москва – Петербург, здесь были немецкие позиции. Ставим привалочный лагерь, потом начинается собственно поиск: ребята втыкают в землю длинные щупы и слушают удар. По стуку сразу можно определить предмет – ведь у человеческих костей звук весьма специфический. Останки осторожно откапывают саперными лопатами и ножами, промывают. Конечно, трудно приходится новичкам в первый раз, потому что по неопытности любой звук новичок принимает как звук кости и бросается скорее копать. Здесь не обойтись и без помощи более опытных товарищей. У каждого из поисковиков нашего отряда существует своя техника поисков. Интересно понаблюдать за «стариками» отряда. Так, например, Саша Зубакин, Саша Афонин, выбирая места очередных поисков, сверяются по карте и выбирают направление поиска. И техника их не подводит, практически каждый выход увенчивается успехом – найденными бойцами. Можно научиться тщательной технике поисков и у слабой половины нашего отряда. Может быть, у них нет такой техники, как у Саши Зубакина, но зато вверенный им клочок земли они исследуют сантиметр за сантиметром и всё равно добьются цели. Надо сказать, что терпения у нашей женской половины намного больше, чем у нас. В 2004 году в апреле – мае отряд работал в местах ожесточенных боёв под Старой Руссой в так называемом «Рамушевском коридоре». В этом коридоре советские войска взяли в

окружение несколько немецких дивизий. Окружение дивизий – это один из планов наступательной операции под «Старой Руссой», где бои велись с конца июля 1941 года. Кровавопролитные бои в районе «Рамушевского коридора» привели к гибели 120 тысяч советских солдат.

За время работы с 1990 по 2004 год отряд 24 раза выезжал на место боёв Второй Ударной армии: под Старую Руссу, в Мясной Бор, в Ленинградскую область. За всё это время было «поднято» 1267 бойцов и 112 медальонов, среди них уроженец Ярославля солдат Михаил Иванович Кувшинов, погибший в 1942 году под Новгородом. По желанию родственников останки его были привезены в Ярославль и похоронены 8 сентября 2003 года на кладбище в Тверицах. Привезли его останки на Родину ребята из нашего отряда «Группа "Поиск"», и боец наконец-то обрел долгожданный покой. Похоронили солдата со всеми воинскими почестями, как и положено хоронить героя войны.

Каждый поход поисковиков приносит всё новые и новые находки, самыми ценными из которых являются солдатские медальоны. Своей работой ребята вносят неоценимый вклад, постепенно превращая «Долину смерти» в «Долину бессмертия»: вся «Долина» за 15 лет нашла и похоронила останки 69–ти тысяч советских солдат и офицеров, установлены имена почти 15–ти тысяч из них. Различие между потерями и названными цифрами и рождает скорбь и боль всех, кто приходит в леса, чтобы найти и по-человечески похоронить защитников Отечества. Хватит ли времени и сил? Не помешает ли что-то отдать последний долг солдатам? Пока есть люди, озабоченные этим, душа России жива.

С.Н. Картавый, М.А. Рутковский **Вехи нашей истории**

Созданное в 1999 году Верхне-Волжское отделение Академии военно-исторических наук (АВИН) представляет добровольное общественное формирование, деятельность которого направлена на решение актуальных задач военной истории России и нашего региона, на популяризацию славных боевых традиций, на военно-патриотическое воспитание населения, на формирование нового поколения ученых в области военно-патриотических знаний.

Ядро отделения составила небольшая инициативная группа ученых под руководством патриарха военно-исторической науки в России и регионе, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля наук РФ В.Т. Анискова. Он же стал его первым и бессменным председателем. Уже на организационном заседании отделения была обсуждена программа конкретной деятельности, которая сосредоточилась на трех основополагающих направлениях.

Во-первых, на расширении проблематики научных исследований военной истории России и Верхневолжья. В мае 2000 года была проведена первая региональная научная конференция, посвященная 55-летию Великой Победы, материалы которой вошли в первый номер Вестника Верхне-Волжского отделения АВИН.

Редакционную коллегию нового издания составили доктор исторических наук, профессора, действительные члены АВИН В.Т. Анисков (главный редактор), М.В. Новиков (ответственный редактор) и М.А. Рутковский (ученый секретарь). Ныне уже вышли в свет четыре выпуска нашего Вестника. И сегодня можно с гордостью констатировать, что подобного издания на верхневолжской земле еще не было ни в царские, ни в

советские времена. И если его «душой» по определению стал профессор В.Т. Анисков, то в плане практической реализации издательского замысла, основную долю всех усилий взял на себя проректор по научной работе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского профессор М.В. Новиков. С участием руководства ЯрГУ в «голубом зале» педуниверситета в мае 2005 года была проведена и недавняя наша научная конференция, посвященная 60-летию Великой Победы.

С середины 90-х годов минувшего столетия по настоящее время членами Верхне-Волжского отделения АВИН было опубликовано не менее 37 монографий (включая коллективные), являющихся фундаментальными научными трудами по военной истории. В их числе – монографии В.Т. Анискова, М.В. Новикова, С.Г. Осьмачко, А.М. Лушникова, М.А. Рутковского, А.Р. Хаирова и других.

В Бюллетене Академии военно-исторических наук за 2004 год (Санкт-Петербург) отмечалось, что «по своей глубине, фактическому материалу эти и другие труды членов Академии стали значительным вкладом в познании отечественной военной истории. Многие из них вызвали широкий интерес общественности, получили высокую оценку историков–профессионалов, в газетах и журналах». В том же публикаторском активе – не менее 300 статей.

Все члены нашего отделения принимают активное участие не только в областных и региональных, но также в общероссийских и международных конференциях. Только профессор В.Т. Анисков и только в юбилейный год принял участие в десяти научных конференциях различного уровня, посвященных 60-летию Великой Победы.

Успешно идет формирование нового поколения ученых, интересующихся проблематикой военной истории

и смежных с ней проблем. На кафедре истории России ЯрГУ ведется плодотворная подготовка кандидатских и докторских диссертаций. На факультете социально-политических наук и историческом факультете издано несколько сборников трудов преподавателей, аспирантов и студентов по военно-исторической и близкой к ней проблематике. Координируется и реализуется взаимодействие с музеями, архивами, ветеранскими организациями и НИИ академического и иного уровня.

Подобную же деятельность осуществляют многие обществоведы университета под руководством профессора М.В. Новикова, участники организованного в 2002 году кружка Военно-научного общества Ярославского филиала военного финансово-экономического университета под руководством члена-корреспондента Академии, подполковника С.Н. Картавого, а в высшем зенитно-ракетном университете – под руководством полковника С.Г. Осьмачко.

Историки всюду участвуют в военно-патриотическом воспитании населения, в пропаганде славных боевых традиций Вооруженных сил. Это, в частности, не только выступления с лекциями и сообщениями в различных коллективах и воинских частях, но также организация и проведение студенческих (курсантских) конференций и конкурсов, посвященных Второй мировой войне и военной исторической России. Несколько таких конференций с приглашением ветеранов войны и труда были проведены, например, в Ярославской государственной медицинской академии под руководством члена-корреспондента АВИН, доцента Н.Т. Ерегиной.

Интересное военно-патриотическое начинание было положено в Ярославском филиале Академии труда и социальных отношений, где консультантом выступает действительный член АВИН, профессор М.А. Рутковский.

Буквально в канун 60-летия Великой Победы здесь вышел в свет специальный выпуск собственного периодического издания «Альма матер», в который вошли материалы преподавателей и сотрудников филиала, кровно связанных с ветеранами Великой Отечественной войны, - рассказы о своих славных родственниках (живых и мертвых).

Происходит качественное совершенствование и развитие организационной структуры нашего отделения АВИН. В его составе в настоящее время насчитывается 10 человек. Из них – шесть действительных членов и четыре члена-корреспондента. В связи с реорганизацией академии, которую в Санкт-Петербурге ныне возглавил генерал-полковник, профессор М.И. Каратуев, наше отделение еще больше озабочено дальнейшим расширением и активизацией своей деятельности, родом ее рядов и окружающего актива. На одном из ближайших заседаний будет рассмотрен вопрос о новом пополнении АВИНа, причем не только в виде приема в состав академии из числа наиболее достойных преподавателей вузов и профессиональных военных.

В итоге же можно констатировать, что в первое пятилетие нового века наблюдался заметный количественный и качественный рост нашей организации, доказавшей свою способность использовать ее возросший потенциал для дальнейшего развития социально значимых ценностей, пропаганды гражданственности и истинного патриотизма у россиян.

Приложение

СПИСОК

изданных работ В. Т. Анискова и рецензии на его труды
2000–2005 гг.

Выпуск настоящего «Вестника Верхне-Волжского отделения академии военно-исторических наук», будучи посвящённым 60-летию Великой Победы, совпал по времени с несколькими примечательными вехами биографии председателя Верхне-Волжского отделения АВИН, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Виктора Тихоновича Анискова – 50-летием профессиональной научно-педагогической деятельности, начатой в качестве аспиранта Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского, 40-летием руководства подготовкой научных и научно-педагогических кадров через аспирантуру и докторантуру, 35-летием заведования кафедрой истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. В.Т. Анисков является основателем признанной научной школы, под его руководством подготовлено и защищено более 100 кандидатских и докторских диссертаций, им опубликовано более 500 научных трудов. В преддверии празднований Великой Победы В.Т. Анисков опубликовал несколько десятков монографий, учебных пособий и статей, посвящённых преимущественно военной тематике. В полном объеме и отдельно данный список публикуется впервые.

№ п/п	Название труда	Место публикации	Объём в п. л.	Примечание
1	2	3	4	5
I. Титульные монографии, учебные пособия				
1.	Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига	М.; Памятники историч. мысли, 2003	35, 1 502 с.	Изд. по конкурсу РГНФ. Удост. премии губ-ра (2003) и Яр. обл. премии (2004)
2.	История России: учебно-методическое пособие	Яр. гос. ун-т, Яр. гос. мед. акад. – Ярославль, 2000	13,2 228 с.	В соавт. с Б.Т. Ягловским
3.	История Ярославского края (1928–1998): учебное пособие	ЯрГУ. – Ярославль, 2000	18 290 с.	В соавт. с М.А. Рутковским
4.	История Ярославской области новейшего времени с (1928–1998): учебный проспект	ЯрГУ. – Воронеж, 2000	4,5 72 с.	В соавт. с М.А. Рутковским
5.	Православие на Ярославской земле. От крещения до наших дней.	Яр. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2003	9,5 152 с.	В соавт. с А.Р. Хаировым
6.	Россия революционная, красно-белая, нэповская в контексте Ярославского краеведения: учебно-методологическое пособие	ЯГПУ. – Ярославль, 2005	6,8 131 с.	Издана в числе работ, победивших в областном конкурсе грантов

II. Коллективные и индивидуальные монографии с участием, под редакцией и при организационном руководстве				
7.	Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 1	ЯГПУ, ЯрГУ. – Ярославль, 2000	8,0 126 с.	Сост., гл. ред., член авт. колл.
8.	Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 2	ЯГПУ, ЯрГУ. – Ярославль, 2001	8, 130 с.	То же участие
9.	Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 3	ЯГПУ, ЯрГУ. – Ярославль, 2004	11,0 175 с.	То же участие
10.	Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Вып. IV	ЯГПУ. – Ярославль, 2005	9,3 149 с.	То же участие
11.	Российский исторический журнал. Академия истории и политологии	Журн. АИИП. Саратов – Балашов. Периодичн. 2 номера в год	40 ок. 2 тыс. с.	Чл. ред. совета, рук. группы
12.	Анисков В. Т., Рутковский М. А. История Ярославского края (1928–1998)	ЯрГУ. – Ярославль, 2000	18 290 с.	Науч. ред.*

* Членство в составе редколлегий коллективных сборников в список не включено.

1	2	3	4	5
13.	Анисков В. Т., Рутковский М.А. История Ярославской области (1928– 1998): Учебный проспект	ЯрГУ. – Воронеж, 2000	4,5 71 с.	Науч. ред.
14.	Волкова Е. Ю. Живые стены на- шей крепости: героический труд и общественно- политическая ак- тивность женщин Верхнего Поволжья в годы Великой Отечест- венной войны	ЯрГУ, КГТУ. – Кострома, 2002	10, 162 с.	Науч. ред.
15.	Чудакова М. С. Противостояние: политический сыск доре- волюционной России 1880– 1917	ЯрГУ, ЯГМА. – Ярославль, 2003	20,7 330 с.	Науч. ред.
16.	Смурова О. В. Неземледельчес- кий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг.	КГТУ, ЯрГУ. – Кострома, 2003	10,6 172 с.	Науч. ред.
17.	Рутковский М.А. Очерки истории	ЯФ Акад. труда и соц. от-	15 248 с.	Науч. ред.

	ярославских профсоюзов (от зарождения до наших дней)	ношений. – Ярославль, 2003		
18.	Кабанова Л. В. Общественно-политическая жизнь России 1917–1929	ЯрГУ. – Ярославль, 2004	13,9 240 с.	Науч. ред.
19.	Волкова Е. Ю. В тылу ковался меч Победы: женщины России в годы Великой Отечественной войны	КГТУ. – Кострома, 2005	6,3 104 с.	Науч. ред.
20.	Новые научные всходы	Сборник работ аспирантов ЯрГУ. – Ярославль, 2005	4 56 с.	Науч. ред.

III. Статьи, доклады, сообщения, тезисы, рефераты

21.	О перманентной «революции сверху» и социальном насилии над крестьянством	Северный край, 2000, 22 февр.	0,3 5 с.	
22.	Указ о награждении пылится в архиве	Там же, 20 апр.	0,2 3 с.	
23.	Предисловие	Вестник В.-Волж. отд. Акад. воен.-ист. наук. Вып. I. ЯГПУ, ЯрГУ. – Ярославль, 2000	0,1 с. 3	

24.	Об исторической памяти и цене Победы	Там же	0,4 с. 5–11	
25.	Геостратегические факторы Победы	Там же	0,5 с. 119–126	
26.	Социально-экономические аспекты депортации автономной республики немцев Поволжья	Актуальн. пробл. естеств. и гуманит. наук на пороге XXI в. Соц.-полит. науки: к 30-летию ЯрГУ. – Ярославль, 2000	0,4 с. 5–11	
27.	Новое к эвакуации сельскохозяйственных ценностей из оккупированных районов	55 лет Великой Победы... Всерос. науч. конф. Сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 2000	0,3 с. 42–47	
28.	Кадры того общества – историческая зарисовка к 55-летию Победы	Влияние обществ. организ. на развитие взаимодействий личности и общества. Тез. конф. ЯрГУ. – Ярославль, 2000	0,2 с. 9–11	
29.	Ещё одна реплика в защиту крестьян	Вторая мировая война: история и современность. – Акад. Воен.-ист. наук – СПб, 2000	0,3 с. 188–192	

30.	Материальный и духовный облик предвоенного поколения (по материалам Ярославской области)	Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, нравственность, новации. Матер. Межрег. науч. практ. конф. Ч. 3. – Вологда, 2000	0,5 с. 118–125	
31.	Изучение деревни военных лет – на новый уровень	Сибирь – фронту. Матер. Всерос. науч. конф., посв. 55 летию Победы. – Кузбассвузиздат. – Кемерово, 2000	0,3 с. 90–94	
32.	Обзор документов сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП (б) за 1941–1945 гг.	Вел. Отеч. война в контекст. русской истории: СГУ. – Саратов, 2000	0,3 с. 14–20	
33.	Священный подвиг крестьян-воинов	Патриотизм Совет. Армии и народа – важнейший источник Победы. Сб. матер. Междунар. науч. конф., посв. 55-летию Вел. Победы. – СПб., 2000	0,3 с. 232–237	

34.	Основы и уроки духовной силы народа в 1941–1945 гг. (В общем и региональном аспекте)	Вел. Отеч. война: вопросы истории: матер. Междунар. конф. 18 апр. 2000 г. – Н. Новгород, 2000	0,3 с. 337–341	
35.	Перманентная «революция сверху» и социальное насилие над крестьянством	Матер. XXVI сессии симпозиума РАН по аграрной истории Вост. Европы. – М. – Тамбов, 2000	0,3 с. 176–181	
36.	Триединая несправедливость к крестьянству	Урал в стратегии Второй мировой войны. Матер. Всерос. науч. конф., посв. 55-летию Победы. УрО РАН. – Екатеринбург, 2000	0,5 с. 60–66	
37.	Ценный первоисточник изучения истории деревни военных лет	Матер. науч. конф. к 55-летию Победы. СО РАН. – Омск, 2000	0,3 с. 72–78	
38.	Феномен фальсификации	Социальный психолог. Вып. 1. – Ярославль, 2001	0,3 с. 20–24	
39.	О методологии социально-исторического исследования (к 60-летию фашистского нашествия)	Вестник соц.-полит. наук: ЯрГУ. – Ярославль, 2001	0,5 с. 35–44	

1	2	3	4	5
40.	Геостратегические основы Победы	Вторая мировая война. Уроки истории. Матер. первой тем. Междунар. конф. – СПб, 2001	0,6 с. 47–54	
41.	Потери скота от немецкой оккупации	Матер. XXVII сессии симпозиума РАН по аграрной истории Вост. Европы. – М. – Вологда, 2001	0,2 с. 106–109	
42.	Фашистский оккупационный режим на советской территории	Вестник В.-Волж. отд. Акад. воен.-ист. наук. Вып. 2. – Ярославль, 2001	0,5 с. 3–11	
43.	Нацистская депортация и колонизация	Там же	0,5 с. 121–129	
44.	Образовательная и высшая школа области в годы Великой Отечественной войны	Развитие проф. образования в Яросл. области. История и современность. Матер. Междунар. конф., посв. 200-летию высшей школы. ЯГПУ. – Ярославль, 2003	0,3 с. 1	

45.	Воссоздание классического университета (1970–1980)	Там же	0,6 с. 152– 165	
46.	Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова	Очерки истории высшей школы Ярославского края: К её 200-летию. ЯрГУ. – Ярославль, 2003	2,7 с. 43– 87	В соавторстве с М. А. Рутковским
47.	Самый тяжкий и озарённый год в деревне	Вестник соц.-полит. наук. Вып. 3. ЯрГУ. – Ярославль, 2003	0,3 с. 87– 93	
48.	Сопоставления и общие итоги партизанской борьбы	Вестник В.-Волж. отд. Акад. воен. – ист. наук. – Ярославль, 2004	1,3 с. 78– 98	
49.	Исходные методологические оценки партизанского движения	Там же	0,3 с. 78– 98	
50.	Из Ленинграда в Ярославль и через него	60 лет снятия блокады Ленинграда и освобождения Ленинградской области. матер. Междунар. конф. – СПб., 2003	0,2 с. 328– 328	В соавторстве с А. Р. Хаировым
51.	Ярославцы для Ленинграда и на его защите	Там же	0,2 с. 328– 331	В соавторстве с А. Р. Хаировым

52.	Колхозное и личное на службе Отечеству (на примере Бурятии)	Мы Победу приближали как могли: матер. Междунар. науч. конф., посв. Вел. Отеч. войне: 18–19 апр. – Москва, 2003	0,5 с. 77–84	
53.	Заготовки сельскохозяйственной продукции и налоги	Там же	0,5 с. 134–142	
54.	Заключительное слово о православии	В. Т. Анисков. Биобиблиограф. сб. ЯрГУ. – Ярославль, 2003	0,13 с. 85–86	В соавторстве с А. Р. Хаировым
55.	Фрагмент воспоминаний	Там же	0,3 с. 108–113	
56.	О базовых источниках нашей Победы (с агрокрестьянским акцентом)	Матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию ЯрГУ: соц.-полит. науки. – Ярославль, 2003	0,3 с. 3–7	
57.	История Комуча: опыт несоветской демократии	Ярославский педагог. вестник: науч. метод. журн. ЯГПУ, № 3. – Ярославль, 2004	1,0 с. 69–75	В соавторстве с Л. В. Кабановой
58.	Великая Победа и российское крестьянство	Там же, № 4. – Ярославль, 2004	0,7 с. 206–211	

59.	История православия в отечественной истории (в межфакультетском преподавании)	ЯрГУ: Вестник соц.-полит. наук. Вып. 4. – Ярославль, 2004	0,3 с. 28– 33	
60.	О решающей роли крестьянства в Победе и его же гибели	Башкирский гос. ун-т: матер. науч.-практ. конф. к 95-летию БГУ. – Уфа, 2004	0,2 с. 95– 97	
61.	Ещё раз о крестьянской победе и уничтожении деревни	Социальные и духовные ресурсы Победы. Сб. докл. и сообщ. всерос. науч. конф. 17 марта. – Кострома, 2005	0,7 с. 175– 184	
62.	Об исходно-крестьянской основе Победы и последующей гибели её носителя (социально-методологический срез)	IX Царскосельские чтения: Всерос. науч.-практ. конф. 8 апр. 2005 г. Т. 1. Правит. Ленингр. обл., Ленингр. Гос. Ун-т. – СПб., 2005		
63.	Великая Отечественная война и советская школа	Вестник Международн. АН высшей школы. № 2 (25). – М. – Улан-Батор, 2005	0,7	

64.	О трудовой и самодеятельной помощи школьников фронту	Вклад Урала в разгром фашизма. Историч. опыт и совр. проблемы нац. безопасности. Четвёрт. урал. воен.-ист. чтения. УрО РАН. – Екатеринбург, 2005	0,3	
65.	К общественному и личному в жизни крестьянства военных лет	Горьковск. обл. в годы Вел. Отеч. войны. История и современность. Матер. межрег. науч.-практ. конф. НГУ. – Н. Новгород, 2005	0,2	
66.	Детский всеобуч – проявление высшей нравственности народного образования военных лет	Интеллигенция и нравственность. Матер. Всерос. науч. конф., Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2005	0,3	
67.	Колхозное население военных лет	Вестник В.-Волж. отд. Акад. воен.-ист. наук. Вып. IV. – Ярославль, 2005	9,3 149 с.	
68–72.	Подготовлено в виде науч. рук. несколько авторефератов диссертаций	Подготовлено по месту защиты		Шелия Ж. А. (2001), Л. Д. Руденко (2003), Н.В. Кукина (2004), Е.Ю. Волкова

				(2005), О.В. Смурова (2005)
1	2	3	4	5
IV. Публикации о трудах автора и его организаторской деятельности				
73.	Иерусалимский Ю., Рутковский М. Изучение ярославскими историками истории Великой Отечественной войны	Вестник В.-Волж. отд. Акад. воен.-ист. наук. Вып. I. – Ярославль, 2000	0,5 с. 102–111	
74.	Новиков М. В. Событие в историческом краеведении	Рец. на кн.: Анисков В.Т., Рутковский М.А. История Ярославского края (1928–1998). – Северный край, 29 авг. 2000 г.	0,2	
75.	Гвоздев С. Без лжи и умолчаний	Рец. на указ. кн.: Ярославская неделя, 13 окт., 2000	0,2	
76.	Чернобаев А. А. Анисков Виктор Тихонович	Историки России: Кто есть кто в изучении отечест. истории. Библ. словарь. – Саратов, 2000	0,1 с. 19–20	Первое издание вышло в 1998 г., 3-е – в 2002.
77.	Новиков В. В. О книге, авторах и субъективных пожеланиях	Слово к указ. кн. В.Т. Анискова, М. А. Рутковского (см.: п. 3)	0,1 с. 3–5	

78.	Рутковский М.А. Из опыта научной работы кафедры истории России. К 30-летию кафедры и ЯрГУ	Актуальные проблемы естеств. и гум. наук на пороге XXI в. Соц.-полит. науки. – Ярославль, 2000	0,2 с. 9–11	Зав. кафедрой В. Т. Анисков
79.	Гвоздев С.А. Размышление над книгой В.Т. Анискова и М.А.Рутковского	Рец. на указ. кн.: (см.: п. 3) Российский исторический журн., № 1 (28). – Саратов-Балашов, 2001	0,2 с. 60–63	
80.	Новиков В. В. О новом труде В.Т. Анискова: к итогам научной деятельности	Вестник соц.-полит. наук. Вып. 2. ЯрГУ. – Ярославль, 2002	1,2 с. 111–130	Переизд. в указ. Биобибл. сб. См. п. 84
81.	Он же. О книге и об авторе	Представление монографии В.Т. Анискова (См. п. I) М., 2003	1,2 с. 3–19	
82.	Акад. РАН Алексеев В. В. [Отклик на кн. В. Т. Анискова]	В.Т. Анисков. Биобибл. сб. – Ярославль, 2003	с. 113	На кн., указ. в п. I
83.	Новиков М.В. Послесловие [к кн. Анискова В.Т., Хаирова А.Р.]	Православие на Ярославской земле. От крещения до наших дней. – Ярославль, 2003	с. 149	Переизд. в том же сб. (п. 84)
84.	Шустров А. Г. Послесловие [к указ. кн.]	Там же	с. 150	Переизд. в том же сб.
85.	Виктор Тихонович	ЯрГУ: автор-составитель	5,6 116 с.	Издан к 75-летию юбиляра

	Анисков. Библиографический сборник. Юбилейный выпуск	М. А. Рутковский с участ. Л.А. Бухарина, Е. Я. Слепцова. – Ярославль, 2003		
86.	Доклад Совета о деятельности Академии военно-исторических наук (АВИН) 1998–2003 гг.	Бюллетень Академии воен.-ист. наук. – СПб., 2004	3,0 40 с.	О деят. В.-Волж. отд. АВИН (пред. В. Т. Анисков) см. с. 5, 8, 9, 12, 13, др.
87.	Митрофанова А.В. Уважаемый Виктор Тихонович!	Указ. биобибл. сб. (см. п. 84)	0,1 с. 102–103	Из опубл. писем и адресов. Всего к 75-летию В. Т. Анискова опубл. более десяти развёрнутых писем и адресов
88.	Волкова Е.Ю. Крестьянин и война	Рец. на кн. В. Т. Анискова: Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. – Северная правда, 31 марта, 2004	0,1	
89.	Осьмачко С. Подвиг советского крестьянства	Рец. на указ. кн. – Северный край, 30 июля 2004	0,1	

90.	Новиков М.В. О предлагаемой книге	Прилож. к кн. В.Т. Анискова. Россия революционная... (см. п. 6). – Ярославль, 2005	0,1 с. 126–127	
91.	Осьмачко С. Г. О той же книге	Там же	0,1 с. 128–129	
92.	Козлов Н. Д. Крестьянство против фашизма	Рец. на одноим. кн.: В. Т. Анискова (см. п. 1) Журнал Мин. Обороны РФ, № 10. – М., 2005.	0,2 с. 65	Перепечатку указанной рецензии см. на последующей стр.
93.	Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003, 502 с.	Куманев Г. А., Земсков В. Н. Рец на указ. кн. – Новая и новейшая история, М., 2005, № 6	0,2 с. 209	Журнал РАН

В итоге, за последние 5–6 лет общий объём опубликованных работ В. Т. Анискова составил 85 п. л., а вышедших под его научной редакцией – более 160. Оценкам его трудов посвящено 17 опубликованных рецензий и отзывов.

Общий перечень библиографии и историографии, связанный с именем учёного, превышает 500 наименований.

Рецензия

Книга заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Ярославского университета В.Т. Анискова – наиболее значимое за последние несколько десятилетий исследование о советском крестьянстве периода борьбы с фашизмом. В ней представлена широкая панорама жизни, труда и борьбы крестьянства, показан подвиг деревни во имя Великой Победы. Издание поднимает общеисторические, методологические и социально-психологические проблемы как в рамках военных лет, так и в связи с прежней и последующей судьбой советского крестьянства. Центральная идея труда – массово-жертвенный патриотизм нашей деревни во время войны и его истоки.

Автор, верный научным традициям, справедливо подчёркивает, что слишком долго принижали роль деревни во всенародной борьбе. Сначала это было связано с известной концепцией государства диктатуры пролетариата, а в конце XX – начале XXI века – с тем, что такие определения деревни, как «героическая», «колхозно-совхозная», «советская» и «всесоюзная», не соответствуют нынешним политизированным аграрным понятиям.

Жертвенный подвиг крестьян раскрывался во множестве их судеб, реальных поступков во время мобилизации, а также на фронте и в тылу, в партизанском движении и на оккупированной территории. Это проявлялось в производственной, общественной и личной жизни, заботе о воспитании детей, поддержании условий для выживания, укреплении морально-психологического духа.

Читатель найдёт в книге интересные факты. Крестьян в действующей армии насчитывалось не менее 80 проц. Малая, непризывная часть крестьянства кормила армию и страну. Крестьяне давали необходимое продовольствие и сырьё, но сами не были поставлены даже на минимальное нормирование по карточкам. Сельское население составляло большинство участников партизанского движения, являлось первой жертвой оккупантов в ходе акций «возмездия», восполняло рабочую силу в городах, на лесо- и торфоразработках, строительстве оборонительных объектов в прифронтовой зоне, пополняло систему трудовых резервов, «уплотнялось», принимая у себя эвакуированных и депортированных соотечественников. Среди дважды Героев Советского Союза выходцев из крестьян было 60 проц., а в традиционно-земледельческих районах доля героев-крестьян по происхождению достигала 70–80 проц. и более.

В.Т. Анисков приходит к выводу, что не противопоставление советского бывшему российскому, а их нераздельное единство, межнациональная гордость и уже привычный интернационализм помогли в войне сначала выстоять, переломить смертельный ход событий, а затем добиться Великой Победы. Кроме того, историческое самосознание дало возможность советскому человеку, в первую очередь российскому крестьянину, решительно преодолеть трудности и стать выше ранящих, но преходящих социальных обид. Народ мудр и памятен. Он всегда отличал главное от второстепенного, потому все расчёты и посулы фашистов, их чудовищные провокации разбились о наш менталитет.

Книга В.Т. Анискова – это не просто история отечественного крестьянства во время войны, но и

размышления о прошлом, настоящем и отчасти о будущем.

Один из важнейших, убедительно аргументированных выводов монографии состоит в том, что фашистская Германия принесла СССР колоссальные разрушения и безвозвратные людские потери, но не достигла в войне главного: ей не удалось сокрушить Советское государство. Однако негативные последствия войны деформировали отношения государства, города и села.

Характеризуя это явление, автор пишет о жизненной важности и неотложности более крутого поворота, чем тот, который был осуществлён во время перехода от войны к миру: безотлагательное устранение последствий 1930-х годов. К сожалению, этого не произошло. Вынужденные последующие «преобразования» не изменили положения села. В результате надломилось само сельское хозяйство, а затем, по мнению автора, участь деревни предрешила судьбу всей страны.

Исследование отличается точностью и образностью, раскрывает не только историю, но и психологию подвига крестьянства, побуждает читателя к глубоким размышлениям.

Н. Д. Козлов

Научное издание
Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
военно-исторических наук
Материалы научной конференции

Редактор С.А. Викторова
Компьютерная вёрстка - Ю.В. Машонина

Подписано в печать 24.11.2005

Формат бумаги 60x92/16
Уч.-изд. л. 6,25. Печ. л. 10,62. Тираж 500 экз. Заказ 790.

Издательство Ярославского государственного педагогического
университета имени К. Д. Ушинского
(ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44